Пять картинъ.

СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

ИЗДАВАЕМЫЙ

С. КАШПИРЕВОЙ

1871 ГОДЪ

5

С. ПЕТЕРБУРГЪ

2983.
1889
Проз. 56
23606.
250
М. П-469

ВЫШЛА И РАЗДАЕТСЯ 5-Я МАЙСКАЯ КНИЖКА

ЖУРНАЛА

„ЗАРЯ“

(годъ третій.)

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Вліяніе Сербіи и Аѳона на русскую литературу въ XIV и XV вѣкахъ. *И. Некрасова.*

II. Смерть графа Каподистріи. *Г. Ригана.*

III. Объ Уральско-Сибирской желѣзной дорогѣ. *М. И.*

IV. О тайныхъ обществахъ въ учебныхъ заведеніяхъ Сѣверо-Западнаго края при князѣ А. Чарторыйскомъ. *С. Шолковича.*

V. Конрадъ Валленродъ. (Историческая повѣсть, А. Мицкевича). *П. Н. С—ва.*

VI. Семейная бѣда. Драма въ трехъ дѣйствіяхъ, съ прологомъ. *Ив. Якунина.*

VIII. Славная женщина. (Романъ автора «Джона Галифакса»). Главы VI—IX.

VII. Послѣдній Польскій король Станиславъ Августъ Понятовскій. Глава I. *М. Де-Пуле.*

IX. Библіографія. Послѣдній сеймъ Рѣчи Посполитой. Соч. Д. Иловайскаго. Москва. 1870. *Н. Я. Аристова.*

1902

X. **О направленіи и дѣятельности общества содѣйствія русской промышленности и торговлѣ.**

XI. **Изъ современной хроники.** Земство и вопросъ о податной реформѣ. Мнѣніе С.-Петербургскаго земскаго собранія и нѣкоторыхъ другихъ по этому вопросу. Почему мы считаемъ эти мнѣнія чрезвычайно важными. Данныя, обусловливающія вѣроятность распространенія податной повинности на всѣ классы общества. Новыя правила о порядкѣ дѣйствія чиновъ корпуса жандармовъ по изслѣдованію преступленій.

XII. **Политическое обозрѣніе.** Парижская комуна и Версальское собраніе.

XIII. **Приложеніе.** 1) Для исторіи русскихъ тайныхъ сектъ въ концѣ XVIII вѣка. 2) О пребываніи Великой Княгини Александры Павловны въ Венгріи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ:

Въ С.-Петербургѣ.

Безъ доставки.	**15** руб.		
Съ доставкою на домъ .	**15**	«	**50** к.
Съ пересылкою	**16**	«	**50** к.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Для иногородныхъ: исключительно въ редакціи журнала „ЗАРЯ“ (Саперный переулокъ, домъ № 19 Мельникова). **Въ С.-Петербургѣ** въ редакціи журнала „**ЗАРЯ**“ въ магазинахъ А. Ѳ. Базунова, Я. И. Исакова и у всѣхъ книгопродавцевъ. **Въ Москвѣ:** у книгопродавца Соловьева (Страстной бульваръ, д. Алексѣевыхъ). **Въ почтовыхъ конторахъ подписка не принимается.**

За своевременную и исправную доставку книгъ редакція отвѣчаетъ лишь подписавшимся въ самой редакціи.

Разсрочка допускается для гг. служащихъ за поручительствомъ ихъ казначеевъ, а для прочихъ подписчиковъ—по соглашенію съ редакціей.

Редакторъ-издатель **В. Кашпиревъ.**

Тутъ же принимается подписка на журналъ для дѣтей и юношества или для семейнаго чтенія «СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА».

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

Для иногородныхъ исключительно въ редакціи журнала „ЗАРЯ" (Сергіевская [illegible] домъ № 10 [illegible]). Въ С.-Петербургѣ въ редакціи журнала „ЗАРЯ" въ магазинахъ А. Ф. Базунова, Я. И. Исакова и у всѣхъ книгопродавцевъ. Въ Москвѣ у книгопродавца Соловьева (Страстной бульваръ, д. Алексѣевыхъ). Въ почтовыхъ конторахъ подписка не принимается.

За своевременную и исправную доставку книгъ редакція отвѣчаетъ лишь подписчикамъ ея изъ самой редакціи.

Разсрочка допускается для гг. служащихъ по поручительству ихъ начальства и для прочихъ подписчиковъ — по соглашенію съ редакціею.

Редакторъ-издатель В. Кашпиревъ.

[illegible]

2956.

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕЙ ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ

МАРІИ АЛЕКСАНДРОВНѢ

ИМѢЕТЪ СЧАСТІЕ ПОСВЯТИТЬ

всепокорнѣйшая и преданнѣйшая

Софія Кашпирева.

СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ И ЮНОШЕСТВА,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

С. КАШПИРЕВОЙ.

Отдѣлъ для юношества.

МАЙ.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Втораго Отд. Соб. Е. И. В. Канцеляріи.
1871.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. **Двѣ сестры или приключенія Вари** (продолженіе). . . 1

II. **Падчерица** (продолженіе). 23

III. **Подземный городъ** (съ картинками) 67

IV. **Мечты и происки въ Самборѣ**, *А. Е. Разина* (продолж.) 109

V. **Графъ Сперанскій** (продолженіе) 141

VI. **Рысь** (съ картинкою) 153

VII. **Мелочи** *(Переводъ съ англійскаго С. Ф. Т-ой)* 159

ДВѢ СЕСТРЫ

или

ПРИКЛЮЧЕНІЯ ВАРИ.

ГЛАВА XIII.

Варя идетъ въ няни.

Семейство Перфиловыхъ ѣхало изъ Москвы на югъ Россіи; оно состояло изъ мужа, жены, двухъ маленькихъ дѣтей и ихъ няни. Эта послѣдняя заболѣла въ дорогѣ, и по пріѣздѣ въ К. у нея обнаружилась тифозная горячка. Перфиловы находились въ чрезвычайно затруднительномъ положеніи: онъ спѣшилъ занять новую должность, на которую только что былъ назначенъ, и никакъ не могъ дожидаться въ К. выздоровленія няни, не могъ даже просрочить нѣсколько дней, потому что и безъ того, опоздалъ своимъ отъѣздомъ. О томъ, чтобы оставить жену и дѣтей и уѣхать одному не могло быть и рѣчи, и такъ, приходилось разстаться съ нянею, помѣстить ее въ больницу и дать ей средства, по выздоровленіи, вернуться въ Москву; но тутъ явилось новое затруд-

неніе: Марьѣ Ивановнѣ ѣхать одной съ двумя маленькими дѣтьми было невозможно, а гдѣ найти няню, въ одинъ день и въ чужомъ городѣ, да еще такую, которая согласилась бы на отъѣздъ. Марья Ивановна приходила въ отчаяніе, заранѣе воображала себѣ все, что должны будутъ испытать ея бѣдныя малютки въ дорогѣ безъ няни, ворчала, что они должны были оставить Москву, и готова была плакать отъ волненія. Ея мужъ понапрасно утѣшалъ ее, говоря, что это случается со всѣми, что дѣти не умрутъ, не заболѣютъ отъ этого, она ничего не хотѣла слышать.—Вотъ ты всегда такъ разсуждаешь, говорила она мужу,—тебѣ все ничего; а какъ же будешь ночью? я возьму Соню на руки, а Колю кто же возьметъ?

— Колю можно и такъ положить, отвѣчалъ Сергѣй Павловичъ.

— Такъ положить! съ негодованіемъ возразила Марья Ивановна,—ты знаешь, что онъ иначе не засыпаетъ какъ на рукахъ, а у тебя онъ не любитъ лежать, ты такъ неловокъ.

— Такъ чтоже дѣлать, душа моя? Вѣдь никто не виноватъ, что няня заболѣла, а брать незнакомую, безъ рекомендаціи, право еще страшнѣе.

— Ну, какъ хочешь, а если только найдется какая нибудь, я долго разбирать не буду и непремѣнно возьму.

Марья Ивановна попросила хозяина гостиницы, гдѣ они остановились, помочь имъ отыскать няню, и жена его, бывшая въ большой дружбѣ съ Власьевной, сейчасъ отправилась къ ней за совѣтомъ. Власьевна обрадовалась

этому случаю пристроить Варю, о которой очень жалѣла и поспѣшила сообщить ей въ чемъ дѣло.

Варя, которая уже принялась за перо, чтобы писать Марѳѣ Андреевнѣ, чрезвычайно обрадовалась этому случаю, который показался ей ниспосланнымъ провидѣніемъ, чтобы избавить ее отъ униженія. Она на все согласилась, и тотчасъ же, въ сопровожденіи Власьевны, пошла уговариваться съ Перфиловыми. Молодость и красота ея поразили ихъ, и Сергѣю Павловичу показалось очень рискованныхъ брать къ дѣтямъ такую неопытную дѣвушку, но Марья Ивановна обрадовалась, что нашелся кто нибудь, согласилась на всѣ ея условія и Сергѣй Павловичь долженъ былъ уступить женѣ, которой и въ голову не пришло спросить о прежней жизни Вари, да и некогда было долго разговаривать съ нею; они устали съ дороги, дѣти пищали и плакали, и Варя должна была обѣщать тотчасъ же переѣхать къ нимъ въ гостинницу. Къ тому же, имъ понравилось добродушное лице Власьевны, которая съ жаромъ расхваливала Варю и старалась внушить къ ней сострадапіе, какъ къ круглой сиротѣ. Не зная никого въ городѣ, они не подозрѣвали что, ввели къ дѣтямъ бывшую актрису, надѣлавшую столько шуму въ К. и, къ счастію для Вари, хозяинъ гостинницы умолчалъ объ этомъ обстоятельствѣ.

И такъ Варя, со слезами на глазахъ, разсталась съ доброй Власьевной и, поблагодаривъ ее за все оказанное ей добро, вступила въ исправленіе новой должности своей, и на другой день, вмѣстѣ съ Перфиловыми, оставила негостепріимный для нея городъ К., куда она три мѣсяца передъ тѣмъ, привезла столько радостныхъ на-

деждъ. Дѣти порученные ей были мальчикъ трехъ лѣтъ и полуторогодовалая дѣвочка, едва начинавшая ходить. Къ обыкновеннымъ трудностямъ ухода за такими маленькими дѣтьми, присоединялась еще трудность путешествія, и то обстоятельство, что дѣти были чрезвычайно избалованы. Варя не имѣла опытности въ обращеніи съ дѣтьми, и мы знаемъ, она была нетерпѣлива, такъ что легко можно себѣ представить, какъ ей было тяжело слышать эту вѣчную пискатню и цѣлый день стараться забавлять дѣтей, а цѣлую ночь держать одного изъ нихъ на колѣняхъ. Коля хотѣлъ, чтобы ему разсказывали сказки и сердился когда Варя уставала и не знала, что говорить, или онъ хотѣлъ играть въ лошадки завязками на шляпкѣ и до того дергалъ ихъ, что безпрестанно отрывалъ; Соня же хотѣла прыгать на рукахъ, или щипать Варю, или слушать пѣсни. Марья Ивановна не противорѣчила дѣтямъ; и когда Коля крѣпко дернетъ Варю за ленту и закричитъ: эй ты гнѣдая! всегда смѣялась, и говорила Варѣ:—не правда ли, какой онъ славный мальчикъ? Правь молодецъ Коля! А когда Соня щипалась, то она ласково говорила:—вѣдь вы не обижаетесь, Варвара, она маленькая, и ей скучно, не правда-ли?

Варя внутренно сердилась, но молчала и думала, что это все только въ дорогѣ, и что скоро участь ея облегчится, съ пріѣздомъ на мѣсто, но когда они дѣйствительно достигли Х., то бѣдная Варя такъ измучилась, что едва держалась на ногахъ.

Марья Ивановна Перфилова въ сущности была добрая женщина, но страстная любовь ея къ дѣтямъ доводила ее до безразсудствъ. Она не могла выносить слезъ ребенка и

не понимала, что чѣмъ болѣе она старалась исполнять всѣ его капризы, тѣмъ болѣе развивались эти послѣдніе. Она была увѣрена, что ея дѣти такіе ангелы, что только нняня виновата въ ихъ слезахъ.—Еслибы она умѣла обращаться съ ними, говаривала она,—то они никогда бы не плакали; только не надо ихъ дразнить. Варя же не любила дѣтей и слишкомъ была занята собою, чтобы находить малѣйшее удовольствіе въ дѣтскомъ лепетѣ или играхъ; по этому она исполняла свои обязанности нехотя, тяготилась ими и конечно, не могла пріобрѣсти любви дѣтей. Марья Ивановна постоянно была ею недовольна, и не легко было Варѣ выслушивать упреки, иногда заслуженные, но часто и несправедливые. Каково было ей проводить цѣлый день въ томъ, чтобы то укачивать, то кормить кашкою ребенка, то носить его на рукахъ, или разставлять ему игрушки, или пѣть ему пѣсни, и послѣ такого дня, по десяти разъ вставать ночью, потому что дѣти были пріучены засыпать на рукахъ, и при малѣйшемъ ихъ плачѣ, Марья Ивановна сама прибѣгала въ дѣтскую и сердилась на Варю. Ей и въ голову не приходило, что Варя можетъ устать, и она не могла понять, какъ можно не любить страстно такихъ ангельчиковъ, какъ Коля и Соня, и не считать счастьемъ ходить за ними. Если бы въ прежнее время сказали Варѣ, что она въ состояніи будетъ вынести такую жизнь, она бы никогда этому не повѣрила, но *нужда не свой братъ*, и не даромъ Варя столько испытала горя въ этотъ послѣдній годъ. Она научилась дорожить пристанищемъ, она знала, что если Марья Ивановна откажетъ ей, то она останется на улицѣ, и горькая дѣйствительность заставляла ее умѣрять

свое нетерпѣніе и подчиняться обстоятельствамъ. Она не могла вполнѣ передѣлать себя, не могла находить удовольствія въ исполненіи своихъ обязанностей, не могла даже полюбить, въ особенности этого избалованнаго Колю, слишкомъ надоѣдавшаго ей, но она научилась довольно владѣть собою, чтобы покорно выслушивать упреки Марьи Ивановны и формально исполнять то, что взяла на себя. Самонадѣянность ея исчезла, она увидѣла, какъ безсильна она противъ обстоятельствъ, какъ трудно не только достичь славы и богатства, но даже просто не умереть съ голода, когда разсчитываешь на себя одну и отвергаешь помощь другихъ. Характеръ и взглядъ ея очень измѣнились, но одно еще осталось въ ней: *это ея гордость.* Часто думала она написать сестрѣ, просить прощенія у тетки, но гордость снова брала верхъ и она откладывала это примиреніе до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ. Ей казалось слишкомъ унизительнымъ прибѣгать къ письму въ теперешнемъ своемъ положеніи. Она научилась дорожить родственными связями, она почувствовала теперь, что не можетъ жить безъ Саши, но она не хотѣла внушить Марѳѣ Андреевнѣ мысль, что одна нужда заставляетъ ее обратиться къ ней, и потому рѣшилась ждать перемѣны своего положенія. Она надѣялась прожить нѣкоторое время у Марьи Ивановны и скопить себѣ достаточно денегъ, чтобы доѣхать до Петербурга и снова приняться тамъ за литературу. Какъ была бы она счастлива теперь цѣлый день переводить, хоть за самую маленькую плату, лишь бы избавиться отъ трудныхъ обязанностей няни.

Итакъ Варя рѣшилась ждать и терпѣть, но одно не

входило въ ея соображеніе, и она скоро увидала, что *человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ*—она не разсчитывала, что силы ея могутъ не вынести этихъ постоянныхъ безсонныхъ ночей и дней безъ отдыха; она думала, что здоровье никогда не измѣнитъ ей, но на дѣлѣ вышло иначе. У нея стала болѣть грудь, глаза впали, и слабость часто доходила до того, что она едва держалась на ногахъ. Марья Ивановна замѣтила это и крайне удивилась:—Какое у васъ слабое здоровье, сказала она ей;—вамъ бы не слѣдовало идти къ дѣтямъ. Если вы у меня устаете, то нигдѣ не уживетесь; вы бы пошли отдохнуть.

И Варя, обрадованная этимъ позволеніемъ, ложилась на кровать. Но не проходило и четверти часа, какъ Коля, которому всегда хотѣлось быть тамъ, куда его не пускали, отправлялся къ ней, и начиналъ приставать.

— Варвара, покатай меня на лошадкѣ.

— Ахъ, Коля, я устала, оставь меня, говорила Варя.

Тогда Коля принимался плакать и кричать, приходила Марья Ивановна и говорила Варѣ:

— Вы немножко его покатайте, Варвара, ему такъ хочется, а потомъ вы одохнете!

Но потомъ являлось другое препятствіе, и такимъ образомъ предполагаемый отдыхъ откладывался до безконечности.

Видя, что здоровье съ каждымъ днемъ измѣняетъ ей, Варя забыла наконецъ свою гордость и рѣшилась написать Сашѣ и Марьѣ Андреевнѣ. Болѣзнь часто отрѣзвляетъ насъ и заставляетъ видѣть вещи въ ихъ истинномъ свѣтѣ. Варя почувствовала, что никакая слава и не-

зависимость не могутъ сравниться съ участіемъ близкихъ людей, и всѣ соображенія о томъ, какъ должна пострадать ея гордость, поблѣднѣли въ сравненіи съ желаніемъ взглянуть на Сашу.

И такъ, Варя написала самое задушевное, полное раскаянія письмо и, отославъ его на почту, почувствовала облегченіе, но съ трепетомъ ждала отвѣта и разсчитывала дни и часы, которые должны пройти до полученія его.

ГЛАВА XIV.

Переѣздъ Марьи Андреевны въ Х.

Между тѣмъ прошло шесть мѣсяцевъ и Саша ничего не знала о Варѣ. Послѣ письма, въ которомъ эта послѣдняя извѣщала ее о поступленіи на провинціальную сцену, о ней не было ни слуху ни духу. Бѣдная Саша рѣшительно приходила въ отчаяніе, но ей сочувствовала одна Лиза, которую она съумѣла заставить полюбить Варю и которая готова была любить всѣхъ и все, что прикажетъ Саша. Мароа Андреевна сердилась, когда Саша заговаривала о своемъ безпокойствѣ: И полно, матушка, говорила она,—случилось что нибудь! Ничего не случилось;—просто она поняла, что по такой дорогѣ пошла гдѣ нечего больше съ сестрою знаться. Забудь ты ее, Саша, не стоитъ она любви твоей, вотъ и все.

А когда Саша умоляла тетку похлопотать отъискать Варю, то получала рѣшительный отказъ:—Актрисъ я буду отъискивать! однажды разсердившись сказала она

ей! нѣтъ уже лучше не говори. Да что это, въ самомъ дѣлѣ? Я хотѣла ей благодѣяніе оказать, взять ее къ себѣ въ домъ, она мнѣ грубостей наговорила; махнула въ Петербургъ, и тамъ въ актрисы. Тебя знать не хочетъ,—а я еще ее буду отъискивать. Нѣтъ, это слишкомъ!

Послѣ этого, Саша не смѣла больше обращаться къ теткѣ; а что могла сдѣлать она своими собственными силами? Она плакала и молилась, ждала почтовыхъ дней, попеременно надѣялась и отчаявалась, а время шло своимъ чередомъ и безпокойство ея росло. Между тѣмъ Лизины уроки шли успѣшно и доставляли Сашѣ большое утѣшеніе и развлеченіе. Марѳа Андреевна примирилась съ ея образомъ жизни и не уговаривала ее больше выѣзжать; даже въ душѣ своей была довольна, что можетъ оставлять Лизу съ вѣрнымъ человѣкомъ, а сама вести суетливую жизнь, которая ей была такъ по сердцу. Саша правильно распредѣлила часы между Лизиными занятіями, своими собственными и гуляньемъ, такъ, что дни однообразно и незамѣтно проходили за днями, пока непредвидѣнное событіе не прервало этого однообразія. Марѳа Андреевна простудилась на балѣ; у нея открылась лихорадка съ сильнымъ кашлемъ, и докторъ велѣлъ ей нѣсколько дней просидѣть дома. Но къ несчастію, въ Н. пріѣхалъ въ это время извѣстный артистъ, которымъ занятъ былъ весь городъ: онъ давалъ концертъ и Марѳа Андреевна никакъ не могла примириться съ мыслью не присутствовать на немъ.—Какъ, говорила она, — я не увижу Л. не услышу его игры, а потомъ всѣ будутъ раз-

суждать о немъ и я должна буду молчать. Нѣтъ, это невозможно!

И не смотря на всѣ просьбы Саши и Лизы, Маѳа Андреевна надѣла новое, сшитое по модному фасону, платье, покрыла руки свои браслетами, шею — ожерельемъ и поѣхала въ концертъ, не взирая на сильный морозъ и мятель.

На другой день, лихорадка страшно усилилась и скоро открылось воспаленіе въ легкихъ. Недѣли двѣ находилась Маѳа Андреевна между жизнью и смертью, и едва ли удалось бы спасти ее, не будь тутъ Саши, которая положительно не отходила отъ нея ни днемъ ни ночью, и въ точности исполняла всѣ приказанія докторовъ. Разумный уходъ за больными часто важнѣе самихъ медицинскихъ средствъ. Наконецъ опасность миновала, но болѣзнь разстроила организмъ Маѳы Андреевны, и доктора объявили, что для возстановленія ея силъ, ей необходимо переѣхать въ теплый климатъ. Они совѣтывали ей путешествіе за границу, но Маѳа Андреевна и слышать объ этомъ не хотѣла; она никогда не выѣзжала изъ Россіи, всегда бранила русскихъ, живущихъ за границей, и теперь осталась вѣрна своимъ понятіямъ.

— Если уже непремѣнно нужно перемѣнить климатъ, сказала она Сашѣ,—то поѣдемъ на югъ Россіи, напримѣръ въ Х. Я всегда желала побывать тамъ и думаю, что скорѣе поправлюсь въ Россіи нежели за-границею.

Сашѣ тоже улыбалась мысль пожить въ хорошемъ климатѣ и познакомиться съ югомъ Россіи, но одно только пугало ее въ этомъ планѣ. Если они уѣдутъ изъ Н., и Варя напишетъ, то письмо пожалуй пропадетъ, и ей

страшно становилось уѣхать и такъ удалиться отъ Вари! Боясь раздражить больную Мароу Андреевну, Саша молчала о своихъ опасеніяхъ и сообщила ихъ одной Лизѣ.

Мароа Андреевна не любила долго собираться, разъ рѣшившись ѣхать, она скоро устроила свои дѣла и пустилась въ путь. Лиза, какъ всякій ребенокъ, была въ восторгѣ отъ путешествія, отъ перемѣны мѣста, но совѣстилась показывать свою радость, видя, что Саша грустить. Она старалась успокоивать ее, и Саша сама, по временамъ, приходила къ мысли, что она гонится за призракомъ и что Варя забыла ее.

Два дня послѣ отъѣзда ихъ изъ Н. прибыло туда Варино письмо и осталось на почтѣ впредь до востребованія. А бѣдная Варя ждала и считала дни и часы.

Глава XV.

Встрѣча сестеръ.

Пріѣхавъ въ Х. Мароа Андреевна скоро почувствовала на себѣ благотворное вліяніе теплаго климата. Силы ея возвратились, а съ возвращеніемъ силъ, явилось и желаніе пріобрѣсти знакомыхъ. Она привыкла жить въ обществѣ и не знала что дѣлать изъ себя, когда бывала принуждена сидѣть одна дома. Она взяла съ собою нѣсколько рекомендательныхъ писемъ, и такимъ образомъ легко могла пріобрѣсти кругъ знакомыхъ.—Здѣсь кажется очень пріятное общество, сказала она Сашѣ,—между прочимъ, недавно переселилось сюда изъ Москвы, семей-

ство Перфиловыхъ, которое очень хвалятъ. Надо познакомиться, и я завтра отправлюсь къ нимъ съ визитомъ. Не хочешь ли и ты ѣхать со мною?

— Если вамъ все равно, тетенька, то я лучше пойду гулять съ Лизою; погода хорошая, что же ей сидѣть дома!

— Какъ хочешь; я вижу, что ты и здѣсь будешь такою же дикаркою, какъ и въ Н.

На другой день, Марѳа Андреевна вернулась отъ Перфиловыхъ, очень довольная своимъ новымъ знакомствомъ.

— Премилые они люди, Саша, сказала она,—и мы сейчасъ сошлись. А Марья Ивановна совершенно тебѣ по вкусу; вообрази, такая хорошая мать, только и думаетъ о дѣтяхъ. Хотѣла показать мнѣ ихъ, да они ушли гулять. Только на прислугу ужасно жалуется; разсказывала она мнѣ, какъ трудно найти хорошую няню; теперь у нея живетъ молоденькая дѣвушка, которую она по необходимости, взяла проѣздомъ въ А., но она очень недовольна ею. Такая, говоритъ, нетерпѣливая съ дѣтьми, да къ тому же вѣчно болѣетъ и устаетъ!

Сашу вовсе не интересовалъ разсказъ о прислугѣ Перфиловыхъ, и она слушала его только изъ учтивости къ теткѣ, любившей сообщать ей все слышанное въ гостяхъ. Какъ забилось бы ея сердце, если бы она могла догадаться, кто эта няня, которая вѣчно устаетъ и болѣетъ?

Саша всякій день ходила гулять съ Лизою; скоро имъ надоѣли улицы, и онѣ вздумали отправиться на бульваръ, куда съ теплыми весенними днями, стали сте-

каться дѣти города X. со своими нянями. Лиза очень любила дѣтей, особенно маленькихъ; она безпрестанно заводила знакомство то съ тѣмъ, то съ другимъ, затѣвала съ этими крошками разныя игры, и такъ увлекалась ими, что Сашѣ приходилось насильно уводить ее съ бульвара. Сашѣ пріятно было видѣть удовольствіе, которое Лиза находила въ этихъ играхъ, и она никогда не отказывала ей оставаться на бульварѣ, когда это было возможно, но сама мало знакомилась съ другими и болѣе чѣмъ когда нибудь думала о Варѣ. Она уже такъ привыкла слышать отъ Лизы постоянныя изъявленія восторга на счетъ красоты встрѣчаемыхъ дѣтей, что не обратила особеннаго вниманія, когда, во время одной изъ ихъ прогулокъ, Лиза воскликнула: — Саша, посмотри какой прелестный мальчикъ и какъ онъ скоро бѣжитъ! Поди сюда, душка, развѣ ты здѣсь одинъ?

— Нѣтъ, отвѣтилъ мальчикъ, — я съ своей няней; но няня такая не хорошая, такъ тихо ходитъ, а я большой, хочу бѣгать!

— Гдѣ же няня? опять спросила Лиза.

— А вонъ тамъ, на скамейкѣ, сказалъ мальчикъ, указывая рученкою въ противоположную сторону; она все хочетъ сидѣть! я говорю: няня, будь лошадкой, — а она не хочетъ. Я ее не люблю; я мамѣ скажу, что она меня не слушаетъ, и мама велитъ ей быть лошадкой!

Лиза схватила мальчика и расцаловала его: — ахъ, какакой ты смѣшной! сказала она; хочешь я буду твоей лошадкой, и мы побѣжимъ назадъ къ нянѣ?

Ребенокъ обрадовался этому предложенію, досталъ изъ кармана вожжи, надѣлъ ихъ на Лизу, и они пусти-

лись бѣжать къ скамейкѣ, на которой сидѣла блѣдная и исхудавшая дѣвушка съ печальнымъ выраженіемъ лица. Она видимо была утомлена: грудь ея тяжело подымалась, глаза были красны, какъ послѣ слезъ, и взглядъ пристально устрѣмленъ въ даль; вѣроятно мысли далеко унесли ее и она даже не замѣтила какъ ввѣренный ей мальчикъ убѣжалъ отъ нея, когда громкіе возгласы съ которыми онъ понукалъ новую лошадь свою, заставили ее повернуть голову. Въ эту минуту, Саша слѣдовавшая за Лизой, поравнялась со скамейкой, взглянула на сидѣвшую на ней дѣвушку и вся остолбенѣла отъ радости и удивленія.

— Вѣра!

— Саша!

И сестры бросились въ объятія другъ друга. Крупныя слезы катились по ихъ щекамъ, но онѣ еще не были въ состояніи выговорить ни слова; неожиданное свиданіе, послѣ стольких тревогъ, слишкомъ ошеломило ихъ.

Лиза и Коля остановились при этомъ зрѣлищѣ, и первая, понявъ въ чемъ дѣло, быстро скинула съ себя возжи, подбѣжала къ Сашѣ и съ волненіемъ воскликнула:—Какъ Саша, это Варя, твоя милая Варя, о которой ты столько плакала? Дай же и мнѣ поцаловать ее. И она кинулась на шею къ Варѣ, въ то время какъ Коля, въ удивленьи размахивалъ ручёнками и старался объяснить прохожимъ,—что няня такая смѣшная, не хотѣла въ лошадки играть, а теперь стала капризничать, потому что увидѣла какую то даму.

Наконецъ сестры нѣсколько успокоились и могли объяснить другъ другу какими судьбами онѣ очутились въ

одномъ городѣ. Тяжело было Сашѣ слушать Варинъ разсказъ о всѣхъ претерпѣнныхъ ею горестяхъ, и не разъ прерывала она ее нѣжными поцалуями и упрекала, что она скрывала свое положеніе. Варя созналась, что это было очень дурно съ ея стороны, но увѣряла, что теперешняя радость свиданія вознаграждаетъ за все прошлое.

Читателямъ можетъ покажется страннымъ, что Варя ничего не знала о переѣздѣ Мароы Андреевны въ Х., даже послѣ того какъ эта послѣдняя познакомилась съ Перфиловыми, но этотъ фактъ объясняется очень просто: Варя жила въ полномъ одиночествѣ и по цѣлымъ недѣлямъ ни съ кѣмъ не разговаривала: она не хотѣла быть въ обществѣ другихъ слугъ, и съ самаго начала такъ открыто показала имъ свое пренебреженіе, что они прозвали ее гордячкой и сами стали избѣгать ее.—Что это она въ самомъ дѣлѣ про себя думаетъ, рѣшили они,—коли гордится, то Богъ съ ней! и съ тѣхъ поръ относились къ ней враждебно. Марья Ивановна сперва разговаривала съ нею, и то больше о прекрасныхъ качествахъ своихъ дѣтей, но потомъ, бывъ ею недовольна, тоже избѣгала лишнихъ съ нею разговоровъ; такимъ образомъ, Варя оставалась въ полномъ невѣдѣніи того, что такъ близко интерессовало ее, и не подозрѣвала, что находится въ одномъ городѣ съ Сашей, пока не встрѣтилась съ нею на бульварѣ.

Сашѣ казалось грустнымъ хоть не на долго разстаться съ Варей, и она хотѣла тотчасъ вести ее къ теткѣ; но Варя воспротивилась этому плану. Во первыхъ, надо было отвести домой Колю, а во вторыхъ, Варя желала что-

бы Саша подготовила Марѳу Андреевну къ предстоящему свиданію.

И такъ сестры разстались; Варя ожила отъ радости и не чувствовала усталости идя домой: она даже нѣсколько разъ поцаловала Колю, и обѣщала ему быть его лошадкой, послѣ чего онъ объявилъ,—что няня покапризничала, а теперь стала очень умна. Но послѣ перваго порыва радости, Варею сталъ овладѣвать страхъ:—что если тетенька не захочетъ простить ее? Мысль снова разстаться съ Сашею, скитаться по чужимъ людямъ, казалась ей теперь столь ужасной, что она не могла понять ослѣпленія, съ которымъ добровольно вышла на этотъ путь, и готова была на все, чтобы только быть съ близкими людьми.

Въ это время Саша спѣшила домой, и сердце ея тревожно билось при мысли о предстоящемъ объясненіи съ Марѳой Андреевной.

Скоро ли она прійдетъ? говорила себѣ Варя, сидя въ дѣтской и припоминая все прошлое, которое представлялось ей теперь въ совершенно иномъ свѣтѣ нежели прежде.

А что дѣлала пока Саша?

ГЛАВА XVI.

Новая перемѣна въ судьбѣ сестеръ и примиреніе Вари съ Мареой Андреевной.

Саша не застала Мареы Андреевны дома, но ее ожидало письмо, содержаніе котораго удивило ее не менѣе встрѣчи съ Варей; оно было отъ того пріятеля ея покойнаго отца, банкротство котораго повлекло за собою столько несчастія для нихъ. Онъ писалъ Сашѣ, что Богъ сжалился надъ нимъ и послалъ ему средство хотя нѣсколько вознаградить потерпѣвшихъ отъ его несчастія людей. Онъ получилъ непредвидѣнное наслѣдство, и считаетъ, конечно, первымъ своимъ долгомъ возвратить дочерямъ бѣднаго друга своего, потерянное ими состояніе. Поэтому онъ тотчасъ распорядился покупкою Ильинскаго на имя Саши, такъ какъ онъ, не смотря на всѣ старанія свои, не могъ узнать жива ли еще Вѣра и гдѣ она находится. Онъ поступилъ такъ, дабы избѣжать лишнихъ формальностей, и, зная дружбу сестеръ, не придаетъ особенной важности обстоятельству, что Ильинское, по праву, принадлежитъ теперь одной Сашѣ.

Саша такъ была поражена этимъ извѣстіемъ, что едва вѣрила глазамъ своимъ. — Какъ, Ильинское принадлежитъ ей, Варя не должна зависѣть отъ Мареы Андреевны, онѣ навѣрно будутъ жить вмѣстѣ! Всѣ эти представленія мѣшались въ ея головѣ и казались ей какимъ-то чуднымъ сномъ. Она еще стояла на одномъ мѣстѣ, съ письмомъ въ рукахъ, когда отворилась дверь и въ комнату съ шумомъ влетѣла Мареа Андреевна. Лиза успѣ-

ла разсказать ей о встрѣчѣ съ Варей, о радости сестеръ,
но къ ея удивленію, извѣстіе это далеко не произвело
желаемаго впечатлѣнія.

Марѳа Андреевна ничего не отвѣтила и, запыхавшись,
побѣжала къ Сашѣ.—Что это я слышу, матушка! вскри-
чала она у самой двери; бѣглянка наша отъискалась
актриса-то, нянькой сдѣлалась! Вотъ тебѣ и искусство, и
таланты наши куда дѣвались! А теперь небось назадъ
къ теткѣ захотѣла. Презирала, презирала, а теперь удо-
стоиваетъ своимъ вниманіемъ. А я такъ сейчасъ и
возьму ее, нѣтъ, пускай себѣ нянчается или на театръ
идетъ—а я ее знать не хочу!

Саша знала, что Марфа Андреевна вспыльчива, и что
въ такихъ случаяхъ, самое лучшее дать ей наговориться
до сыта, послѣ чего гнѣвъ ея такъ же быстро исчезаетъ,
какъ онъ быстро возникъ. Она не противорѣчила ей и
молчала пока Марѳа Андреевна въ изнеможеніи упала
на диванъ и сама замолчала; тогда Саша подошла къ ней,
и взявъ ее за руку, начала уговаривать.

— Милая тетенька, сказала она — я знаю, что вы
имѣете полное право сердиться на Варю, что она очень
виновата передъ вами, но вѣдь сама Варя знаетъ и чув-
ствуетъ это. Притомъ вы слишкомъ добры, чтобы не
простить ее теперь, когда она больна и такъ измѣ-
нилась? И при этихъ словахъ, Сашинъ голосъ такъ силь-
но задрожалъ, что она едва могла продолжать, и Марѳа
Андреевна не выдержала:—ты права, другъ мой, я не
могу забыть, что Варя дочь бѣднаго брата моего, и въ
особенности, что она твоя сестра, Саша; а тебѣ я столь-
кимъ обязана, что готова все дѣлать для тебя.

Въ это время тихонько отворилась дверь, и на порогѣ показалась блѣдная и худая фигура знакомой намъ дѣвушки. Она медленно подошла къ дивану, на которомъ сидѣла Марѳа Андреевна, и прежде чѣмъ эта послѣдняя успѣла оглянуться, Варя стояла на колѣняхъ передъ нею, и осыпала горячими поцалуями ея руки.

— Простите, милая тетенька! было все, что могла проговорить она, сквозь слезы; но Саша не ошиблась, думая, что одинъ видъ ея подѣйствуетъ на Марѳу Андреевну сильнѣе всякихъ словъ. Худоба и блѣдность, вслѣдствіе которыхъ черные, выразительные глаза ея стали еще больше, и которыя замѣнили на хорошенькомъ личикѣ ея прежнюю полноту и румянецъ, окончательно смягчили сердце тетушки. Она поспѣшно подняла Варю, крѣпко обняла, и кажется совершенно забыла, что сердилась на нее четверть часа тому назадъ.

Когда нѣсколько утихло волненіе радости, Саша сообщила Марѳѣ Андреевнѣ и Варѣ содержаніе полученнаго ею письма, и, можно себѣ представить, какъ онѣ обѣ были поражены такимъ неожиданнымъ поворотомъ судьбы.

— Отчего же ты тотчасъ не сказала мнѣ этого? спросила удивленная Марѳа Андреевна.

— Потому, что мнѣ хотѣлось чтобы вы помирились съ Варей, незная еще о перемѣнѣ нашихъ обстоятельствъ, краснѣя отвѣчала Саша.

— Ты вѣрно боялась, что Варя въ такомъ случаѣ не захочетъ просить прощенія.

— Нѣтъ, тетенька, она не могла думать этого, съ жаромъ перебила Варя;—она знала какъ я раскаявалась въ

моемъ поведеніи въ отношеніи къ вамъ; но ей хотѣлось показать мнѣ на дѣлѣ ваше великодушіе и заставить меня еще болѣе жалѣть о прошломъ. Не правда ли, Саша?

— Какъ ты хорошо поняла меня Варя, отвѣчала растроганная Саша, и сестры снова крѣпко обнялись.

Когда Лиза узнала, что Саша получила состояніе, восторгъ ея былъ невообразимъ, но онъ скоро смѣнился на печаль при мысли о предстоящей разлукѣ. Она объявила, что не можетъ жить безъ Саши, и только тогда утѣшилася, когда Маѳа Андреевна обѣщала ей отпускать ее гостить на лѣто въ Ильинское, а Саша обѣщала большую часть зимы проводить съ ними.

Марфа Андреевна желала чтобы племянницы совсѣмъ остались съ нею, но имъ жаль было Ильинскаго, и къ тому же Саша знала, что Варѣ трудно будетъ ужиться съ Маѳой Андреевной. По этому, онѣ написали своей прежней гувернанткѣ, которая охотно согласилась переселиться къ нимъ, и отправились въ Ильинское. Лиза горько плакала, и Сашѣ жаль было оставлять бѣдную дѣвочку, но жить снова у себя съ Варей, казалось ей большимъ счастіемъ и она благодарила Бога за это.

Эпилогъ.

Два мѣсяца спустя, сестры сидѣли снова въ своей уютной гостиной Ильинскаго и вспоминали прошлое.

— Я вижу теперь, сказала Варя, — какъ необходима женщинѣ опора и какъ настоящее счастье ея заключается въ семейной жизни. Посмотри какъ Богъ наказалъ меня

за гордость и самонадѣянность: я хотѣла славы, думала обогатить себя, а дошла только до нищеты и униженія. Ты оставалась на своемъ мѣстѣ, думала лишь объ исполненіи своихъ обязанностей, и не только съумѣла сдѣлать много добра, но даже получила состояніе. . .

— Ну, это дѣло случая, возразила Саша.

— Я не вѣрю въ случай, сказала Варя,—а думаю что все дѣлается по разумнымъ законамъ Провидѣнія. Я много испытала въ этотъ годъ и поняла, что твои взгляды всегда были вѣрнѣе моихъ, хотя я и считала себя тогда умнѣе тебя.

— Не говори этого, Варя, ты дѣйствительно умнѣе меня, и я не перестала думать, что изъ тебя выработается что нибудь особенное.

Варя засмѣялась.—Оставь эти мечты, Саша, и займемся пока устройствомъ школы, за которую я теперь примусь иначе.

Саша охотно согласилась и сказала:—я знаю одно, Варя, что ты стала еще лучше прежняго и что я еще больше люблю тебя.

Конецъ.

НАДЧЕРИЦА.

(Окончаніе).

Уединеніе деревенской жизни въ имѣніи г-на Гредена было вдругъ нарушено не очень пріятнымъ для Анны посѣщеніемъ сестры его г-жи Брандъ и ея двухъ дочерей. Сестра г-на Гредена принадлежала къ числу женщинъ съ холоднымъ сердцемъ и пустой головой, которыя хотятъ непремѣнно имѣть вѣсъ въ обществѣ и которымъ особенно нравятся принужденность и натянутость. Всякая веселость въ домѣ исчезла, съ прибытіемъ г-жи Брандтъ. Даже братъ ея и Фанни не были свободны въ своихъ дѣйствіяхъ и дѣти боязливо удалялись отъ нее. Только ея двѣ красивыя, но тщеславныя дочери не подвергались этому вліянію. Онѣ, какъ любимыя обезьянки строгаго хозяина, осмѣливающіяся безнаказанно въ присутствіи его самаго отваживаться на самыя безумные прыжки, при матери надсмѣхались надъ Богомъ и всѣми людьми, повторяли городскія сплетни и клеветы и принимали въ отношеніи г-на Гредена и Фанни весьма дерзкій тонъ. Мать останавливала ихъ только словами: Дѣти перестаньте шалить! И пріятная улыбка смягчала это наставленіе. Анна чаще всѣхъ подвергалась за-

носчивости двухъ дѣвушекъ. «Вы имѣете теперь удобный случай исправить вашъ англійскій выговоръ,» совѣтывала имъ мать, «не упустите его!» И со скуки дочери соглашались покориться волѣ матери. Онѣ постоянно сопровождали Анну и дѣтей и были самыми непріятными собесѣдницами. Всегда занятыя собой, онѣ ни на кого не обращали вниманія, и вслѣдствіе этого со всѣмъ не умѣли обращаться съ дѣтьми. Желали-ли эти послѣднія сидѣть спокойно и плести вѣночки, или играть на травѣ, онѣ тотчасъ возражали: «Ахъ нѣтъ, пойдемте въ поле или въ лѣсъ, миссъ Долби!» А когда дѣти прыгали и рѣзвились, ихъ тотчасъ послѣ обѣда звали качаться на качеляхъ, и вовсе не для того, чтобы доставить удовольствіе маленькимъ, но чтобы молодыя дѣвицы могли выказать силы свои. Или же при палящемъ солнцѣ дѣти должны были рвать васильки на открытомъ полѣ чтобы къ обѣду каштановыя волосы молодыхъ дѣвицъ были украшены вѣнками. Сначала Анна старалась вѣжливо удалить всякое столкновеніе съ ними, но когда дѣло шло о здоровьѣ дѣтей, то она стала открыто сопротивляться. Дочери Г-жи Брандтъ однакожъ не позволяли шутить съ собою и несмотря на то, что онѣ съ матерью своей ежедневно посвящали нѣсколько часовъ на благочестивыя занятія, истинная кротость и смиреніе оставались имъ чужды и потому по мнѣнію ихъ гувернантка или лучше сказать бонна, которая не подчинялась имъ безпрекословно совершала государственное преступленіе. И такъ для Анны настали тяжелыя времена, потому что пріѣзжія дѣвицы считали обязанностью дать ей почувствовать, что она въ зависимости у всѣхъ.—Миссъ Долби, потру-

дитесь снять платокъ, мнѣ такъ жарко! Такія и подобныя требованія часто были дѣлаемы Аннѣ; она могла бы отвѣтить: мнѣ отнюдь не менѣе скучно поправлять вашу вышивку чѣмъ вамъ самимъ; или: вы думаете вѣсъ вашего платка на моей рукѣ будетъ нѣсколькими золотниками легче, чѣмъ на вашей? но не ея обязанность была воспитывать этихъ молодыхъ дѣвицъ. Фанни часто удивлялась терпѣнію миссъ Долби и даже желала бы видѣть въ ней менѣе покорности. Она сама безсознательно такъ робѣла передъ теткой, что ея собственное неудовольствіе не могло высказаться въ присутствіи г-жи Брандтъ. Скрытый нравъ этой женщины производилъ тяжелое впечатлѣніе на всѣхъ. Такъ ничтожные люди достигаютъ вліянія которое имъ вовсе не подобаетъ. Г-жа Брандтъ почиталась женщиной безукоризненно-добродѣтельной, хотя не было человѣка, который-бы чувствовалъ себя хорошо въ ея присутствіи и никто не могъ сказать что она дочерей своихъ примѣрно воспитывала, несмотря на то, что слово воспитаніе не сходило съ ея языка. Она всегда владычествовала въ томъ кругу гдѣ жила; но со времени ея пріѣзда въ имѣніе г-на Брандта даже и подъ открытымъ небомъ тяжело было дышать. Такъ по крайней мѣрѣ казалось Аннѣ. За то она вознаграждала себя за тягость дня длинными письмами, которыя по вечерамъ писала своей строгой теткѣ Вильтонъ и на которыя аккуратно получала отвѣтъ.—Въ Севенъ Оаксѣ все благополучно, все свѣжо, такъ писали Аннѣ и она съ восторгомъ думала о добродѣтеляхъ тетки, о ея любви, которая всѣхъ согрѣвала. Она отдыхала при этомъ представленіи отъ постоянно карающихъ взгля-

довъ несравненной г-жи Брандтъ и отъ наглости дочерей ея.

Въ послѣднемъ письмѣ изъ Севенъ Оакса попались, впрочемъ Аннѣ, загадочныя слова. Мистриссъ Вильтонъ писала: «Если ты увидишъ Эдмонда, то поклонись ему!»

Развѣ Эдмондъ еще не въ Италіи, а вблизи отъ нея? Для Анны было это непонятно, но спросить Фанни она не рѣшалась. Между тѣмъ загадка скоро разъяснилась.

— Я на завтрашній день пригласила для тебя гостя! сказалъ однажды г-нъ Греденъ Фанни,—который имѣетъ порученіе передать тебѣ поклонъ и письмо отъ твоего мужа.

— Молодой Вильтонъ получилъ письмо? спросила поспѣшно Фанни, вѣдь это ты про него говоришь неправда-ли?—Конечно—возразилъ г-нъ Греденъ, и Анна вся покраснѣла отъ радости и испуга при этомъ извѣстіи.

— Не тотъ-ли это молодой человѣкъ? спросила Ульрика, приглаживая свои локоны, котораго мы недавно видѣли у тетеньки въ городѣ?—Тотъ самый, отвѣтилъ г-нъ Греденъ.

Вѣдь онъ также докторъ, неправда-ли? спросила презрительно Мальвина, младшая сестра. Онъ такой отличный докторъ, несмотря на свою молодость, сказала Фанни, что мужъ мой при отъѣздѣ передалъ ему всѣхъ своихъ больныхъ.

Теперь все стало ясно для Анны, исключая причины рѣдкаго посѣщенія Эдмонда, съ которымъ ей ни разу не удалось свидѣться. Несмотря на значительное разстояніе отъ города и неудобство на нѣсколько часовъ остав-

лять больныхъ, ему слѣдовало бы пріѣхать ради Анны, узнавъ черезъ тетку Вильтонъ, что какъ миссъ Анна, она должна оставаться въ Англіи, но какъ миссъ Долби находится въ домѣ отца своего. Но ничего подобнаго онъ не зналъ; съ другой стороны и Анна ничего не знала о пребываніи Эдмонда. Она едва могла дождаться его прихода, но вмѣстѣ съ тѣмъ опасалась, чтобы онъ или она сама не выдали себя, и что двоюродный братъ ея не будетъ спокойно смотрѣть на оскорбительное обхожденіе съ нею двухъ сестеръ. Анна такъ была погружена въ эти мысли, что часто, когда къ ней обращались, давала неудачные отвѣты, вслѣдствіе чего г-жа Брандтъ и ея дочери, которыя всегда старались подмѣтить недостатки другихъ, произнесли свой судъ надъ нею и ясно дали почувствовать гувернанткѣ неприличіе ея обращенія.

Фанни, казалось, очень разстроенною и Анна принимала на свой счетъ ея неудовольствіе, хотя оно единственно относилось къ кузинамъ ея. Анна становилась все болѣе и болѣе смущенной и подъ конецъ рѣшила на слѣдующій день не показываться къ столу; въ это время прекрасныя кузины, стоявшія у окна возвѣстили о прибытіи экипажа въ одну лошадь, изъ котораго, какъ они говорили выглядывало удивительное старомодно одѣтое привидѣніе.—Для привидѣнія она слишкомъ толста, замѣтила остро г-жа Брандтъ; въ эту минуту вошла Катинька и доложила о прежней служанкѣ доктора Альтхейна, желающей видѣть миссъ Долби. Анна попросила позволенія удалиться и, когда добрая Хейнрихсъ встрѣ-

тила ее въ ея комнатѣ съ распростертыми объятіями, рыдая бросилась къ ней на грудь.

— Мое дорогое дитя, сказала старушка, тебѣ здѣсь вѣрно не хорошо; если такъ, то зачѣмъ остаешься ты долѣе здѣсь, при этой несправедливой, злой мачихѣ, и этихъ испорченныхъ дѣтяхъ? зачѣмъ не возвращаемся мы сегодня же снова въ Англію?

«Ахъ замолчи», вскричала Анна, улыбаясь сквозь слезы; «кто говоритъ тебѣ про злую мачиху; мнѣ хорошо, очень хорошо у моей новой маменьки и при милыхъ маленькихъ дѣтяхъ; я надѣюсь, что и Аннѣ не будетъ тяжелѣе жить, какъ жилось до сихъ поръ гувернанткѣ. Я плачу только потому, что снова вижу тебя, немного отъ радости, немного отъ того, что мнѣ внизу въ залѣ вдругъ сдѣлалось такъ душно, такъ нехорошо; но этому всему причиною г-жа Брандтъ; ахъ, Фредерика, какъ я благодарю всегда отъ всего сердца милаго папеньку за-то, что онъ не отдалъ меня къ этой бездушной женщинѣ и къ ея злымъ дочерямъ.»

Г-жа Хейнрихсъ ничего не поняла изъ ея рѣчи, но Анна, сдѣлавшись сообщительнѣе, послѣ долгаго молчанія, разсказала ей все, чего она до сихъ поръ не знала, и отъ чего собственно, шесть лѣтъ тому назадъ, потребовала отъ отца послать ее въ Англію. Г-жа Хейнрихсъ всплеснула руками: «Ну если все что ты сдѣлала для отца не принесетъ тебѣ благословенія, Анна, то нѣтъ справедливости на землѣ.»

Анна разсказала какою доброю и простою кажется ей мачиха, какія милыя дѣти и какъ она надѣется, что отецъ въ самомъ дѣлѣ нашелъ счастье въ этомъ бракѣ.

Она хотѣла позвать дѣтей, но Фредерика сказала: «Нѣтъ нѣтъ, не сегодня; вѣдь я имѣю еще многое передать тебѣ. Меня посылаетъ Эрмондъ Вильтонъ собственно къ тебѣ; онъ вчера былъ у меня и поручилъ сказать чтобъ ты завтра передъ обѣдомъ во время одѣлась и сидѣла бы въ своей комнатѣ; онъ пораньше придетъ, чтобы имѣть возможность поздороваться и переговорить съ тобой наединѣ и тогда, конечно ему гораздо легче будетъ розыграть комедію за столомъ; если бы не это страшило его, онъ уже давно былъ бы у васъ. «Какъ обрадовалась Анна этому извѣстію. Угостивши свою милую, вѣрную Фредерику молокомъ и фруктами и нѣжно простившись съ нею, возвратилась она въ гостиную; тамъ докторша читала только что полученное письмо изъ Италіи.—Что пишетъ докторъ, тетенька? спросила смѣло Ульрика; Фанни, казалось, не слышала. Вопрошающая покраснѣла, но не хотѣла покориться тому, чтобы вопросъ ея остался безъ отвѣта?

— Что наслѣдному принцу лучше? продолжала она спрашивать, весело-ли онъ живетъ, бываютъ-ли у него вечера?

Но Фанни оставалась безмолвною. «Перестань-же спрашивать, моя милая», сказала мать покраснѣвъ отъ досады, что придало ея жесткимъ чертамъ еще болѣе непріятное выраженіе: «ты видишь, что племянница хочетъ спокойно наслаждаться чтеніемъ письма своего мужа.»

— Что мужъ твой здоровъ? спросилъ г-нъ Греденъ. Эти слова тотчасъ достигли до слуха Фанни. «Да, папенька, слава Богу! сказала она, «я прочту тебѣ сейчасъ кое что изъ письма!»

— Это не значитъ-ли, что мы должны удалиться?» вскричала г-жа Брандтъ, величественно приподымаясь со стула.

— Зачѣмъ милая тетенька, простодушно отвѣтила Фанни, въ письмѣ нѣтъ никакихъ секретовъ. И къ неописанному удовольствію Анны, она начала читать.

«Дѣти, не шумите-же, сказалъ г-нъ Греденъ Павлѣ и Леночкѣ. Самое лучшее было-бы, миссъ Долби, еслибы вы увели ихъ въ садъ.»

— Нѣтъ на дворъ! вскричалъ Павля, и Анна къ величайшему огорченію своему должна была покинуть комнату, чтобы съ Павлей и Леночкой идти кормить утокъ передъ домомъ.

— Остался-бы ты тамъ, сказала она въ первый разъ немного сердито, ты бы получилъ можетъ быть поклонъ отъ твоего папа. «Я также хочу поклонъ отъ папа!» закричала Леночка. «Конечно въ письмѣ находился и для тебя одинъ», сказала Анна.

— Мы хотимъ войти въ домъ и будемъ смирно слушать! вскричали дѣти.—Но только очень смирно, сказала Анна, и съ радостью поспѣшила войти съ ними въ комнату. «Они дали мнѣ слово совершенно спокойно сидѣть», сказала она входя—желаніе слышать письмо отца, придавало ей смѣлости—они обѣщались быть очень послушными.»

— Ахъ! нельзя же исполнять всѣ требованія дѣтей, вы должны были бы остаться съ ними, на дворѣ, миссъ Долби, сказалъ г-нъ Греденъ, разсерженный прерваннымъ чтеніемъ. Вѣдь для васъ самихъ не можетъ быть

большаго удовольствія слушать, какъ читаютъ письмо на иностранномъ языкѣ.

Анна покраснѣла и уже хотѣла было снова удалиться съ дѣтьми.—Нѣтъ я останусь, вскричалъ Павля, миссъ Долби сказала, что въ письмѣ есть поклонъ мнѣ.

«И мнѣ также», вскричала Леночка. Несчастная Анна должна была выдержать весь непріятельскій огонь, направленный противъ нея изъ глазъ г-жи Брандтъ.

— Садитесь только и будьте смирны, сказала Фанни, бросая ласковый и одобрительный взглядъ на гувернантку; но Анна не видѣла его потому что опустила глаза наполнившіеся слезами. Докторша продолжала читать письмо, изъ котораго Анна уже упустила нѣсколько страницъ.

« — — но я бы вдвое наслаждался всѣми этими прелестями, моя Фанни, если бы ты съ дѣтьми была при мнѣ. Тоска по васъ такъ одолѣваетъ меня, что я удивляюсь, какъ способенъ еще наслаждаться искусствомъ и природой.» Докторша, голосъ которой при этомъ мѣстѣ становился разстроганнымъ, казалось пропустила здѣсь нѣсколько нѣжныхъ словъ, потомъ снова продолжала: «Теперь слава Богу, вѣдь только мѣсяцы, не годы, разлучаютъ меня съ вами. Зима скоро начнется у васъ съ первой зеленью, Богъ дастъ, увидимся мы снова. Тогда вернется къ намъ наконецъ и моя Анна; я не могу ошибаться на счетъ сильнаго желанія ея свидѣться съ своимъ старымъ отцомъ, къ которому она была такъ тѣсно привязана. И съ тобой и съ дѣтьми, моя Фанни, непремѣнно сродится она; когда покороче узнаешь ее,—полюбишь какъ собственнаго ребенка. «Немного великъ ребенокъ!»

проворчалъ г-нъ Греденъ. Фанни казалось не слышала этого и продолжала: «Но посылаешь ли ты ей аккуратно мои письма или выписываешь по крайней мѣрѣ то, что слѣдуетъ, милая Фанни.»

— Признаюсь, это странное требованіе, кузина, вскричала Ульрика, надѣюсь ты этого не дѣлаешь?— Фанни продолжала: «при этомъ скажи Аннѣ, что мнѣ ея послѣднія письма показались слишкомъ коротки и описаніе пребыванія ея у тетки въ домѣ много потеряло въ живости. Прощай же, милая жена моя, поцѣлуй дѣтей пошли мой самый искренній поклонъ и поцѣлуй въ Англію».

— Мама, спросилъ Павля, это мнѣ поклонъ?

— Нѣтъ, отвѣтила г-жа Брандтъ, самый искренній поклонъ и поцѣлуй отсылаютъ твоей чужой сестрѣ.

— Былъ поклонъ и для тебя и для Леночки, Павля сказала Фанни съ досадою и покраснѣла.

— Кто-же это моя чужая сестра? спросилъ Павля, вѣдь у меня только милая сестра Анна, про которую всегда говоритъ папа?

— У тебя и нѣтъ никакой чужой сестры, вскричала Фанни, цалуя своего сынка, есть только сестра Анна. Что-же удерживало теперь Анну вскочить, поцѣловать руку Фанни и прижать къ сердцу брата своего? Но она сидѣла наклонившись надъ своею работою и можно было слышать ея дыханіе тяжелое отъ борьбы и волненія между радостью и страхомъ выдать себя.

— И такъ, твоя падчерица дѣйствительно должна вернуться къ веснѣ? спросила г-жа Брандтъ.—Да, мы при-

веземъ тогда мою дочь изъ Англіи, сказала Фанни, произнося съ удареніемъ эти слова.

— О, да изъ этого многое можетъ еще перемѣниться, сказалъ г-нъ Брандтъ.—Я бы очень желала для тебя, сказала г-жа Брандтъ, лицемѣрнымъ голосомъ—чтобы ее поскорѣе выдали замужъ! Фанни отвѣчала обидчиво:

— Она еще слишкомъ молода, и не для чего ей спѣшить покинуть отцовскій домъ.—Въ поклонникахъ нѣтъ недостатка, замѣтилъ г-нъ Греденъ;—молодой Вильтонъ напримѣръ, почти преклоняетъ колѣна передъ этой дѣвушкой.

— И мнѣ кажется, прибавила г-жа Брандтъ,—отецъ самъ.....докторъ (при этомъ мѣщанскомъ титулѣ у нее першило всегда въ горлѣ) также до безумія любитъ дочь свою, и потому такую обожаемую падчерицу имѣть въ домѣ вещь не легкая. Фанни хотѣла что-то сказать, но Мальвина перебила ее со смѣхомъ:

— Кузина, тогда можетъ она тебѣ, какъ прежде въ пансіонѣ, показать какимъ образомъ ты должна складывать свою работу.

Фанни сдѣлала движеніе и была готова сказать: можетъ быть она могла-бы научить тебя также многому другому, болѣе важному; но г-нъ Греденъ боясь сцены прервалъ волненіе своей дочери вопросомъ: Что же еще пишетъ докторъ? весь край исписанъ. Это секреты?

— Ничего важнаго, папа,—сказала Фанни, крѣпко держа письмо, которое онъ хотѣлъ взять.

— Опять какіе нибудь экономическіе отвѣты? докторъ долженъ-же понять, что ты обязана жить по званію! и г-нъ Греденъ снова протянулъ руку за письмомъ.

— Нѣтъ папа, сказала Фанни, Морицъ дастъ мнѣ предписанія совершенно противнаго свойства; но я должна еще съ сегодняшнимъ вѣстовымъ отослать это письмо въ городъ. Миссъ Сарра будетъ такъ добра и потрудится сейчасъ-же вложить его въ конвертъ и адресовать на имя мистриссъ Вильтонъ. Анна быстро схватила письмо, отгадавъ, къ величайшему удивленію Фанни, ея намѣреніе не передавать письма г-ну Гредену, и поспѣшно оставила комнату.

Какъ только стала она внѣ опасности быть замѣченною, тотчасъ прочитала письмо доктора сначала до конца. Не пропустила она и таинственныхъ словъ на краю письма; докторъ писалъ слѣдующее: «Твое намѣреніе ограничить наше хозяйство, трогаетъ и радуетъ меня болѣе, чѣмъ я могу выразить. Ты права, отпуская Якова и повара, если только черезъ то не лишишься его невѣсты Катиньки, которая тебѣ такъ необходима. Твой намекъ на то, чтобы отказаться и отъ нея и тѣмъ выгадать жалованье бонны, мнѣ не очень нравится, такъ какъ я надѣюсь, что впослѣдствіи Анна вполнѣ въ состояніи будетъ замѣнить миссъ Долби, а годъ я могу еще по прежнему не заботясь брать изъ капитала. Только со временемъ придется мнѣ перемѣнить нѣсколько нашъ образъ жизни, потому что даже имѣніе твоего отца, на которое мы лучше не будемъ разсчитывать, не могло бы покрыть издержекъ. Лошадей не продавай: что сталось-бы тогда съ честнымъ старымъ кучеромъ? да ты и сама должна ими еще пользоваться. Главное—заботься о своемъ здоровьѣ, вставай раньше, наслаждайся утреннимъ воздухомъ и не лѣнись выѣзжать гулять!»

Анна только что успѣла окончить письмо, и сидѣла еще погруженная въ размышленія касательно денежныхъ заботъ отца, какъ вдругъ постучались тихо въ дверь и вышла докторша. «Миссъ Долби», сказала она: «я пришла просить васъ передать мнѣ еще на минуту письмо моего отца; я намѣрена кое-что приписать къ нему.» Анна подала ей чернила и перо. О! сказала она, какъ Анна будетъ этому рада. «Вы думаете?» спросила Фанни, которая собственно желала вычеркнуть мѣсто на краю письма и въ эту минуту была занята этимъ; «вы дѣйствительно думаете, что Анна нуждается въ поклонѣ незнакомой мачихи? Не чужда-ли я ей на столько-же, на сколько она мнѣ?»

«Этого-бы не было, если-бы вы жили вмѣстѣ: и жена и дочь, одна въ супругѣ, другая въ отцѣ сосредоточили бы цѣль своей жизни! отвѣчала со вздохомъ Анна.

— Вы можетъ быть и правы! проговорила Фанни, все еще работая надъ письмомъ перочиннымъ ножикомъ и перомъ.

«Но, продолжала Анна, какъ бы то ни было, я готова присягнуть, что Анна, что миссъ Альтхейнъ уже теперь любитъ и уважаетъ жену своего отца, мать своихъ братьевъ и сестеръ!»

— И вы находите это дѣйствительно возможнымъ? спросила Фанни, прервавъ свое занятіе и поворотившись къ ней. Она мнѣ ни разу не высказала желанія сблизиться со мною, никогда въ немногихъ строкахъ, которыя писала мнѣ, не назвала она меня матерью!,

Смущенная Анна съ минуту помолчала чувствуя себя виновной. Ей въ самомъ дѣлѣ было невозможно

святое имя матери, которой она обязана жизнью, бросать такъ на вѣтеръ, прежде чѣмъ она могла представить себѣ образъ супруги своего отца. Теперь когда она узнала Фанни, ей было бы уже гораздо легче назвать матерью!

Но неужели и Фанни не сознавала, какое леденящее впечатлѣніе должны были произвести на падчерицу ея весьма короткія письма.—Я не упрекаю дочь моего мужа, продолжала Фанни, что она не постаралась выказать мнѣ ложную привязанность и симпатію. Я понимаю, что второй бракъ отца дочери, которая любитъ и чтитъ память матери, долженъ быть ненавистенъ и что только продолжительная борьба можетъ преодолѣть чувство непріязни и предубѣжденія противъ той, которая заняла мѣсто матери.

«О! не судите такъ, мистриссъ Альтхеймъ, объ вашей дочери!» вскричала Анна, и по неосторожности можетъ быть, прибавила бы еще что нибудь, если бы Фанни не продолжала: «Я сужу только по своимъ собственнымъ чувствамъ, зная очень хорошо, что не могла бы равнодушно смотрѣть на второй бракъ моего отца!»

— Можетъ быть, и отношенія ваши къ г-ну Гредену были другія, нежели отношенія Анны къ вашему супругу. Все, что разсказывала мнѣ миссъ Альтхеймъ о докторѣ, доказываетъ, что она видитъ въ дѣйствіяхъ и рѣшеніяхъ отца своего предопредѣленіе свыше и никогда не сомнѣвается, что всѣ они клонятся къ ихъ общему благу. О да! сказала задумчиво Фанни, должно быть большое счастіе имѣть такого отца, какъ мой Морицъ;

онъ безъ всякихъ слабостей; безо всякаго пустаго тщеславія, такъ чистъ и мужественъ.

Растроганная Анна смотрѣла на свою мачиху и продолжала: «я очень хорошо могу понять эти отношенія дочери къ такому отцу, потому что въ подобныхъ-же находилась къ моему отцу.»

— Тогда, сказала Фанни, ваша мать вѣроятно не могла назваться превосходной въ отношеніи къ вашему отцу такъ какъ.... то было съ моей матерью.

«О нѣтъ,» возразила кротко Анна, «она была отличной, превосходной женщиной, видѣла въ отцѣ моемъ заступника и подпору въ жизни, да оно вѣдь такъ и должно быть!»

— Да такъ оно и должно было бы быть, сказала Фанни, и слава Богу, радостно прибавила она, у насъ такъ оно и есть. О, миссъ Долби, принадлежать мужу, который не можетъ ободрить васъ, котораго нужно руководить—печальная участь для жены. Еслибъ я вышла замужъ по желанію моей семьи, то это по всей вѣроятности была бы печальная доля и какъ благодарю я Бога, что онъ соединилъ меня съ такимъ человѣкомъ, какъ мой мужъ, хотя выйти за вдовца да еще отца взрослой дочери—и не вполнѣ соотвѣтствуетъ мечтамъ молодой дѣвушки. Ахъ больно не быть первымъ предметомъ его любви и выдерживать сравненія съ памятью любимой женщины!

«Мнѣ кажется, сказала мнимая миссъ Долби, растроганная и обрадованная откровенностью мачихи, мнѣ кажется, если любить отъ всего сердца и стремиться осчастливить кого, то нѣтъ надобности страшиться срав-

нения.» Фанни вздохнула: Есть разнаго рода качества, сказала она, и въ числѣ ихъ быть предусмотрительной хозяйкой, для чего въ молодости непремѣнно нужно упражняться и совершенствоваться.

«О нѣтъ, вы ошибаетесь, вскричала Анна. Это-то именно и легко усвоить себѣ съ умомъ и съ доброй волей. Но мистриссъ Альтхеймъ, такъ какъ вы мнѣ теперь доставили большое удовольствіе вашимъ довѣріемъ, высказавшимся въ вашихъ словахъ, то позвольте мнѣ просить васъ о новомъ доказательствѣ вашей доброты. Приставьте меня въ вашемъ домѣ куда и на что вамъ угодно, препоручите мнѣ хозяйство или другую какую часть. Я опытнѣе, чѣмъ вы думаете; въ доброй волѣ у меня нѣтъ недостатка, и я умѣю сносить замѣчанія.

— Вы менѣе, чѣмъ кто либо подвергались бы имъ, сказала Фанни дружественно взявъ руку ласковой дѣвушки; а та живо покрыла ея руку поцѣлуями и слезами.

— Милая, добрая миссъ Долби, сказала растроганная Фанни, цѣлуя ее въ лобъ; мнѣ такъ пріятно увѣрить, что я васъ люблю и вы мнѣ дороги, что я васъ очень люблю и прошу ради меня простить недостойное обхожденіе, которому вы подвергаетесь со стороны другихъ.

«О: сказала Анна внѣ себя отъ радости, это меня ни сколько не огорчаетъ, если вы только мною довольны. Но не правда-ли, вы не захотите отвергнуть мои услуги въ вашемъ домѣ? Я теперь уже достаточно понимаю нѣмецкій языкъ, чтобы вести также счеты.»

— Вы мнѣ будете совѣтовать и помогать, какъ только мы будемъ у себя дома, сказала Фанни, сердечно по-

жавъ руку Анны. Она оставила комнату и въ дверяхъ еще разъ ласково кивнула головой миссъ Долби.

Отношенія между Анной и Фанни съ этого часа сдѣлались еще болѣе дружескія. Достаточно было теперь одного взгляда докторши, чтобы дать понять гувернанткѣ ея желанія и мысли, или подкрѣпить послѣднюю, когда ей случалось снова подвергаться оскорбленіямъ г-жи Брандъ и ея дочерей.

Когда на слѣдующій день передъ обѣдомъ Эдмондъ показался въ дверяхъ и прошла первая радостная встрѣча между двоюроднымъ братомъ и сестрой, Анна съ полнымъ убѣжденіемъ могла сказать Эдмонду, что она чувствуетъ себя счастливою и что теперь узнала Фанни и любитъ ее. Такое увѣреніе было необходимо, чтобы успокоить Эдмонда, который не могъ скрыть отъ Анны, что онъ порицалъ своихъ родителей за согласіе ихъ на ея романическое предпріятіе, и прибавилъ: если бы я былъ только въ Севенъ Оаксѣ, ни подъ какимъ видомъ не допустилъ бы тебя уѣхать.

Анна только улыбнулась на это и сказала:

— Ты также не могъ бы меня отклонить отъ этого, любезный Эдмондъ; но я имѣю теперь болѣе, чѣмъ когда либо причинъ быть довольной исполненіемъ моихъ плановъ. Дай мнѣ только клятвенное обѣщаніе, что ты до поры до времени не выдашь меня.

Эдмондъ согласился на ея требованіе, а также обѣщалъ, за обѣдомъ не выказывать своего неудовольствія, если Аннѣ, можетъ быть, по его мнѣнію не будетъ оказано отъ всѣхъ должнаго вниманія; но при этомъ онъ покачалъ головой. Для Анны, сказалъ онъ улыбаясь,

конечно не обнажу я шпаги, однако если будутъ обижать миссъ Долби, мою землячку, то я не отвѣчаю за себя. Звонкій колоколъ возвѣстилъ Эдмонду и Аннѣ часъ обѣда, и они одинъ послѣ другаго явились въ столовую; оба казались въ замѣшательствѣ.

Эдмондъ поздоровался съ теткой и съ прочими присутствующими; Анна же отправилась къ дѣтскому столу, занять свое обычное мѣсто между Павломъ и Леночкой.

— О, нѣтъ миссъ Долби! вскричала Фанни: я приказала Катинькѣ накормить дѣтей; не хотите-ли вы занять мѣсто здѣсь, возлѣ вашего соотечественника?

Анна краснѣя поклонилась и исполнила ея приказаніе въ то время, какъ обѣ сестры, Ульрика и Мальвина, только что намѣревавшіяся сѣсть возлѣ Эдмонда, испуганно отступили и бросили другъ на друга многозначущіе взгляды. Онѣ явились въ наилучшемъ своемъ нарядѣ, въ розовыхъ кисейныхъ платьяхъ, которыя хотя и были черезъ чуръ воздушны для осени, но зато шли къ лицу. Въ салонѣ, гдѣ встрѣтились бы другіе, болѣе знатные люди, онѣ конечно не обратили бы никакого вниманія на Эдмонда; но въ деревнѣ, гдѣ случай наряжаться представлялся такъ рѣдко и гдѣ можно было испытывать силу своей красоты и любезности только надъ домашними, слишкомъ, по мнѣнію двухъ сестеръ, свыкшимися съ ихъ прелестями, дѣло было иное. Тутъ стоило труда принарядиться для молодаго человѣка, который хотя и не принадлежалъ къ ихъ кругу, но имѣлъ красивую наружность и умѣлъ, какъ замѣтила Ульрика, держать себя прилично. Не хочетъ ли одна изъ кузинъ сѣсть по лѣвую руку г-на Вильтона? спросила Фанни, такъ какъ обѣ дѣвушки,

какъ двѣ свѣчи, вставленныя въ канделябры, прильнули къ матери. Не лишай меня удовольствія, имянинница, хоть разъ посидѣть между моими двумя дочерьми, сказала г-жа Брандъ съ удареніемъ, чтобы дать почувствовать Фанни безтактность ея сажать гувернантку за общій столъ и даже назначать ей мѣсто, прежде ея дочерей. Но Фанни, казалось, не обратила на это никакого вниманія и не задумываясь сказала: Тогда мнѣ придется самой сѣсть возлѣ васъ, любезный г-нъ Вильтонъ, и заняла мѣсто подлѣ Эдмонда. Обѣ прекрасныя сестры, не погрѣшая противъ своего высокомѣрія, были между тѣмъ вполнѣ удовлетворены тѣмъ, что сидѣли противъ молодаго человѣка, который, конечно, долженъ былъ любоваться ими и, не принимая участія въ общемъ разговорѣ, употребляли всѣ усилія, чтобы обратить на себя вниманіе. То шептались онѣ и имѣли вѣроятно сообщить другъ другу весьма важныя дѣла, потому что кривлялись, какъ будто не могли удержаться отъ смѣха; то обнимались и цѣловались за спиною матери, такъ какъ присутствіе другихъ обыкновенно болѣе возбуждало, чѣмъ удерживало ихъ отъ изліянія взаимной нѣжности.

Г-жа Брандтъ, начала разговоръ, спросивъ Эдмонда о состояніи здоровья жителей столицы; и послѣ того какъ тотъ вѣжливо отвѣтилъ на ея вопросъ, принялась такъ упорно испытывать его медицинскія познанія, что Эдмондъ наконецъ утомился отвѣчать на всѣ эти пустые вопросы и рѣзко прервалъ разговоръ. «Я получилъ письмо отъ дяди», обратился онъ къ Фанни, «и принесъ его вамъ». «Благодарю васъ, я съ величайшимъ удоволь-

ствіемъ прочту его, хотя могу сообщить вамъ болѣе свѣжія новости», сказала Фанни, однако не получили-ли вы также писемъ изъ Англіи? какъ здоровье вашей маменьки. и нашей милой Анны?».

— О! мистеръ Вильтонъ! вскричала внезапно Ульрика, пробудившись отъ притворнаго невниманія, увѣряютъ, что вы говорите такія вдохновенныя похвальныя рѣчи о дѣвицѣ Альтхеймъ; я люблю видѣть людей въ восторженномъ состояніи, не будете-ли вы такъ добры сообщить намъ ваши чувства касательно этой дѣвицы?— Ульрика! сказала мать съ извѣстнымъ намъ уже выраженіемъ упрека въ голосѣ и улыбкой на губахъ. Но Эдмондъ, желая пристыдить ее сперва спокойно отвѣтилъ на вопросъ Фанни; Моя мать и кузина, слава Богу, здоровы! Мнѣ очень прискорбно, обратился онъ затѣмъ къ Ульрикѣ, лицо которой уже покрылось румянцемъ неудовольствія, что я не имѣю возможности исполнить ваше желаніе, милостивая государыня. Если бы я и хотѣлъ говорить про дѣвицу Альтхеймъ, то пришлось-бы мнѣ многое въ ней порицать.

Всѣ взглянули на него съ удивленіемъ — но, продолжалъ онъ, объ отсутствующихъ вѣдь не слѣдуетъ говорить ничего худаго.

— Неужели это васъ остановитъ? прибавила смѣло Мальвина.—Въ такомъ случаѣ, продолжалъ Эдмондъ съ серьезной миной, я долженъ признаться, что считаю Анну слишкомъ скромною, слишкомъ снисходительною къ другимъ, слишкомъ истинно образованною и съ тактомъ, чтобы она могла имѣть притязанія считаться благовоспитанною молодою дѣвицей.—Ого, ого, замѣтила

Г-жа Брандтъ, въ то время какъ ея дочери оставались безмолвными, вѣдь это очень колко. Фанни улыбнулась, миссъ Долби смотрѣла въ тарелку, а г-нъ Греденъ сказалъ: Я такъ и думалъ, что этимъ кончится;—но это вовсе не любезно, прибавилъ онъ, что мы въ присутствіи миссъ Долби не говоримъ по англійски. Миссъ Долби, обратился онъ къ ней на англійскомъ языкѣ, въ то время какъ въ глазахъ его сестры выражалось сильное неодобреніе за неумѣстное вниманіе и когда Катинька съ дѣтскаго стола бросала на гувернантку бѣшеные взгляды,—миссъ Долби, скажите намъ также ваше мнѣніе на счеть дѣвицы Альтхеймъ, про которую мы сейчасъ говорили:—Вашъ сосѣдъ здѣсь навѣрно преувеличиваетъ ея достоинства?—Миссъ Альтхеймъ, сказала Анна дрожащимъ голосомъ, на сколько я ее понимаю, было-бы конечно очень непріятно сдѣлаться предметомъ разговора и она не была бы благодарна своему двоюродному брату за чрезмѣрную похвалу, которой онъ скорѣе можетъ повредить ей.

— Не прикажете-ли? спросилъ съ улыбкою Эдмондъ, подавая Аннѣ блюдо и взглядами вымаливая у нея прощенія. Та поблагодарила, но не подымая глазъ.—Миссъ Сарра! миссъ Сарра! послышался голосъ Леночки, которую Катинька напрасно старалась заставить молчать: Я не голодна! я больна, милая миссъ Сарра!

— Что у тебя, моя милочка? вскричала Анна и угадавъ изъ глазъ Фанни позволеніе выйти изъ за стола, быстро отправилась къ Леночкѣ.—Дѣти мои никогда не смѣли обѣдать за большимъ столомъ, сказала г-жа

Брандтъ вполголоса, однако такъ, чтобы Фанни могла слышать.

Анна вышла изъ комнаты съ Леночкой и скоро послѣ того дала знать Фанни, что уложила Леночку въ постель, хотя ей кажется, что нездоровье дѣвочки есть ничто иное, какъ начало простудной лихорадки.

Какъ скоро была возможность, Фанни встала изъ-за стола и пошла съ Эдмондомъ къ ребенку, не обращая вниманія на неудовольствіе тетки. Эдмондъ нашелъ пульсъ больной ненормальнымъ, но надѣялся. что не будетъ серьезныхъ послѣдствій и сожалѣлъ, что по случаю осенняго времени и дальняго разстоянія отъ города, Фанни еще не оставила деревни.—Мы вернемся въ городъ, какъ только маленькая встанетъ съ постели, проговорила озабоченная мать.

Анна осталась при Леночкѣ, а Фанни и Эдмондъ возвратились въ гостиную.

— Ты пришла отъ своей маленькой? спросила г-жа Брандтъ; надѣюсь, ты найдешь еще кофе или можетъ быть дочери мои уже разлили его; мы не могли долѣе заставить ждать твоего отца, прибавила она въ видѣ наставленія.

— Изъ такихъ прекрасныхъ рукъ кофе долженъ былъ показаться еще вкуснѣе папашѣ, сказала Фанни, оскорбленная тѣмъ, что тетка не полюбопытствовала спросить о здоровьѣ малютки. Г-нъ Греденъ освѣдомился у Эдмонда о здоровьѣ дѣвочки.

— Однакожъ нѣтъ ничего заразительнаго? спросили прекрасныя кузины и испуганно отскочили отъ Фанни и доктора.

Еще нельзя съ точностью опредѣлить, говорилъ Эдмондъ, какая болѣзнь разовьется. Г-жа Брандтъ и ея дочери значительно переглянулись.

— Любезный братецъ, внезапно принявъ рѣшеніе начала маменька: я и то хотѣла тебѣ объявить, что мы должны вернуться въ Шпинебергъ; въ случаѣ продолжительной болѣзни мы бы были только въ тягость.

— Да избавитъ насъ Богъ отъ продолжительной болѣзни, вскричалъ г-нъ Греденъ; впрочемъ если-бы это и случилось, ты, какъ опытная женщина, могла-бы быть намъ полезной своими совѣтами и попеченіями.

— Это конечно такъ, сказала Г-жа Брандтъ со значительной миной, Боже мой, какъ я умѣла ходить за своими больными дѣтьми,—но здѣсь такъ много другой помощи, и моя обязанность какъ матери.... Ульрика, не садись-же на стулъ кузины—мы съ твоего позволенія, любезный братецъ, отправимся завтра рано утромъ. Ты вѣдь можешь дать намъ своихъ лошадей.

— Я не хочу васъ удерживать, сказалъ г-нъ Греденъ, въ первый разъ разгадавъ сердце сестры своей. И на слѣдующее утро усѣлись въ карету мать и дочери, снабженныя множествомъ флаконовъ съ уксусомъ. Весьма непріятно, сказала г-жа Брандтъ, которая вслѣдствіе сильно развитаго чувства экономіи охотно прожила-бы еще долѣе у брата, что мы изъ за этого должны уѣхать! И прекрасная поѣздка въ Лангерсфельденъ не сбудется теперь! вскричала Ульрика.. Но Мальвина съ крикомъ обратилась къ кучеру: Стой, стой! вѣдь я заказала еще букетъ. Задыхаясь подбѣжалъ къ нимъ садовникъ, по приказанію Мальвины ограбившій садъ и оранжерею, и

передалъ ей букетъ. Но въ эту минуту г-нъ Греденъ, въ халатѣ, показался у окна и мать кричала ему вверхъ: Мы никого не хотѣли безпокоить, любезный братецъ, по этому и выѣхали такъ рано.

— Но, посмотри дяденька, сказала смутившись Мальвина, показывая букетъ, какъ внимателенъ твой садовникъ!—Милостивый Государь, сказалъ извиняясь садовникъ, барышня такъ приказала и карета уѣхала среди взаимнаго: Прощай! Кланяйся Фанни! Счастливаго пути! Желаемъ скораго выздоровленія! Едва онѣ выѣхали за ворота, какъ веселыя мины смѣнились постными, натянутыми, и нѣжныя сестры стали уже упрекать другъ друга, что занимаютъ слишкомъ много мѣста въ каретѣ. Г-жа Брандтъ говорила съ кисло-сладкой миной:

— Не ссорьтесь, иначе можно подумать, что я васъ худо воспитала. Но скоро водворилось самое искреннее согласіе, когда начали говорить объ Фанни и ея mesaillance, слѣпой нѣжности г-на Гредена къ его дочери, дерзкомъ докторѣ и надменной гувернанткѣ, которая сверхъ того, считаетъ себя вѣрно еще и очень хорошенькой. Это предположеніе особенно безпокоило ихъ, потому что Анна, въ самомъ дѣлѣ, могла имѣть притязаніе на то; этого-то ужъ никакъ нельзя было ей простить.

Г-нъ Греденъ съ негодованіемъ захлопнулъ окно; поступокъ его сестры заставилъ его призадуматься, а необходимость одолжить ей лошадей поставила Эдмонда, оставшагося переночевать у нихъ, для успокоенія Фанни, въ непріятное положеніе идти въ городъ пѣшкомъ Онъ долженъ былъ обѣщать Фанни скоро возвратиться и отправился въ путь удвоеннымъ шагомъ, зная, что па-

циенты вѣроятно ожидаютъ его съ большимъ нетерпѣніемъ.

Между тѣмъ, у Леночки лихорадка усиливалась и, при слѣдующемъ посѣщеніи Эдмонда, оказалась корь. Фанни была сильно озабочена, а г-нъ Греденъ еще болѣе. Онъ хотѣлъ отправить къ доктору въ Венецію эстафету—Самое малое, замѣтилъ онъ, что можно требовать, когда имѣешь зятемъ доктора, это чтобы онъ лечилъ больныхъ дѣтей своихъ и ставилъ обязанность отца выше всякой другой. Фанни стояла минуту въ раздумьи, а Анна ужаснулась при мысли, что напрасно испугаютъ отца, такъ какъ его помощь или придетъ слишкомъ поздно, или-же будетъ совершенно лишняя. Фанни пришла къ тому-же убѣжденію; она не согласилась на предложеніе отца, а также и на требованіе его призвать другихъ докторовъ. Она совершенно полагалась на Эдмонда, къ которому самъ докторъ имѣлъ такое большое довѣріе. Эдмондъ приходилъ ежедневно, часто оставался ночевать при больной, но вовсе не казался озабоченнымъ исходомъ болѣзни. Анна и Фанни чередовались при малюткѣ, такъ какъ Катинька была непріятна ребенку и уже два раза засыпала около него. Но Анна не смѣла отойти отъ кроватки, потому что больная каждую минуту звала къ себѣ миссъ Долби. И правду сказать она была неутомима, такъ что самъ г-нъ Греденъ сказалъ однажды въ присутствіи дочери своей: Эта дѣвушка никогда не должна оставлять твоего дома; въ ней ты нашла кладъ! Фанни отвѣчала: Я уже давно оцѣнила ея достоинства.

Черезъ девять дней опасность миновалась; какъ только Леночка встала съ постели и прошли три недѣли, всѣ

вернулись въ городъ. Но едва пріѣхали туда, какъ у Павли также выступила корь и такая злокачественная, что жизнь его въ продолженій нѣсколькихъ дней находилась въ опасности. Нѣжное сложеніе матери не въ силахъ было переносить такихъ напряженій и заботъ; становясь день отъ дня слабѣе, она, въ одно утро безъ памяти упала у кроватки сына своего. Анна и Эдмондъ отнесли ее на постель въ сосѣднюю комнату и въ то время какъ Эдмондъ возвратился къ ребенку, Анна давала Фанни необходимыя пособія. Мало по малу Фанни пришла въ себя и за тѣмъ уснула. Эдмондъ, который былъ то тутъ, то тамъ, осторожно шепнулъ Аннѣ: Павлѣ немного лучше, онъ легче дышетъ и я начинаю надѣяться, что самое трудное миновало. Не ошибаешься ли ты спросила Анна, схвативъ его руку. Но Эдмондъ съ увѣренностью улыбнулся и настойчиво просилъ Анну на минутку послѣдовать за нимъ, чтобы самой убѣдиться въ справедливости его словъ; Анна не могла отказать и тихонько ушла отъ спящей матери. Павля лежалъ спокойно, щеки его уже не были такія красныя, онъ дѣйствительно спокойнѣе дышалъ и вѣроятно снилось ему что-то пріятное, потому что онъ улыбался. Эдмондъ, взявъ его руку, сказалъ: Видишь, кожа его становится влажною, а это вѣдь хорошій признакъ. Вдругъ услышала Анна крикъ въ сосѣдней комнатѣ и узнала голосъ Фанни.

— Боже мой! кричала та, дитя мое, гдѣ оно? Въ минуту очутилась Анна около нея; Фанни стояла блѣдная и съ выраженіемъ ужаса на лицѣ: Маменька! вскри-

чала Анна, не помня, что говоритъ: увѣряю тебя, ему лучше!

Фанни удивленно смотрѣла на Анну и казалось собиралась съ мыслями, чтобъ убѣдиться: на яву она это слышитъ или во снѣ. Развѣ это не миссъ Долби принесла ей доброе извѣстіе о ребенкѣ, говорила съ ней по нѣмецки и теперь назвала ее матерью? Блѣдное лицо Фанни внезапно покрылось румянцемъ; молніей сверкнула въ ней мысль: Да, вскричала она, это ты Анна, ты,— о не пугайся скажи мнѣ, что ты дочь моего Морица, сестра моихъ дѣтей, а также и мое дитя! Фанни распростерла свои объятія. Анна рыдая бросилась къ ней на грудь. Ахъ! говорила Фанни: могу-ли я когда нибудь простить себѣ, что страшилась тебя, что желала ангела-хранителя моихъ дѣтей, постоянно держать вдали отъ дома! Чѣмъ могу я загладить свою вину и въ состояніи-ли ты будешь простить мнѣ? Какъ ты намъ отплатила за всѣ наши несправедливости!

— Маменька! милая маменька! прости и мнѣ что я, не зная тебя, не любила и возвращалась сюда съ предубѣжденіемъ, знаю что я неправа и нуждаюсь въ твоемъ снисхожденіи. Но какова бы я ни была, оставь меня при себѣ.

Фанни ничего другаго не могла сказать какъ только: Правъ былъ Морицъ, когда назвалъ твое сердце золотымъ! Въ это время вошелъ Эдмондъ: Не говорите такъ громко, мои милыя; Павля можетъ проснуться: вѣдь тамъ слышно каждое слово, прибавилъ онъ, ласково улыбаясь.—Ахъ, г-нъ Вильтонъ, любезный Эдмондъ, вскричала Фанни, какъ здоровье моего Павли? Пойдемъ опять

къ ребенку, моя Анна! скорѣе!—Но не теперь, не въ такомъ волненіи, тетенька, сказалъ Эдмондъ, да и притомъ Анна должна все еще оставаться миссъ Долби въ присутствіи Павли. Какъ удивительно показалась бы больному эта неожиданная перемѣна, какъ перепутало бы его мысли. Ему необходимо величайшее спокойствіе. Во мнѣ нуждаются теперь другія больныя, и я могу спокойно оставить Павлю. Ты теперь, милая Анна, ступай къ нему и будь для него нѣжной сидѣлкой! Анна улыбнулась, обтерла еще влажныя глаза свои, спокойно и весело взглянула на него и сказала: ну вотъ я опять таже что и была прежде; впусти меня теперь, Павля долѣе не долженъ оставаться безъ присмотра.—Эдмондъ ввелъ ее въ сосѣднюю комнату.—Черезъ два часа я опять буду здѣсь, сказалъ онъ и тихонько вышелъ; Фанни прислушивалась у дверей. Минуту спустя она также вошла и сѣла подлѣ Анны у кроватки ребенка. Павля все еще сладко спалъ; уже давно невидала она его такимъ спокойнымъ. Она молча схватила руку Анны и слезы радости текли по ея щекамъ; мать и дочь наслаждались теперь тихимъ счастіемъ и возносили молитву Богу; время пролетѣло для нихъ незамѣтно.—Слушай, тамъ кто-то идетъ, сказала Фанни.—Вѣроятно Эдмондъ возвращается, отвѣчала Анна и на цыпочкахъ пошла на встрѣчу входящему. Осторожно отворила она дверь сосѣдней комнаты—то былъ г-нъ Греденъ. Въ какомъ состояніи здоровье ребенка, миссъ Долби? спросилъ онъ заботливо, съ замираніемъ сердца ожидая отвѣта.

— Гораздо, гораздо лучше!

— Слава Богу! Но дѣйствительно-ли это такъ?

— Уже два часа какъ онъ спокойно спитъ, и Эдмондъ, мистеръ Вильтонъ хотѣла я сказать, думаетъ, если ночь пройдетъ безъ лихорадки и бреда—то выздоровленіе его будетъ скорое и несомнѣнное.

— Ночь... да если бы она только миновалась! вздыхая говорилъ озабоченный дѣдушка. Ахъ, миссъ Долби, такъ какъ всѣ несчастія приходятъ въ одно время, то и у меня теперь еще другая тяжелая забота, которую я долженъ скрыть отъ Фанни. Анна содрогнулась и вскричала, дрожа всѣмъ тѣломъ: Однако не изъ Италіи-же худыя вѣсти? г-нъ Греденъ съ удивленіемъ взглянулъ на нее; въ самомъ дѣлѣ такое участіе со стороны чужой казалось ему необыкновеннымъ: Ваши нервы должны быть также разстроены, и не удивительно,—сказалъ онъ, и на ея съ боязнью повторенный вопросъ, отвѣчалъ: Нѣтъ, нѣтъ, успокойтесь; я надѣюсь, что зять мой здоровъ. Но возвратимся къ прежнему: кто сегодня просидитъ ночью у Павли?—Сегодня моя очередь! сказала поспѣшно Анна.

— Ваша очередь? Мнѣ кажется ваша очередь всегда, каждый день, дорогая миссъ Долби. Онъ взялъ ея руку: О, что вы для насъ дѣлаете, то можно чувствовать сердцемъ, и вѣрьте мнѣ, у Фанни и у меня благодарное сердце, которое чувствуетъ, чѣмъ оно вамъ обязано и понимаетъ, что за все сдѣланное вами, никогда ничѣмъ отплатить нельзя. Однако... прибавилъ онъ, медленно и закашливаясь; онъ собирался что-то сказать, но ему какъ то нельзя было: Вы уже болѣе трехъ мѣсяцевъ у насъ и условленная плата, въ которой вы, можетъ быть нуждаетесь, по сю пору еще вамъ не выдана. Фанни

среди волненій навѣрно объ этомъ не подумала. Я уже нѣсколько дней ношу съ собою деньги. Вотъ, продолжалъ онъ, вытащивъ изъ кармана два свертка и положивъ ихъ передъ Анной; вотъ ваши деньги, миссъ Долби, возьмите ихъ и въ знакъ моей дружбы къ вамъ позвольте мнѣ удвоить эту сумму.

Анна испуганно отскочила отъ этого золота, однако скоро опять вошла въ свою роль гувернантки и сказала: Бонна вашихъ дѣтей не приметъ болѣе того, сколько ей слѣдуетъ, и вы будете такъ добры сохраните ей эти деньги. Но г-нъ Греденъ отказался, оставилъ деньги на столѣ и проворно вышелъ изъ комнаты. Анна улыбнулась и принуждена была взять оба свертка, рѣшившись сдѣлать изъ нихъ хорошее употребленіе. Между тѣмъ, тайныя заботы г-на Гредена возбудили въ ней опасенія, хотя и утѣшала она себя мыслью, что нѣтъ никакой причины г-ну Гредену скрывать отъ чужой ему особы возможное нездоровье доктора. Но при этомъ она вспомнила, что отецъ уже давно не писалъ и усерднѣе, чѣмъ когда либо, стала молиться за отца у постели его сына.

Павля провелъ ночь лучше, чѣмъ можно было ожидать. Эдмондъ сказалъ: Мы теперь уже за горами! но такъ какъ онъ требовалъ, чтобы бдѣніе при малюткѣ еще не прекращалось, а силы Фанни и Анны были уже почти истощены, то рѣшилъ, что необходимо посторонняя помощь, потому что, къ Катинькѣ не имѣли надлежащаго довѣрія. Тутъ Анна вдругъ вспомнила о Фредерикѣ и предложила пригласить ее.—Согласится ли она придти? спросила Фанни и сдѣлаетъ ли она для моего

ребенка то, что дѣлала для тебя Анна въ твоемъ дѣтствѣ?—Въ этомъ не сомнѣвайся, отвѣтила Анна, и тотчасъ же написала г-жи Хейнрихсъ обо всемъ, что происходило въ домѣ, и что она только ей, Фредерикѣ, уступитъ мѣсто свое у кроватки Павли. Часъ спустя явилась уже г-жа Хейнрихсъ. Она нужна была въ домѣ доктора и готова была все исполнить ревностно, спокойно, расторопно, выказывая всѣ качества заботливой няни, она забыла тотчасъ все негодованіе противъ Фанни, какъ только услышала ее обращающуюся къ Аннѣ съ словами: милая дочь моя! Наперерывъ съ Анной заботилась она о спокойствіи Фанни. Вѣдь г-жа докторша такъ нѣжна, говорила она, и можетъ менѣе перенести, чѣмъ покойница. И Павля-то былъ чудный мальчикъ, такого добраго и терпѣливаго ребенка во время болѣзни она еще не видывала; и Леночка, маленькая колдунья, выглядитъ вѣдь совершенно какъ Анна; однимъ словомъ г-жа Хейнрихсъ рѣшительно ожила въ новой любви и дѣятельности, послѣ долгой праздной жизни; сердце ея снова помолодѣло въ кругу дѣтей. Фанни скоро убѣдилась, что такую преданность и такое самоотверженіе нужно считать благодатью Божіею, и что только одна любовь, достойная плата за нихъ. Она сердечно просила Фредерику на всегда остаться у нее.—Боже мой, дорогая г-жа докторша, если вы только захотите меня имѣть вѣдь понятно, что я охотно останусь при моей Аннѣ, при дѣтяхъ, при васъ и нашемъ дорогомъ докторѣ! сказала г-жа Хейнрихсъ, плача отъ радости.

Катинька понимала, что при этихъ обстоятельствахъ ея пребываніе въ домѣ не можетъ быть продолжительно

и не нашла затрудненія получить согласіе Фанни на ея бракъ съ поваромъ, нѣсколькими годами раньше. Подъ новымъ управленіемъ, сказала Катинька своему избранному, наша экономія не будетъ такъ увеличиваться! Свадьба ея была назначена на слѣдующій мѣсяцъ.

По прошествіи двухъ недѣль Павля сидѣлъ снова на диванѣ, хотя блѣдный и слабый, но внѣ всякой опасности. Анна и Леночка играли съ нимъ; теперь называлъ онъ ихъ обѣихъ сестрами; г-нъ Греденъ, которому тоже уже все было извѣстно, смотря на эту картину, сказалъ Павли: Милый мой, ты очень счастливъ, что при самомъ рожденіи своемъ нашелъ уже на свѣтѣ такую сестру! Фанни сидѣла у письменнаго стола и писала доктору объ опасности, въ которой находились дѣти, о миссъ Долби, объ Аннѣ—письму ея не предвидѣлось конца и объемомъ оно уже походило на довольно толстую книгу. Тогда вынулъ г-нъ Греденъ изъ своего кармана другое письмо и сказалъ ей: Прежде чѣмъ ты отправишь свое письмо, которое вѣроятно назначается мужу, прочитай вотъ это отъ него же.—И ты сообщаешь мнѣ это теперь только, папенька? ахъ, почти цѣлая вѣчность, какъ я не имѣла отъ него извѣстія.—Да, только теперь, какъ дѣтямъ стало лучше, тебя поражаетъ его молчаніе.—Фанни поблѣднѣла.—Папенька, ради Бога, неужели Морицъ боленъ?—Если-бы онъ былъ еще боленъ, сказалъ г-нъ Греденъ, развѣ я здѣсь говорилъ бы такъ спокойно о немъ? Онъ снова здоровъ, почти совсѣмъ здоровъ и ты Фанни можешь теперь изъ письма сама удостовѣриться въ его выздоровленіи, а также и ты, милая Анна. Фанни съ трепетомъ вынула изъ конверта маленькую записку, на

которой докторъ нетвердою рукою написалъ нѣсколько строчекъ; Анна обнявъ рукою мать свою, въ тоже время читала слѣдующія строки:

«— Дорогая жена! надѣюсь, что мою болѣзнь могли «скрыть отъ тебя и что ты только сегодня узнаешь че- «резъ меня выздоравливающаго, что я долженъ былъ за- «платить дань климату Венеціи: нервная лихорадка до- «вольно серьезно схватила меня. Но я ее превозмогъ, и «какъ на свѣтѣ нѣтъ худа безъ добра, то и болѣзнь моя «была поводомъ къ тому, что я буду замѣненъ другимъ «сотоварищемъ тайнымъ совѣтникомъ Зименымъ и воз- «вращусь къ вамъ, какъ только позволятъ мои силы. «Принцъ здоровъ и я за него совершенно спокоенъ. Не «могу высказать, какъ тосковалъ я по тебѣ, по всему «семейству и въ особенности по моей Аннѣ, съ которой «уже шесть лѣтъ какъ въ разлукѣ и за которую боялся, «что можетъ быть она никогда не увидитъ своего отца. «Какъ только я буду съ тобою Фанни, она должна не- «премѣнно возвратиться къ намъ, мы сами съѣздимъ за «нею и проведемъ Рождество уже вмѣстѣ. Будь здорова, «моя Фанни. Не безпокойся обо мнѣ, увѣряю тебя, какъ «докторъ и какъ честный человѣкъ, что болѣзнь моя «дѣйствительно прошла.

Твой навсегда

Морицъ».

Какъ успокоительно ни было содержаніе этихъ строкъ, однако Фанни и Анна были очень взволнованы; первая вышла изъ комнаты, чтобы дать свободу своимъ слезамъ; г-нъ Греденъ и Анна послѣдовали за нею.

— Ты очень неблагоразумна, сказалъ г-нъ Греденъ;

ты должна была бы радоваться, что ему лучше, а вмѣсто того плачешь!

— О нѣтъ, дѣдушка, сказала Анна (г-нъ Греденъ требовалъ, чтобы она его такъ называла). Это понятно, что маменька, которую такъ внезапно поразила пропасть, надъ которой мы стояли, сами того не зная, такъ встревожена? Фанни притянула ее къ себѣ: Да, сказала она, Анна понимаетъ меня. Однакожъ любезный папенька, я твердо рѣшилась, такъ какъ Павля опять здоровъ, завтра утромъ отправиться съ Катинькой въ Венецію, чтобы привести самой мужа. Это я предвидѣлъ, сказалъ г-нъ Греденъ. По моему мнѣнію оно совершенно лишнее, но такъ какъ изъ твоей головы почти невозможно выбить задуманное, то я на всякій случай уже уговорился съ молодымъ Вильтономъ, обѣщавшимъ мнѣ сопровождать тебя въ Венецію; а при дѣтяхъ остается вѣдь здѣсь другая мать, сказалъ онъ, взявъ руку Анны. Анна, которая сама охотно полетѣла бы къ отцу, также всѣми силами поддерживала намѣреніе матери. Фанни тяжко было разлучиться съ дѣтьми; но нѣжный взглядъ Анны успокоилъ ее. Эдмондъ исполнилъ свое обѣщаніе, но только съ условіемъ тотчасъ же вернуться домой, такъ какъ его практика не дозволяла ему отлучаться на долгое время. Между тысячью доказательствъ любви и довѣрія, которыя отъѣзжающая мать оказывала Аннѣ, было также позволеніе или, лучше сказать, просьба во время ея отсутствія, принять на себя завѣдываніе хозяйствомъ и измѣнить прежній порядокъ. Фанни, при прощаніи, выразила приблизительно свои желанія, и Анна съ помощью Фредерики исполнила все сообразно съ

цѣлью. Дорогой поваръ былъ отосланъ и замѣненъ кухаркой, которая находилась подъ особеннымъ присмотромъ Фредерики. Такъ какъ случай представился выгодно продать лошадей, то Христіанъ, старый кучеръ доктора, согласился исполнять обязанность лакея и до пріѣзда доктора замѣнять двухъ недавно отпущенныхъ слугъ; затѣмъ, уже добрый вѣрный Іоаганъ, по ходатайству Фредерики, не замедлитъ отказаться отъ своего настоящаго мѣста, чтобы снова служить доктору до конца своей жизни. Вѣдь теперь и Анна и Фредерика снова дома, гдѣ введенъ старый порядокъ; такъ нѣтъ причины ему не присоединиться къ нимъ. Мамзель Катинька, по возвращеніи своемъ изъ Венеціи, выйдетъ замужъ за своего повара и уйдетъ изъ дому.

— Слава Богу! сказалъ Іоганъ.

Между тѣмъ Анна, съ своей стороны, воспользовалась временемъ, чтобы очистить кабинетъ доктора и переселиться не въ нарядные покои новаго флигеля, приготовленные къ ея пріѣзду, а въ бывшую комнату Катиньки, около самой спальни брата и сестры. Она хотѣла вполнѣ замѣнить мѣсто миссъ Долби. Катинькина комната, заново выкрашенная и снабженная всею щеголеватою мебелью Анны, имѣла весьма приличный видъ. Но болѣе всего украшало ее, по мнѣнію Анны, портретъ ея любимой матери, который она съ глубокимъ чувствомъ умиленія нашла въ предназначенной ей комнатѣ. Передъ этимъ изображеніемъ она и впослѣдствіи стояла часто съ благоговѣніемъ и увѣрена была, что единственно вліянію покойной матери обязана тѣмъ, что поступки ея были угодны Богу и снискали ей его благословеніе.

Павля, къ величайшей радости дѣдушки своего и къ восхищенію Анны, удивительно скоро поправился и долженъ былъ, по возвращеніи Эдмонда, праздновать свой первый выходъ. Анна, которая во время отсутствія Фанни, аккуратно получала отъ нея извѣстія и также исправно отвѣчала ей, съ нетерпѣніемъ ждала однажды письма изъ Венеціи, какъ вдругъ, къ ея величайшему удивленію, Эдмондъ самъ вошелъ въ комнату.—Всѣ здоровы, какъ я вижу, вскричалъ онъ, и я слава Богу приношу также хорошія вѣсти! Тутъ сталъ онъ подробно разсказывать, что докторъ былъ дѣйствительно очень боленъ, но что съ каждымъ часомъ силы его прибавляются и что онъ совершенно счастливъ былъ присутствіемъ Фанни, хотя и не совсѣмъ одобрялъ ея разлуку съ дѣтьми. Но Фанни увѣрила его, что подъ присмотромъ дѣдушки и миссъ Долби, Павля и Леночка будутъ сбережены какъ нельзя лучше.

— Миссъ Долби? спросила Анна, такъ значитъ папенька не знаетъ еще....

— Что его Анна и миссъ Долби одна и та-же личность? Нѣтъ, тетенька, которая боится для него всякаго потрясенія, хотя бы и радостнаго, до сихъ поръ умолчала объ этомъ и Богъ знаетъ, сообщитъ-ли ему эту тайну до возвращенія. Но что она съ его Анной, благодаря посредничеству миссъ Долби, очень сблизилась и стала въ письмахъ своихъ гораздо искреннѣе, все это тетенька разсказала твоему отцу и тѣмъ обрадовала и растрогала его до слезъ. — И такъ, папенька еще очень слабъ? спросила озабоченно Анна.

— Не бойся ничего! утѣшалъ ее Эдмондъ. Это есте-

ственное послѣдствіе такой болѣзни и, конечно, въ скоромъ времени пройдетъ. Теперь наша главная забота должна состоять въ томъ, чтобы онъ нашелъ дѣтей и тебя, милая кузина, крѣпкими и здоровыми, и потому совѣтую тебѣ успокоить душу и тѣло послѣ всѣхъ заботъ и попеченій.

Подъ присмотромъ Эдмонда, Павля снова получилъ возможность выходить на воздухъ и, съ этого дня, такъ быстро началъ поправляться, что послѣдніе слѣды болѣзни исчезли съ его лица и онъ въ короткое время выросъ почти на полъ головы, въ чемъ Анна и г-жа Хейнрихсъ съ восторгомъ удостовѣрили дѣдушку по одеждѣ ребенка. Анна, къ величайшему удовольствію братца своего, начала учить по азбукѣ, а потомъ и читать. Леночка подъ руководствомъ г-жи Хейнрихсъ, усердно вязала подвязки матери, и для обоихъ родителей уже было приготовлено множество сюрпризовъ. Среди занятій по хозяйству и переписки съ теткой и матерью, время для Анны пролетѣло быстро и незамѣтно насталъ день, въ который ожидали возвращенія доктора и Фанни.

Уже наканунѣ того дня, всѣ были въ большомъ напряженіи; Анна, при стукѣ каждой проѣзжающей кареты, содрагалась и прислушивалась, г-нъ Греденъ грозилъ ей пальцемъ, Эдмондъ улыбался и оба говорили: Да, сегодня они никакъ не могутъ пріѣхать. Но не смотря на то, Анна все надѣялась: Въ былое время, говорила она, папенька любилъ заставать насъ врасплохъ и возвращаться ранѣе, чѣмъ было назначено имъ. И г-жа Хейнрихсъ, которая на другомъ концѣ комнаты занималась съ дѣтьми сооруженіемъ различныхъ домиковъ изъ кир-

пичиковъ, вставила тоже свое словцо: Я готова биться объ закладъ, что они сегодня пріѣдутъ.—Да, да, кричали радостно дѣти, они непремѣнно сегодня пріѣдутъ!—и прыгали и плясали вокругъ своей нянюшки, и слышать не хотѣли о томъ, чтобъ идти спать, не смотря на то, что часъ сна уже давно насталъ. Только обѣщаніемъ разсказать имъ хорошенькую сказочку удалось г-жѣ Хейнрихсъ уговорить ихъ отправиться въ спальню. Но едва Леночка досказала свою молитву и Анна съ Фредерикой принялись раздѣвать дѣтей, какъ услышали шумъ подъѣзжающей кареты; вслѣдъ за тѣмъ Эдмондъ постучался въ дверь: ѣдутъ! ѣдутъ! вскричалъ онъ, они уже на лѣстницѣ!—онъ ворвался въ комнату, взялъ ликующаго Павлю на руки и побѣжалъ на встрѣчу къ доктору. Анна поспѣшно набросила на плечи Леночки большой платокъ, закутала въ мантилью ея голенькія ножки и поспѣшила за Эдмондомъ. Докторъ уже стоялъ на верхнихъ ступеняхъ лѣстницы, держа на рукахъ сынка своего, а Фанни шла на встрѣчу къ Леночкѣ и Аннѣ, которая передала ребенка на руки матери и приникла головой къ ея груди. Въ эту минуту докторъ оторвался отъ ласкъ Павли, чтобы поцѣловать также Леночку. Онъ обернулся, увидѣлъ станъ Анны, но не могъ разсмотрѣть еще ея лица и спросилъ: Это миссъ Долби, неправда ли? Анна осталась неподвижною; но тѣмъ сильнѣе чувствовала Фанни біеніе сердца ея.

Она откинулась немного назадъ, такъ что докторъ все болѣе и болѣе могъ различить черты Анны, страхъ которой испугать отца былъ почти такъ же великъ, какъ и радость при видѣ отца. Докторъ остолбенѣлъ—Анна, не

владѣя больше собою, совершенно обернулась къ отцу,— и теперь увидѣлъ онъ сіяющее радостью лицо дочери своей.—Анна! что же это такое? Это моя Анна! вскричалъ онъ.

Слѣдующую за симъ сцену читатель можетъ живо себѣ представить. Послѣ того, какъ отецъ и дочь нѣсколько разъ прижимали другъ друга къ сердцу, докторъ спросилъ: Но какимъ образомъ ты здѣсь, мое возлюбленное дитя? Кто приготовилъ мнѣ эту радость? Кто привезъ тебя сюда?

— Она уже давно у насъ и пріѣхала въ одно время съ миссъ Долби, сказала улыбаясь Фанни. — Съ миссъ Долби.... ты говоришь загадками! вскричалъ докторъ; тутъ Фанни, г-нъ Греденъ и Эдмондъ, перебивая другъ друга, начали разсказывать какимъ образомъ Анна сама себя ввела въ отцовскій домъ и какъ, подъ именемъ миссъ Долби, она сдѣлалась имъ необходимою. При этомъ разсказѣ докторъ часто вздыхалъ, слезы наполнили глаза его и онъ жестоко упрекалъ себя, что его Анна такимъ образомъ должна была пробраться въ отцовскій домъ, что онъ, несмотря на всѣ препятствія, не вызвалъ ее гораздо ранѣе, что довѣрился Фанни и г-ну Гредену, которые въ этомъ случаѣ во зло употребили его уступчивость, и, представляя тысячу побудительныхъ причинъ, требовали новой отсрочки, когда рѣчь заходила о возвращеніи Анны. Онъ думалъ о томъ, что отъѣздъ его не помѣшалъ бы возвращенію дочери, если бъ только онъ былъ увѣренъ въ ласковомъ пріемѣ, на который Анна должна была бы расчитывать и въ отсутствіи его. Онъ взглянулъ на Фанни съ выраженіемъ полнымъ

упрека; но когда та, обвиняя сама себя, не могла ему нахвалиться любовью и добротой Анны, когда онъ прочиталъ въ глазахъ дочери привязанность ея къ Фанни и когда даже старикъ г-нъ Греденъ не могъ перестать восхвалять Анну и поздравлять доктора съ такою дочерью, тогда только чувства отца обратились въ чистую искреннюю радость.—И такъ, это была та самая миссъ Долби, про которую ты мнѣ, Фанни, говорила, что она лучше матери ходила за дѣтьми? спросилъ онъ съ влажнымъ взглядомъ.

— Та самая, отвѣчала Фанни, про которую я говорила, что не желала бы жить безъ нея.. Анна поцѣлуемъ прервала рѣчь матери.

— Смотрите, сказалъ улыбаясь докторъ, не испортите мнѣ мою Анну: вѣдь она при всемъ томъ ничто иное, какъ доброе кроткое дитя. Всѣ собрались за чайнымъ столомъ и тутъ разсказамъ не было конца; г-жа Хейнрихсъ, Іоганъ и старый кучеръ Христіанъ также поспѣшили поздороваться съ докторомъ; какъ пріятно ему было увидѣть снова подъ своимъ кровомъ давно знакомыя лица. Фанни наконецъ должна была напомнить мужу, что онъ обязанъ еще беречь себя и пораньше идти спать. Удобство домашняго быта содѣйствовали скорѣйшему его выздоровленію, что дало ему возможность снова посѣщать своихъ паціентовъ. Также улучшеніе его финансовъ, вслѣдствіе правильнаго завѣдыванія хозяйствомъ, сняло съ души его тяжкую заботу. Фанни съ помощью Анны и Фредерики сдѣлалась скоро превосходною хозяйкою. Однако Анна никогда не хотѣла сознаться, что познаніямъ своимъ мать обязана ея содѣйствію.

Она осталась той же скромною, кроткою дѣвушкой и охотно предоставляла другимъ думать, что Фанни все лучше ее понимаетъ, до тѣхъ поръ пока мнѣніе это не сдѣлалось почти истиной, и Фанни, въ самомъ дѣлѣ, ничему болѣе не оставалось учиться у своей падчерицы. Катинька оставила домъ и, хорошо надѣленная приданымъ, вышла замужъ за своего повара. Съ какимъ удовольствіемъ танцовали на этой свадьбѣ Іоганъ и старый кучеръ.

Праздники Рождества начались какъ нельзя веселѣе. Анна употребила деньги, подаренныя г. Греденомъ гувернанткѣ, на подарки родителямъ, дѣтямъ, Эдмонду, Фредерикѣ и помогла ими еще нѣкоторымъ бѣднымъ. Неожиданный пріѣздъ тетки Вильтонъ съ ея дѣтьми, Чарли и Кларой, еще увеличилъ общую радость. Какъ счастливы были тетка и племянница при свиданіи. Фанни заключила искреннюю дружбу съ мистриссъ Вильтонъ, которая оставалась у нея нѣсколько недѣль, чтобы помѣстить Чарли въ нѣмецкое училище. Дядя Вильтонъ пріѣхалъ за нею и охотно увезъ бы въ Англію свою милую племянницу.—Жаль, сказалъ онъ, Фанни, что вы мало допекали эту гувернантку? теперь останется она уже на всегда на континентѣ, я это вижу. Но мистера Вильтона ожидала большая радость. Эдмондъ, въ качествѣ доктора, поселившійся совершенно въ Германіи, сдѣлался въ слѣдующемъ году женихомъ своей кузины, для обладанія которой онъ покинулъ свою родину. Послѣ того какъ Анна съ радостью отдала ему сердце и руку, переѣхали они оба въ новый флигель дома, который такимъ образомъ не понапрасну былъ выстроенъ докто-

ромъ и семейная жизнь въ Альтхеймскомъ домѣ по всюду почиталась самою счастливою и прекрасною. Эдмондъ и Анна взяли Чарли совсѣмъ къ себѣ и въ его каникулярное время отвозили его сами въ Англію, гдѣ обыкновенно оставались нѣсколько недѣль въ родительскомъ домѣ. Это обыкновеніе посѣщать родителей каждый годъ осталась у Анны и Эдмонда даже и тогда, когда Богъ благословилъ ихъ дѣтьми. Но Анна, во время своего отсутствія, также спокойно могла передавать ихъ на попеченіе Фанни, какъ та нѣкогда поручала ей Павлю и Леночку.

Г-нъ Греденъ привыкая мало по малу къ мѣщанскому образу жизни зятя своего, проводилъ въ домѣ его наилучшіе часы своей жизни, окруженный дѣтьми и внуками, которые оказывали ему любовь и внимательность. Шутя, называлъ онъ дѣтей Анны своими правнуками и любилъ ихъ почти также нѣжно, какъ и своихъ собственныхъ внуковъ.

Чарли оказался способнымъ молодымъ человѣкомъ и вѣрнымъ другомъ Павли, развитіе котораго доставляло только радость доктору. Леночка становилась прекрасною молодою дѣвушкой, которая своимъ образованіемъ и душевными качествами все болѣе и болѣе походила на Анну.

Не разрывая родственныхъ связей, г-нъ Греденъ старался однако избѣгать частыхъ сношеній съ г-жею Брандтъ и ея дочерьми; Ульрика и Мальвина остались незамужними и стали настоящими злыми, старыми дѣвами, отъ которыхъ всѣ охотно бѣгали, чтобъ не попасть въ сплетни и пересуды. Свою кузину докторшу

посѣщали онѣ къ счастью очень рѣдко, потому что жена доктора Вильтона, которую онѣ какъ миссъ Долби, такъ часто оскорбляли, возбуждала въ нихъ непріятныя воспоминанія; за то онѣ и ненавидѣли ее отъ всего сердца. Сама же мистриссъ Вильтонъ все еще живетъ въ радости и благополучіи, любимая и уважаемая своими и всѣми добрыми, которымъ посчастливилось сблизиться съ нею.

Конецъ.

Раскопки въ Помпеи.

ПОДЗЕМНЫЙ ГОРОДЪ.

Если вамъ, читатель, случится когда нибудь посѣтить Италію и осмотрѣвъ Римъ, спуститься еще болѣе на югъ чтобы полюбоваться Неаполемъ, и почти постоянно дымящимся Везувіемъ, то не упустите случая съѣздить и въ Кастельамаре,—древнюю Стабію, для того чтобы вполнѣ насладиться очаровательнымъ видомъ Неаполитанскаго залива, на значительномъ пространствѣ растилающагося лазурнымъ полукругомъ, окаймленнымъ самыми живописными берегами. Сообщеніе къ тому же очень удобное; вы берете билетъ и желѣзная дорога изъ Неаполя васъ доставитъ въ часъ въ Кастельамаре, если только вы не остановитесь на нѣкоторое время, чтобы прослѣдить—какіе это вагоны съ землею двигаются, при посредствѣ ословъ, со стороны залива, не вдалекѣ отъ желѣзной дороги, по которой вы сами ѣдете. Это такая интересная работа, что почти всѣ въ подробности ее осматрѣваютъ. И есть что посмотрѣть.

Представьте себѣ, читатель, самую разнообразную толпу людей занятыхъ тѣмъ, что одни, по преимуществу мужчины—разными инструментами—какъ то лопатами, кирками, ломами и т. п. д. роютъ твердую землю, а другіе—женщины—складываютъ куски этой земли, между

которою встрѣчается много золы, песка и каменьевъ, въ небольшія корзины, и, поднявъ ихъ на головы, уносятъ къ не вдалекѣ стоящимъ вагонамъ, въ которые и высыпаютъ землю, послѣ чего снова возвращаются за такою же ношею. Вагоны же, по мѣрѣ наполненія ихъ землею, отвозятся на значительное разстояніе по желѣзной дорогѣ, отлого спускающейся почти до самаго мѣста производства работъ, другими словами до *подземнаго города*, все болѣе и болѣе открывающагося теперь глазамъ любопытныхъ путешественниковъ.

Городъ этотъ, называвшійся Помпея, входилъ въ составъ Римской Имперіи и, въ первые годы послѣ Р. Х., имѣлъ до 30,000 жителей. Исторія этого города т. е. все его существованіе не представляетъ собою ничего замѣчательнаго и достойнаго вниманія, но погибель его, исчезновеніе, такъ сказать, съ лица земли, хотя и на нѣкоторое время, составляетъ одно изъ самыхъ замѣчательныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ужасныхъ явленій земнаго шара.

Уже въ 63 году послѣ Р. Х. т. е. за тысячу восемьсотъ лѣтъ до насъ, землетрясеніе разрушило не мало зданій въ Помпеи, и привело въ такой ужасъ жителей, что множество изъ нихъ покинуло городъ, который нѣкоторое время не рѣшались даже и возобновлять. Однако это продолжалось не долго: помпеянцы возвратились со временемъ въ свои родныя жилища и городъ сталъ отстраиваться лучше и великолѣпнѣе прежняго.

Но въ 79 году 23 ноября, когда въ Римѣ царствовалъ императоръ Титъ, прозванный Милосердымъ, послѣдовало новое землетрясеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ, изверженіе

вулкана Везувія. Облака пыли, золы, пепла носились въ воздухѣ, густой дымъ выходилъ изъ кратера вулкана, изъ средины котораго раздавались какъ бы громовые удары, сопровождаемые оглушительнымъ ревомъ. Жители въ ужасѣ искали спасенія въ бѣгствѣ, и толпою тѣснились у городскихъ воротъ. Но это было, такъ сказать, начало настоящаго бѣдствія. Послѣ облаковъ золы и пепла, упавшихъ во множествѣ на землю, изъ Везувія полились огненною рѣкою потоки лавы—расплавленныя землистыя вещества,—при чемъ вылетала масса раскаленныхъ каменьевъ, падавшихъ подобно густому снѣгу на землю. Каменья эти, а также пепелъ, падали безостановочно и по немногу все болѣе и болѣе покрывали собою улицы и дворы, лѣстницы, крыши домовъ, которыя отъ дѣйствія раскаленныхъ каменьевъ загорались, обрушивались и распространяли пожаръ не только по всему городу, но и во внутрь каждаго дома. Изъ за облаковъ пыли и пепла не видно было солнца; господствовалъ ужасный мракъ, прерываемый по временамъ огненными столбами, подымавшимися изъ Везувія. Одинъ изъ извѣстныхъ римскихъ писателей, Плиній младшій, находившійся въ то время въ Мизенѣ, небольшомъ городкѣ на оконечности неаполитанскаго залива, наблюдалъ это страшное явленіе и оставилъ намъ подробное его описаніе. Онъ говоритъ, между прочимъ, что падалъ такой густой пепелъ, что даже на разстояніи семи миль отъ Везувія нужно было постоянно отряхать себя, чтобы не быть задушеннымъ пепломъ, которой, говорятъ, долеталъ до Африки, и во всякомъ случаѣ до Рима, гдѣ воздухъ былъ до того наполненъ имъ, что нельзя было

разглядѣть солнца. Наконецъ, по немногу стало показываться солнце, и освѣтило мѣстность, видъ которой совсѣмъ измѣнился; она была покрыта, подобно снѣгу, лавою, золою и пепломъ, засыпавшими три цѣлыхъ города: именно Помпею, Геркуланумъ, (нынѣшній Портичи) и Стабію—современный намъ Кастельамаре.

Цѣлые вѣка земляной покровъ скрывалъ отъ взоровъ людей нѣкогда богатые города, о которыхъ мало по малу не только что перестали вспоминать, но и совсѣмъ забыли. По немногу люди опять поселились въ этихъ мѣстахъ, но уже на землѣ, служившей могильнымъ камнемъ ихъ отдаленнымъ предкамъ: на толстомъ слоѣ земли, скрывавшемъ Помпею, Геркуланумъ и Стабію стали строить дома, сажать деревья, разводить сады и огороды, рыть колодцы, прокладывать дороги и копать канавы. При подобныхъ работахъ попадались иногда обломки разныхъ вещей принадлежащихъ къ числу домашней утвари, но на это никто не обращалъ вниманія и никому не приходило въ голову, что подъ ногами живующихъ людей скрывается цѣлый городъ. Это никому не пришло на мысль и въ XVI столѣтіи, когда архитекторъ Фонтана, устраивая подземный каналъ изъ рѣки Сарно въ мѣстечко Торре Анунціата, древній Оплонтъ, провелъ его поперегъ всего города Помпеи, при чемъ не только перерылъ много улицъ и стѣнъ, но находилъ много каменьевъ съ надписями, и наткнулся на бывшій амфитеатръ, представлявшій собою видъ правильной ямы покрытой землянымъ сводомъ.

Открытіе Геркуланума заставило обратить вниманіе на подземные города, а потому, когда въ 1748 году земле-

дѣльцы отрыли нѣсколько статуй и обломковъ зданій, инженерный полковникъ Рокко Алькубіерре получилъ разрѣшеніе Неаполитанскаго короля Карла III, начать изысканія въ мѣстѣ, подъ которомъ скрывалась Помпея и которую сперва приняли за Стабію.

Первыя изысканія шли медленно, небрежно и безъ всякаго плана, но дѣло пошло съ большимъ успѣхомъ, когда Мюраты, господствовавшіе въ Неаполѣ, скупили по предложенію инженера Францеска де Вега, все пространство земли покрывавшее Помпею и сдѣлали его государственною собственностью.

Это впрочемъ продолжалось не долго: Мюраты были изгнаны, а возвратившіеся Бурбоны снова продали въ частные руки купленныя Мюратами земли; работы были заброшены, и производились подъ конецъ только въ присутствіи коронованныхъ и знатныхъ лицъ, посѣщавшихъ Неаполь и Помпею. Къ тому же никто не заботился о сохраненіи тѣхъ вещей, которыя были откапываемы.

Порядокъ этотъ измѣнился лишь въ 1860 году, когда вся Италія образовала одно цѣлое государство, въ составъ котораго вошло также и неаполитанское королевство.

Главное завѣдываніе раскопкою Помпеи поручено было очень свѣдущему по этой части человѣку, г. Фіорелли, который располагая не малыми денежными средствами и имѣя до 700 человѣкъ рабочихъ, отрылъ въ три года гораздо болѣе рѣдкихъ сокровищъ, нежели во всѣ предшествовавшіе тридцать лѣтъ. Отрываемыя вещи, къ тому же тщательно сохраняются въ особо устроен-

номъ для этого музеѣ, при которомъ находится и библіотека, содержащая по преимуществу сочиненія относящіяся до Помпеи. Тутъ же учреждена особая мастерская для возстановленія вещей поломанныхъ или поврежденныхъ. Работы по отрытію Помпеи продолжаются постоянно, безостановочно въ слѣдующемъ порядкѣ: сперва покупается казною участокъ земли; находящіяся на немъ строенія, а также деревья и кустарники продаются частнымъ лицамъ; вырученныя чрезъ это деньги идутъ также на раскопку. Послѣ этого, поверхность участка раздѣляется на небольшія кварталы, которые соотвѣтствуютъ подземнымъ квадратамъ, образуемымъ улицами и переулками, пересѣкающими другъ друга. Прежде сдѣланныя раскопки, хотя и не значительныя, но начатыя въ разныхъ мѣстахъ, даютъ возможность довольно вѣрно опредѣлить направленіе улицъ въ Помпеи, и на основаніи этихъ указаній, сходно съ дѣйствительностью раздѣлять поверхность земли на квадраты. За тѣмъ начинаютъ сверху снимать землю, которую и отвозятъ посредствомъ желѣзной дороги, о которой мы выше сказали. По мѣрѣ того, какъ снимаютъ землю и откапываютъ стѣны домовъ, показываются окна, двери и, наконецъ, доходятъ до мостовой. Послѣ этого, начинаютъ бережно откапывать золу, пепелъ, землю, находящіяся внутри зданій, причемъ собираютъ всѣ вещи, мебель, посуду, статуи, и уносятъ ихъ въ музей, такъ что остаются одни лишь голыя стѣны, мѣстами впрочемъ покрытыя живописью. Конечно, вещей сдѣланныхъ изъ дерева или другихъ легко сгараемыхъ матеріаловъ не находятъ: они

всѣ сгорѣли при погибели города. По этому не встрѣчаютъ также ни дверей, ни оконныхъ рамъ; они обратились въ пепелъ; потолки же и крыши большею частью обрушились, потому что сгорѣли поддерживавшія ихъ деревянныя балки, такъ что теперь въ этихъ зданіяхъ нѣтъ почти возможности укрыться отъ внезапнаго дождя. Все прочее, что не могло быть истреблено огнемъ, сохранилось въ совершенной цѣлости, и къ тому же, въ томъ самомъ видѣ и положеніи, въ какомъ было застигнуто изверженіемъ Везувія, какъ мы это и увидимъ въ нашей небольшой прогулкѣ по этому появляющемуся изъ нѣдръ земли городу, большая часть котораго и до настоящаго времени скрывается подъ землею, покрытою садами и виноградниками; отрыта только западная часть Помпеи и то не вся, а лишь ближайшая къ Неаполитанскому заливу.

Улицы въ Помпеи необычайно узки, сравнительно съ нашими; они не бываютъ шире семи метровъ (около трехъ саженъ) но встрѣчаются и въ два; всѣ онѣ вымощены большими кусками лавы. По сторонамъ ихъ тянутся высокіе, но очень узкіе тротуары, сдѣланные изъ различнаго камня, смотря по богатству домовладѣльцевъ, на обязанности которыхъ лежало содержать тротуары. Мѣстами у тротуаровъ устроены были столбы (наши тумбы) съ дырьями, чтобы привязывать къ нимъ коровъ и ословъ, доставлявшихъ къ самому дому городскихъ жителей молоко и различныя овощи. Чтобы облегчить переходы улицъ, особенно во время дождя, положены были поперегъ улицъ большія каменья, очевидно очень затруднявшіе ѣзду по городу, которая была впрочемъ незначительна; въ городѣ всѣ ходили большею

частію пѣшкомъ, и при домахъ не было даже ни конюшенъ, ни сараевъ... Дождевая вода обыкновенно катилась по улицамъ Помпеи, какъ это и теперь бываетъ въ Неаполѣ, и сбѣгала по немножку въ канавки, устроенныя около тротуаровъ, а оттуда чрезъ особыя отверстія въ подземные каналы.

Всѣ зданія, стоящія по обѣимъ сторонамъ улицъ, были невысоки и не имѣли никакихъ оконъ, выходившихъ на улицы, которымъ придавало особенную оживленность всякаго рода лавки, во множествѣ встрѣчающіяся въ Помпеи. Лавки эти почти открытыя, имѣли очень широкія двери на улицу, покупатели могли смотрѣть товары и покупать ихъ на улицѣ, не входя собственно въ лавку, по стѣнамъ которой размѣщались товары по всѣмъ направленіямъ. Товары эти всѣ сгорѣли; такъ что о томъ гдѣ какая лавка помѣщалась, можно судить по вывѣскамъ, нарисованнымъ или вылѣпленнымъ на боковыхъ стѣнахъ. Такъ напр. коза вылѣпленная изъ глины означала молочную лавку; мельница движимая осломъ—мучную лавку; два человѣка шедшіе одинъ за другимъ съ палкою на плечахъ, на срединѣ которой висѣла чаша—означали торговлю виномъ. Мѣстами встрѣчаются изображенія якоря, корабля, шахматный доски, но что это были за лавки, сказать трудно. О нѣкоторыхъ лавкахъ можно заключить впрочемъ по найденнымъ въ нихъ предметамъ. Такъ, въ одномъ мѣстѣ найдены молотки, клещи, желѣзные круги, оси отъ какого нибудь экипажа, ломъ и т. п.; вещи эти указываютъ ясно, что тутъ имѣлъ свое заведеніе кузнецъ или телѣжникъ; особенно устроенная печь и обломки черепковъ—указываютъ

на жившаго тутъ горшечника. Отыскали и парикмахерскую, въ которой брились, стриглись, завивались и причесывались Помпеянцы, не съ меньшею тщательностью чѣмъ мы. Были также косметическія лавки, гдѣ продавались разныхъ сортовъ мыло, масло, духи; на это указываютъ куски жирныхъ, тѣстообразныхъ веществъ, найденные въ одной лавкѣ. По найденымъ вещамъ можно заключить, что въ Помпеи были москательныя лавки, аптеки, а также доктора и хирурги, въ одной комнатѣ найдены были по всей вѣроятности хирургическіе инструменты того времени: ихъ болѣе трехъ сотъ штукъ, и это уже доказываетъ, что древніе были довольно искусны въ хирургіи и придумали не мало необходимыхъ для этого инструментовъ.

Найденные мѣстами предметы доказываютъ, что Помпеянцы знали многія изъ современныхъ намъ ремеслъ; у нихъ были красильщики (infectores), красившіе шерсть и другія ткани, были другія, которыя перекрашивали ихъ въ случаѣ надобности (offectores); заведенія тѣхъ и другихъ были очень обширны; были еще набойщики, которые какъ извѣстно наводятъ или, какъ выражаются, набиваютъ разные рисунки на ткани; помпейскіе набойщики очень славились.

Большинство лавокъ, которыхъ названіе невозможно съ точностью опредѣлить, были по всей вѣроятности склады съѣстныхъ припасовъ, которые тутъ и продавались. Въ одной лавкѣ нашли восемь глиняныхъ сосудовъ съ деревяннымъ масломъ и оливками, изъ которыхъ это масло добывается. Не смотря на то, что оливки пролежа-

ли тутъ болѣе 1800 лѣтъ они оказались вполнѣ свѣжими какъ бы собранныя за нѣсколько дней.

Въ Помпеи, какъ видно, было много *термополей*, парижскихъ кафе или нашихъ трактировъ, въ которыхъ продавались горячіе напитки, очень крѣпкіе, а также множество булочныхъ, при которыхъ иногда находились и мельницы, очень первобытнаго устройства, конечно. Вообразите себѣ два камня, изъ которыхъ одинъ нижній неподвижный, а лежащій на немъ верхній приводится въ движеніе осломъ или рабами, обыкновенно за наказаніе посылаемыми на эту работу, отъ этого зерна, насыпанные между обѣими каменьями и размельчались. Вѣтряныхъ мельницъ римляне еще не знали, а водяныхъ въ Помпеи не было, по недостатку нужной для этого воды. Сначала римляне пекли хлѣбъ даже у себя на дому, но впослѣдствіи устроены были булочныя при мельницахъ; жители посылали на мельницу зерно для помола и получали вмѣсто муки совсѣмъ готовый уже хлѣбъ. Одна булочная сохранилась особенно хорошо; при ней оказались нетолько кадки, гдѣ мѣсилось тѣсто и хорошо устроенная печь со сводомъ, въ которую сажали хлѣба, но даже и самые хлѣбы. Печь оказалась такъ плотно запертою, что во внутрь ее не проникла нисколько пепла; посаженные въ нее хлѣба, числомъ 81, находились въ печи въ томъ самомъ порядкѣ, какъ были посажены за 1800 лѣтъ, и именно 23 ноября 79 года. Фіорелли такъ обрадовался этой находкѣ, что самъ полѣзъ въ печь за хлѣбами и вытащилъ ихъ оттуда собственноручно:

хлѣбъ оказался сухой, твердый, чернаго цвѣта и не много тяжелъ, худо заквашенъ.

Не мало оживляли улицы, многочисленные фонтаны, устроенные впрочемъ довольно просто, но снабжавшіе жителей вкусною, чистою водою. Водопроводы дѣлались изъ свинца, обожженной глины и каменьевъ и доставляли воду въ самые дома богатыхъ горожанъ, нерѣдко изъ мѣстъ очень отдаленныхъ. Стѣны домовъ покрыты были всякаго рода объявленіями, помѣщаемыми нынѣ въ газетахъ. Объявленія эти писались на всякихъ нарѣчіяхъ, и буквами самыхъ разнообразныхъ формъ; объявленія эти знакомятъ насъ съ жизнью помпеянцевъ и занимавшими ихъ предметами. Мы встрѣчаемъ тутъ объявленія о предстоящихъ выборахъ въ разныя общественныя должности, указанія, чтобы выбрали такихъ-то лицъ и похвальные аттестаты предлагаемымъ лицамъ и т. д., также объявленія о представленіяхъ въ театрахъ и циркѣ о томъ, что такіе то гладіаторы будутъ сражаться тогда-то; есть также объявленія о квартирахъ, которыя отдаются въ наемъ и т. д.

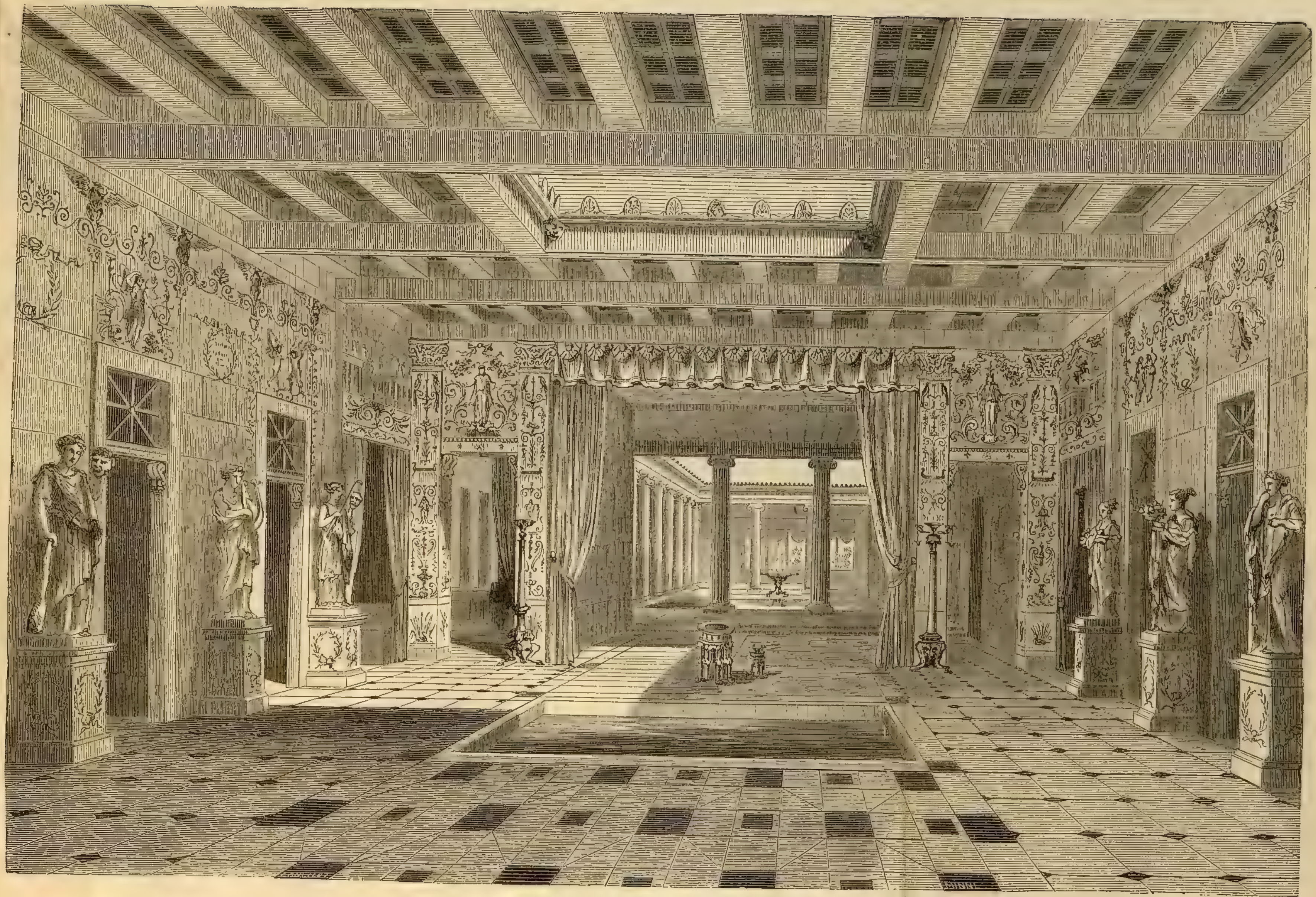
Но описаніе улицъ въ настоящемъ ихъ видѣ не можетъ дать точнаго понятія о томъ, что онѣ были въ дѣйствительности, когда существовалъ самый городъ: всѣ улицы теперь пусты, безлюдны; къ тому же верхніе этажи домовъ всѣ обрушены какъ это можно заключить на основаніи недавно отрытаго дома, который имѣлъ не только что второй этажъ, но также и длинный балконъ и при томъ крытый, походившій поэтому скорѣе на выступающую галлерею, чрезъ

переплеты который можно было смотрѣть на улицу. Нельзя утверждать чтобы въ этихъ обрушившихся этажахъ не было выходившихъ на улицу оконъ, которыхъ не существовало вовсе въ нижнихъ этажахъ, очень отличавшихся по расположенію комнатъ и построекъ отъ нашихъ квартиръ.

Мы опишемъ тутъ такъ называемый домъ Панзы, который считается правильнымъ и самымъ полнымъ въ Помпеѣ, и можетъ служить для насъ образцомъ помпейскихъ домовъ.—Дверь съ улицы ведетъ въ узкій коррилоръ—протирумъ (prothyrum); самыя двери сгорѣли, но по сохранившимся рисункамъ можно заключить, что они были деревянныя, обиты позолоченными гвоздями и съ кольцами вмѣсто ручекъ, онѣ отворялись во внутрь дома и запирались съ внутренней стороны болтомъ (или задвижкою) упиравшимся въ порогъ. Надъ дверьми было окошечко, освѣщавшее коррпдоръ (протирумъ); на порогѣ же была надпись «salve» родъ радушнаго привѣтствія. Переступить порогъ нужно было непремѣнно правою ногою: входить же лѣвою ногою считалось дурнымъ предзнаменованіемъ.

Въ протирумѣ находилось помѣщеніе для швейцара раба, нерѣдко приковываемаго къ мѣсту: это конечно заставляло его постоянно находиться у дверей, но и лишало также возможности преслѣдовать воровъ; впрочемъ, нерѣдко вмѣсто его находилась просто собака и даже изображеніе собаки изъ мозаики; одна такая мозаика находится въ неаполитанскомъ музеѣ.

Черезъ протирумъ вы входите въ атріумъ (atrium)



Домъ Эдиля Пансы въ Помпеи.

большую крытую залу съ потолкомъ, имѣвшимъ по срединѣ большое отверстіе—просвѣтъ. Можно считать также атріумъ за дворъ, окруженный широкою крытою съ верху галлереею. Просвѣтъ этотъ дѣлался разныхъ размѣровъ, но всегда на полу прямо надъ просвѣтомъ находился каменный бассейнъ—impluvium, въ который стекала дождевая вода съ крышъ и уходила чрезъ особое отверстіе въ цитерну—водохранилище. Балки, поддерживавшія крышу сгорѣли вслѣдствіе изверженія Везувія и самая крыша изъ черепицы обрушилась и разбилась, но уцѣлѣвшія стѣнки и колонны даютъ возможность судить о дальнѣйшемъ распредѣленіи комнатъ. которое было слѣдующее: При входѣ чрезъ протирумъ въ атріумъ, по правой и лѣвой сторонамъ находились прежде всего очень маленькія узенькія комнатки—спальни, по три съ каждой стороны, гдѣ стояли деревянныя или бронзовыя кровати, похожія на наши; бывали также сплошныя каменныя, затѣмъ шли пріемныя комнаты, по одной съ каждой стороны; онѣ обыкновенно были богато убраны, уставлены диванами и скамейками: тутъ принимались друзья и знакомые. На сторонѣ противоположной входу находилась большая зала, — tablinum — отдѣлявшая весь атріумъ отъ другаго такого же помѣщенія, о которомъ мы сей-часъ скажемъ. Въ таблинумъ хранились изображенія предковъ, сдѣланныя обыкновенно изъ воска — imagines maiorum) а также всѣ семейныя документы; это была самая важная зала. Налѣво отъ нее находилась библіотека, но сочиненія, содержавшіяся въ ней всѣ почти погибли а направо — корридоръ, въ которомъ съ

боку была небольшая спальня. Корридоръ этотъ велъ во вторую часть жилища, въ перистиль, настоящій дворъ или садъ, окруженный крытою колонадою: портикомъ, имѣвшій по серединѣ фонтанъ съ бассейномъ (piscina). Перистиль составлялъ обыкновенно самую изящную часть квартиры; на лѣвой его сторонѣ находились три небольшія спальни и за тѣмъ кухня, и на правой небольшой корридоръ, оканчивавшійся дверью въ небольшой переулокъ, родъ тайнаго выхода, которымъ хозяева могли воспользоваться въ случаѣ надобности; затѣмъ столовая — triclinium — что означаетъ три ложа, (постели) на которыхъ покоились помпеянцы, упираясь на локоть во время обѣда. Римляне, какъ извѣстно, имѣли обычай лежать за обѣдомъ.

Въ концѣ перистиля, на сторонѣ противоположной входу находилась самая богатая и обширная зала, украшенная колонами, разными мраморами и тому подобное. Она примыкаетъ съ одной стороны къ кухнѣ, а съ другой къ небольшому кабинету, или гостинной, которая примыкаетъ въ свою очередь къ столовой.

Въ нѣкоторыхъ домахъ встрѣчается еще и третье отдѣленіе, бывшее по мнѣнію многихъ ничто иное какъ огородъ; онъ отдѣлялся отъ перистиля особою крытою галлерею—pergula.

Такъ расположенъ былъ нижній этажъ, о верхнихъ же ничего положительнаго сказать нельзя, такъ какъ они сгорѣли и обвалились. Впрочемъ, это должны быть были легкія деревянныя постройки, въ которыхъ помѣщались женщины, рабы и лица, нанимавшія квартиры,—которыхъ было немного. Считалось тогда какъ то неприличнымъ

нанимать квартиру и потому весьма часто нѣсколько бѣдныхъ лицъ составляли складчину и общими средствами покупали или строили себѣ домъ, въ которомъ всѣ и помѣщались.

Мы уже замѣтили, что всѣ отыскиваемыя отдѣльныя вещи помѣщаются въ особый музей; поэтому не удивительно, что всѣ отрытые дома лишены всего, что мы называемъ домашнею утварью. Музей вещей, найденныхъ въ Помпеѣ, который существуетъ въ Неаполѣ, знакомитъ насъ съ обстановкой внутренней жизни помпеянцевъ и показываетъ намъ необычайное разнообразіе найденной кухонной посуды, различныхъ свѣтильниковъ, чашъ и пр. Кромѣ того найдено много вещей, служившихъ украшеніями обитательницамъ Помпеи, любившимъ, какъ извѣстно, носить серьги, кольцы, всякаго рода браслеты и ожерелья, вещи эти не только сдѣланы очень отчетливо, но и отличаются большимъ вкусомъ.

Нельзя при этомъ не замѣтить, что въ Помпеѣ, мужчины и женщины, какъ вообще Римляне, очень занимались своимъ туалетомъ. Такъ Римская дама, проснувшись, призывала, щелкая пальцами своихъ служанокъ, которыя прибѣгали чтобы ее одевать. Одна изъ нихъ— Космета должна была не только приготовить румяна, но и натереть ихъ на лицо своей госпожи, а также подкрасить ей рѣсницы и брови, сведя ихъ черною дугою. Послѣ этого, она чистила ей зубы особымъ порошкомъ и натирала лицо бѣлилами, бывшими въ большомъ употребленій у Римлянъ.

Когда это было все сдѣлано, являлась ornatrix, которая должна была причесать ее. Римлянки красили свои во-

лоса въ свѣтлые цвѣта, а если это было недостаточно, то надѣвали парикъ. Прически были очень громадны и поддерживались длинными булавками, которыми госпожа въ гнѣвѣ своемъ нерѣдко очень больно колола несчастную горничную, въ плечо ни чѣмъ не покрытое. Осмотрѣвшись въ зеркало, которое въ то время дѣлалось не изъ стекла, но металическое, обыкновенно изъ серебра, и было очень хорошо отполировано, госпожа поручала особой служанкѣ обрѣзать и поправить свои ногти. Ножницъ тогда не знали и работа эта дѣлалась посредствомъ ножичка и маленькихъ щипцовъ; мужчины также никогда сами не стригли себѣ ногтей; это поручалось цирульнику, (tonsor) который заправлялъ всѣмъ мужскимъ туалетомъ; онъ брилъ, стригъ, даже мылъ римлянина, натиралъ его душистыми маслами, теръ ему кожу. Затѣмъ начиналось одеванье, причемъ являлось множество совершенно другихъ служанокъ, хотя самая одежда и не была очень сложная, сверхъ широкаго пояса, обхватывавшаго грудь, римскія женщины надѣвали нѣчто въ родѣ рубашки съ длинными рукавами, изъ очень тонкой шерсти, а затѣмъ у себя дома носили только одну тунику, которая у простыхъ и небогатыхъ была довольно коротка и доходила едва до колѣнъ. Важныя и богатыя римлянки обшивали низъ туники широкимъ воланомъ со складками, окаймленнымъ нерѣдко золотою или пурпуровою бахромою, которая значительно удлиняла простую тунику. Поясъ, искусно скрытый, поддерживалъ эту тунику около таліи. Выходя же изъ дому, поверхъ туники надѣвался тогда широкій очень плащъ, обыкновенно ловко закинутый на лѣвое плечо.

Бѣлыя ботинки обували ногу; носить же сандаліи т. е. одну, такъ сказать, подошву съ завязками считалось не совсѣмъ приличнымъ. Прибавьте еще къ этому украшенія: какъ то всякаго рода браслеты, кольца, дорогія булавки, серьги, ожерелья, щедро надѣвавшіяся не только на шею, на руки, на пальцы, но также и на ноги. Множество этаго рода принадлежностей дамскаго наряда богатыхъ помпеянокъ отыскано въ Помпеи и хранится теперь въ музеѣ.

Но кромѣ разрушенныхъ зданій, встрѣчаемыхъ въ Помпеѣ, на каждомъ шагу попадаются весьма часто остовы прежнихъ ея обитателей, свидѣтельствующіе о перенесенныхъ ими въ послѣдніе минуты жизни страданіяхъ. Въ небольшой улицѣ, въ грудѣ всякихъ каменьевъ и мусора, однажды рабочіе замѣтили продолговатую пустоту, па днѣ которой лежали кости. Объ этомъ тотчасъ же сообщили Фіорелли и ему пришла счастливая мысль налить въ эту пустоту, какъ бы въ форму, растворъ гипса и потомъ оставить его на время въ покоѣ для того что-бы онъ окрѣпъ. Послѣ этого очень осторожно сняли всю груду каменьевъ и мусора, окружавшую гипсовый растворъ, который затвердѣлъ и принялъ до малѣйшей подробности всѣ изгибы и складки той пустоты, въ которую былъ налитъ. Полученная такимъ путемъ фигура представляла точный снимокъ съ труповъ четырехъ людей, погибшихъ во время изверженія Везувія. Одинъ трупъ—женскій; около него лежали двѣ серебрянныя вазы, ключъ, нѣкоторыя золотыя украшенія и 91 штука монетъ. Должно полагать, что женщина эта искала спа-

*

сенья въ бѣгствѣ, захвативъ съ собою самыя цѣнныя предметы; можно очень хорошо разобрать прическу ея волосъ и покрой ея платья; на костяхъ одного изъ ея пальцевъ сохранились два кольца, которыя были у нее надѣты.

Кость правой руки сломана, а лѣвой приподнята и, по положенію пальцевъ, можно заключить, что она судорожно ихъ сжимала. Повидимому, упавъ внезапно, женщина эта долго томилась въ предсмертныхъ мученіяхъ. Около нее упала другая женщина и дѣвочка, быть можетъ ея дочь, обѣ простаго происхожденія, какъ это можно заключить по желѣзному кольцу, найденному у ней на пальцѣ. Очень хорошо отпечатались всѣ малѣйшія складки платья бывшаго на дѣвочкѣ, ея рукава, мѣстами разорванные, и вышивка ея небольшихъ башмаковъ; дѣвочка эта, вѣроятно въ страхѣ, закрыла голову платьемъ своимъ, упала и, не будучи уже въ состояніи встать, положила свою хорошенькую головку на руку, причемъ вѣроятно держала то что, въ пальцахъ; быть можетъ покрывало, какъ это можно судить по положенію пальцевъ. Тутъ же лежитъ трупъ мужчины большаго роста и очень сильнаго; онъ лежитъ на спинѣ; руки его и ноги, съ очень развитыми мускулами, вытянуты прямо, неподвижно и на ногахъ у него надѣты сандаліи, гвозди которыхъ очень хорошо отпечатались на гипсѣ.

Группа эта отправлена была въ музей, гдѣ и хранится. При посредствѣ такого способа т. е. заливанія находимыхъ пустотъ гипсовымъ растворомъ, открыто немало

и другихъ группъ прежнихъ обитателей Помпеи, погибшихъ во время изверженія или отъ того, что были они задушены недостаткомъ воздуха, подъ грудою пепла, золы и развалинъ, или отъ голода; во всякомъ случаѣ смерть ихъ была довольно медленная. Конечно нѣтъ сомнѣнія, что множество жителей спаслось бѣгствомъ, потому что бѣдствіе, постигшее Помпею и другія города, было хотя и внезапное, но не мгновенное, т. е. городъ разрушался, засыпался пепломъ и золою не въ такой степени скоро, чтобы жители не могли спастись бѣгствомъ. У городскихъ воротъ происходила страшная толкотня и давка; во время этого бѣдствія городскіе жители бѣжали толпами изъ разрушавшагося города, а въ тоже время сельскіе обыватели, видя гибель своихъ домовъ, стремились въ городъ, надѣясь найти въ немъ спасеніе. Не мало людей поэтому погибло отъ толкотни у городскихъ воротъ.—Горе было тѣмъ, которые укрывались въ подвалахъ, сводахъ, простѣнкахъ и т. д., надѣясь спастись отъ бѣдствія; они были частью засыпаны и задушены пепломъ, постоянно падавшимъ, частью задавлены обрушившимися на нихъ зданіями. Солдатъ, стоявшій на часахъ у воротъ, по дорогѣ въ Геркуланумъ, исполнилъ свой долгъ службы, не сошелъ съ своего мѣста, и найденъ теперь. Прислонившись къ стѣнѣ, онъ держитъ одною рукою копье, а другою—закрылъ себѣ ротъ, вѣроятно чтобы защититься отъ пыли и пепла, носившихся въ воздухѣ. Въ подвалѣ дома Діомеда найдены остатки семнадцати лицъ, вѣроятно составлявшихъ его семейство, которыя искали спасенья въ подвалѣ, но были за-живо засыпаны или задушены, или уморены голодомъ. Самъ же

Діомедъ искалъ какъ видно спасенія въ бѣгствѣ, но безъ успѣха; онъ найденъ въ прилегавшемъ къ дому саду, вмѣстѣ съ однимъ невольникомъ, несшимъ довольно большой мѣшокъ съ деньгами. Отысканы также хорошо сохранившіеся остовы животныхъ, которыя, будучи привязаны, не могли убѣжать; такъ въ булочной найденъ мулъ, въ гостинницѣ Альбина лошади, а въ домѣ Сирика коза, которая съ колокольчикомъ на шеѣ забилась въ большую кухонную печь, въ которой и отыскана.

Безъ сомнѣнія дальнѣйшіе изысканіе и раскопки увеличатъ еще болѣе число жертвъ погибшихъ отъ изверженія Везувія, которыхъ и теперь оказывается не мало. По настоящее время отрыта только одна четверть прежняго города Помпеи, остальныя же—пока покрыты толстымъ слоемъ земли, на которомъ произрастаютъ разныя деревья и кустарники. Но сколько замѣчательнаго и рѣдкаго открыто уже въ улицахъ и этой четверти прежней Помпеи! Не утомляя читателей долгою прогулкою по всѣмъ этимъ улицамъ полуразрушенныхъ зданій, мы познакомимъ ихъ съ наиболѣе замѣчательными общественными зданіями по настоящее время, открытыми въ Помпеи, именно: съ термами, театрами и форумомъ.

Должно замѣтить, что Римляне купались разъ семь въ день; а молодые достаточные люди проводили часть дня а нерѣдко часть ночи въ термахъ (баняхъ), имѣвшихъ поэтому большое значеніе въ древности. Въ Римѣ было около 850 бань общественныхъ при Августѣ; въ термахъ же, построенныхъ Каракалою помѣщалось до 3000 купающихся лицъ. Они были очень богато и роскошно убраны: знаменитые образцы скульптуры: какъ-то гру-

пы Лаокоона, Аполлонъ бельведерскій, быкъ и Геркулесъ фарнезскіе найдены въ термахъ, при которыхъ находились также залы, гдѣ поэты читали свои произведенія, арена для гладіаторовъ и театръ. Входъ въ нихъ былъ общедоступенъ; платилось не болѣе квадранса, т. е. четверти асса, составлявшаго во времена Цицерона около 6 копѣекъ мѣдью, но и эта плата была современемъ отмѣнена. Ударъ колокола съ разсвѣтомъ дня извѣщалъ, что термы открыты.

Въ той части Помпеи, которая отрыта, найдены два зданія термъ: одно, самое значительное, содержитъ въ себѣ множество залъ и можетъ быть названо полнымъ водолечебнымъ заведеніемъ. Замѣчательно также то, что тутъ найдены солнечные часы. Термы эти очень великолѣпны. Небольшой корридоръ, въ которомъ найдено до пятисотъ разныхъ свѣтильниковъ, употреблявшихся для освѣщенія внутреннихъ помѣщеній термъ, ведетъ въ комнату, гдѣ раздѣваются. Одинъ рабъ снималъ тутъ съ римлянъ платье и сандаліи, а другой убиралъ въ особое помѣщеніе находившіяся на нихъ драгоцѣнныя вещи; комната эта богато отдѣлана мозаикой и украшена разною лѣпною работою. Желающіе взять просто холодную ванну т. е. выкупаться, отправлялись въ frigidarium или natatio — очень хорошо сохранившуюся круглую залу, посрединѣ которой находился большой бѣлаго мрамора бассейнъ, служившій мѣстомъ купанья; не вдалекѣ стояли скамейки для отдохновенія купающихся.

Для того чтобы взять теплую или горячую ванну отправлялись въ другое помѣщеніе, tepidarium, зайдя

сперва въ elacothesium, комнату, въ которой натирались римляне масломъ. Послѣ этого они шли обыкновенно въ особую залу играть въ мячикъ и потомъ уже въ тепидаріумъ. Это самая роскошная зала въ термахъ и притомъ очень хорошо сохранившаяся. Полъ посланъ мозаикой, а стѣны украшены барельефами и лѣпною работою, которою покрытъ также и потолокъ, въ формѣ свода, имѣющій посреди небольшой просвѣтъ, откуда только проникалъ дневной свѣтъ въ эту залу. Температура въ этомъ залѣ теплая (tepida), отчего и самое ее названіе; нагрѣтый воздухъ, проникавшій посредствомъ особыхъ трубъ, согрѣвалъ до извѣстной температуры эту залу, въ которой, такъ сказать, посѣтители приготовлялись къ жару, прежде чѣмъ идти въ слѣдующую за тѣмъ залу—caldarium, въ которую вела дверь плотно запиравшаяся само собою, своею тяжестью. Это собственно и была горячая баня, длинная, очень просто отдѣланная зала изъ стѣнъ и потолка, которой пробивался горячій паръ. Въ одномъ концѣ этого зала стояла большая мраморная съ горячею водою ванна, (alveus или baptisterium), въ которой могли помѣститься десять человѣкъ; а на другомъ находился бассейнъ съ теплою водою (labrum), которою такъ сказать окачивались помпеянцы послѣ того какъ они взяли уже горячую ванну; причемъ болѣе смѣлые изъ нихъ отправлялись прямо въ фригидаріумъ и кидались въ холодную воду. Обыкновенно же изъ горячей бани помпеянцы возвращались въ тепидаріумъ, гдѣ рабы начинали имъ скоблить тѣло особеннымъ скребкомъ, стригли ногти, натирали масломъ, разными благовонными мазями, и т. д. Мази эти были

вообще очень дороги и для каждой части тѣла употреблялась особенная мазь, которая, какъ полагали, лучше сохраняетъ свѣжесть и здоровое состояніе тѣла. На вопросъ Императора Августа: какъ онъ такъ хорошо сохранился до глубокой старости, — старикъ Полліонъ отвѣтилъ: intus mulso, foris oleo т. е. употребляя вино во внутрь и масло снаружи.

Кромѣ названныхъ нами залъ, въ термахъ находились и другія болѣе скромныя помѣщенія, назначенныя для рабовъ и для женщинъ. Впереди зданія, у главнаго входа въ термы, былъ большой дворъ, окруженный колонадою, къ которой примыкали различныя комнаты. Множество объявленій покрывали стѣны этихъ комнатъ и сообщали помпеянцамъ главныя новости дня, почерпаемыя изъ римскаго дневника (diurnes), который напоминаетъ наши газеты.

Въ небольшомъ дворѣ, прилегающемъ къ термамъ, видны также остатки приборовъ, служившихъ для нагрѣванія термъ. Тутъ находится большой круглый очагъ, изъ котораго, посредствомъ трубъ, горячій воздухъ проходилъ въ залы; пламя же этаго очага нагрѣвало два большихъ, вдѣланныхъ въ кирпичи, котла. Изъ особеннаго резервуара протекала вода сперва въ первый котелъ, и слегка нагрѣвшись, уходила чрезъ трубы въ *лабрумс*, а также во второй котелъ и, значительно нагрѣвшись тутъ, проходила въ горячую ванну.

Познакомившись съ термами, на сколько возможно, пойдемъ далѣе.

Заплативъ за входъ два франка—около 50 к., вы проходите чрезъ турникетъ, устроенный для повѣрки числа

посѣтителей, и минуя кучи отрытой земли и всякаго мусора, вступаете въ самую ближайшую отъ станціи улицу, въ сопровожденіи вожака въ военной одеждѣ, которому поручается ваше охраненіе: платить ему что либо— строго запрещено, какъ это видно изъ разставленныхъ надписей. Улица эта идетъ въ гору и приводитъ васъ къ такъ называемому форуму, на которомъ древніе проводили не малую часть дня. Это большая площадь, на которой возвышались различныя общественныя зданія, представляющіяся глазамъ нашимъ въ болѣе или менѣе разрушенномъ видѣ. Различнаго рода аркады, а также колонны всякихъ размѣровъ, болѣе или менѣе хорошо сохранившіяся, покрываютъ площадь повидимому въ безпорядкѣ, но, при внимательномъ разсмотрѣніи ихъ и при помощи дошедшихъ до насъ описаній римскихъ городовъ, можно представить себѣ какія именно тутъ находились зданія. На заднемъ планѣ почти четырехугольной площади форума стоялъ на небольшомъ основаніи храмъ, вѣроятно, Юпитера, но утверждать этого нельзя, потому что въ храмѣ не найдено изображенія того бога, которому храмъ былъ посвященъ. Храмы древнихъ были первоначально очень не велики и состояли только изъ маленькаго крытаго помѣщенія cella, въ которое становилась статуя бога и необходимый для жертвоприношеній алтарь, народъ же стоялъ внѣ храма, на площади вокругъ его, и молился. Только впослѣдствіи уже, къ этому помѣщенію стали придѣлывать сперва портикъ, передній и задній, а потомъ колонады съ боковъ, чрезъ что храмъ значительно украшался и становился все болѣе и болѣе великолѣпнымъ.

Храмъ этотъ стоялъ на возвышенномъ основаніи, на которомъ видны слѣды двѣнадцати колоннъ, составлявшихъ передній портикъ; тутъ же, по бокамъ основанія, стоятъ подножія, вѣроятно, колоссальныхъ статуй. Рядъ колоннъ отдѣлялъ этотъ портикъ отъ храма, вмѣщавшаго статую божества. Подъ этимъ собственно храмомъ находятся три подземныя комнаты, устроенныя очень просто и служившія вѣроятно мѣстомъ храненія государственной казны, разныхъ бумагъ и тому подобнаго.

По обѣимъ сторонамъ храма тянутся аркады, значительно обвалившіяся; одна изъ нихъ болѣе возвышенная служила тріумфальными воротами. На правой, восточной сторонѣ форума возвышались дворцы Евмахіи, храмъ Меркурія, помѣщеніе Сената, Пантеонъ, примыкавшій къ храму Юпитера; на лѣвой же западной сторонѣ—находился храмъ Венеры, базилика и длинный портикъ, въ которомъ помѣщались, какъ можно полагать, нѣкоторые запасы хлѣба.

Отъ всѣхъ этихъ зданій уцѣлѣли длинные ряды колонъ, галлереи, открытыя съ верху, и нѣсколько небольшихъ отдѣльныхъ помѣщеній. Изъ надписи во дворцѣ Евмахіи видно, что Евмахія была жрица и въ память какъ о себѣ, такъ и о своемъ сынѣ, выстроила портики и Хальцидикъ въ честь Конкордіи (согласія) и Набожности. Хальцидикомъ, какъ полагаютъ ученые, назывался особый видъ строенія, изобрѣтенный въ Хальцисѣ, городѣ въ Евбеѣ. Все это зданіе служило по видимому главнымъ мѣстомъ торговли и промышленности. Тутъ помѣщалась биржа, на которой совершались разныя сдѣлки торговы-

ми людьми; для прекращенія всякихъ между ними ссоръ, тамъ же возвышалась и статуя Конкордіи (богини согласія). Во дворѣ большія куски каменьевъ служили прилавками, на которыхъ раскладывались матеріи отдаваемыя въ краску—набойщикамъ; тутъ же находились цитерны и чаны, въ которыхъ полоскались матеріи, отдаваемыя въ работу набойщикамъ, соорудившимъ статую въ честь Евмахіи.

Особая потаенная дверь вела изъ этого зданія въ сосѣдній храмъ Меркурія, въ которомъ сохранились очень хорошо барельефы, изображающіе жертвоприношеніе. Кромѣ того, на стѣнахъ видна живопись довольно посредственная. Изъ этого храма можно придти къ зданію, въ которомъ собирались декуріоны—главные старшины города Помпеи; оно называлась Сена кулумъ, изъ тщеславія, такъ какъ сената и сенаторовъ въ Помпеи не было; они находились только въ самомъ Римѣ. Рядомъ съ нимъ находился Пантеонъ, вокругъ котораго стояли небольшія лавки,—это были помѣщенія для мѣнялъ, какъ это заключено по множеству найденныхъ тутъ монетъ. Очень трудно сказать опредѣлительно, что́ за зданіе былъ Пантеонъ. Животныя, находящіяся на стѣнахъ и перегородкахъ, даютъ нѣкоторое основаніе заключать, что это было нѣчто въ родѣ большой гостинницы, великолѣпнаго пристанища, въ которомъ пріѣзжіе могли найдти пріютъ подъ защитою боговъ. Живопись тутъ та же, что и на рядныхъ столовыхъ: какъ-то всякаго рода домашнія птицы и дичь, плоды, овощи, яйцы, разнаго вида хлѣбъ и пироги, чаши съ виномъ, куски говядины и т. д. Все это перевито

гирляндами цвѣтовъ, разбросанными по всѣмъ направленіямъ. Въ лавкахъ, прилегавшихъ къ этому зданію, кромѣ предметовъ роскоши, какъ-то дорогихъ лампъ, вазъ, статуэтокъ, дорогихъ украшеній, найдено также около 500 небольшихъ бутылокъ и много стеклянныхъ банокъ, въ которыхъ хранился виноградъ, каштаны, фиги, чечевица, разныя пирожныя и т. д.

На противоположной, лѣвой сторонѣ форумы возвышался храмъ Венеры, имѣвшій 48 колонъ, изъ числа которыхъ многія очень хорошо сохранились въ совершенной цѣлости. Тутъ же найдена была и статуя Венеры, образецъ скульптуры. Храмъ этотъ самый великолѣпный въ Помпеѣ; и не мудрено: Венера считалась главною покровительницею этого города. Съ одной стороны этого храма тянется длинный портикъ, къ которому примыкаютъ нѣсколько очень маленькихъ комнатъ. Это были городскія темницы; это заключили по найденнымъ въ комнаткахъ скелетамъ. Во время бѣдствія постигшаго городъ, несчастныхъ заключенныхъ позабыли и они были принуждены погибнуть въ мѣстахъ ихъ заключенія. Съ другой стороны—возвышалась Базилика. Слово это, по своему происхожденію, греческое и означаетъ царское зданіе; тутъ помѣщались судьи и отправляли правосудіе. Первоначально зданіе это было ничто иное какъ крытые дворы, защищенные отъ непогоды, но со временемъ ряды колонъ раздѣлили ихъ на три и даже пять частей и мѣсто въ концѣ зданія, предназначенное для судей, все болѣе и болѣе отдѣлялось отъ остальнаго пространства. Когда ученіе христіанское значительно распространилось и прежніе языческіе храмы оказались не довольно помѣ-

стительными для христіанъ, то они стали обращать также и базилики въ христіанскіе храмы, причемъ на томъ мѣстѣ, гдѣ засѣдали римскіе судьи, стали ставить алтарь Всемогущему Богу и запрестольный образъ. Размѣры же и архитектура базиликъ были приняты и при постройкѣ многихъ новыхъ христіанскихъ соборовъ.

По настоящее время открыты въ Помпеѣ два театра: одинъ большой, а другой — гораздо меньше; величина— это единственное между ними различіе, такъ какъ устройство ихъ почти совершенно одинаково.—Театръ устраивался въ небольшой лощинѣ или довольно обширной ямѣ, къ сторонамъ которой примыкали стѣны театра, такъ, что съ улицы входили прямо въ самую верхнюю галлерею, откуда можно было обнять взоромъ не только многочисленную толпу жителей, сидѣвшихъ въ ямѣ на различныхъ скамейкахъ, но также и отдаленныя окрестности города и даже море. Театры въ первыя времена не имѣли крышъ; жители сидѣли подъ открытымъ небомъ. Только впослѣдствіи надъ театромъ стали натягивать покрывало, которое защищало зрителей какъ отъ палящихъ лучей солнца, такъ и отъ внезапнаго дождя.

Впрочемъ Римляне считали это нововведеніе долгое время большою изнѣженностью, которая распространяясь все болѣе и болѣе, не помѣшала наконецъ самимъ римлянамъ принять отъ Цезаря шелковое покрывало для театра; Неронъ приказалъ сдѣлать пурпуровое покрывало и вышить его золотомъ. Каллигула забавлялся тѣмъ, что приказывая, во время пьесы вдругъ снять это покрывало,

онъ подвергалъ внимательныхъ зрителей дѣйствію солнечныхъ лучей.

Въ театрѣ Помпейскомъ сохранилось еще въ верхней галлереѣ кольцо, къ которому прикрѣплялось покрывало. Ряды каменныхъ скамеекъ, расположенные полукругомъ, подымались уступами одинъ надъ другимъ, до самаго верха, начиная съ низу, съ партера; такихъ рядовъ было около семнадцати; особо устроенными лѣстницами, они раздѣлялись на шесть отдѣловъ; особенныя черты на каменныхъ скамейкахъ отдѣляли одно мѣсто отъ другихъ. Рядовъ собственно было три класса, причемъ четыре первые, самые нижніе ряды были самые почетные; они предназначались для сановниковъ и должностныхъ лицъ и отдѣлялись небольшою мраморною стѣнкою отъ средняго класса рядовъ, въ которыхъ помѣщались всѣ прочіе жители. Самые верхніе ряды отдѣлялись отъ среднихъ особою рѣшеткою и предназначались для женщинъ и плебеевъ. Для входа въ театръ выдавались за очень небольшую цѣну особые билеты костяные или бронзовые и даже глинянные, различной формы, съ подробнымъ означеніемъ разряда, отдѣла, ряда и даже самаго мѣста. Впрочемъ очень часто зрѣлища были безплатныя; они давались народу разными лицами, желавшими пріобрѣсти въ свою пользу расположеніе и благосклонность народа. Входный билетъ отдавался при входѣ особому человѣку, который указывалъ самое мѣсто и, въ случаѣ надобности, доводилъ до онаго; это наши капельдинеры. Зрители приносили съ собою подушки, чтобы сидѣть на нихъ или свертывали съ этою цѣлью свои тоги; знатные

же сановники приносили съ собою свои стулья и скамейки.

Оркестра въ римскомъ театрѣ не было; на его мѣстѣ были помѣщенія для сенаторовъ, весталокъ и царствующихъ особъ. Сцена же была устроена на небольшомъ возвышеніи; она не была такъ глубока какъ наша, и раздѣлялась на авансцену (proscenium) и заднюю сцену, наши кулисы (postscenium); кромѣ того подъ сценою было помѣщеніе для машиниста, называвшееся hyposcenium. Занавѣса, введенная римлянами, не подымалась къ верху, какъ у насъ, чтобы открыть сцену, но стягивалась къ низу и натягивалась къ верху чтобы закрыть сцену. Два большихъ боковыхъ окна освѣщали сцену.

Римляне, какъ извѣстно, придерживались въ своихъ театральныхъ произведеніяхъ единства мѣста т. е. предполагали, что дѣйствіе происходитъ все въ одномъ томъже мѣстѣ, а не въ разныхъ, какъ это мы видимъ на нашихъ театрахъ. Это избавляло римлянъ отъ необходимости мѣнять декораціи, которыхъ они и не рисовали, а просто строили изъ камня; эта неподвижная декорація (scena stabilis) въ большомъ театрѣ въ Помпеи выстроенная въ концѣ сцены изъ камня и мрамора, изображаетъ великолѣпную стѣну съ тремя дверями, предназначенными для входа и выхода дѣйствующихъ въ пьесѣ лицъ; съ боковъ сцены устроены были незначительныя декораціи.

Уцѣлѣвшія мозаики на стѣнахъ театра даютъ намъ довольно наглядное понятіе о театральной обстановкѣ у римлянъ. Мы видимъ тутъ хорега—по нашему режисера, занятаго, повтореніемъ пьесы, окруженнаго актерами, ма-

скамп и принадлежностями; два актера наряжены сатирами, а позади ихъ третій актеръ силится надѣть на себя какой-то желтый нарядъ; лица актеровъ всѣ гримированы; не вдалекѣ на стѣнѣ изображены всякаго рода шутовскія маски, употреблявшіяся паяцами того времени. Мы замѣтимъ при этомъ, что въ театрахъ играли не только серьезныя трагедіи и комедіи Плавта, Софокла, Эсхила и другихъ знаменитыхъ писателей, но также множество фарсовъ, смѣшныхъ и забавныхъ пьесъ, до которыхъ большіе охотники и современные обитатели Италіи. На сцену не рѣдко выходили мимики, не произносившіе словъ, но объяснявшіеся знаками—пантомимою, а также всякаго рода акробаты, фокусники, чревовѣщатели и тому подобные паяцы, нерѣдко приводившіе въ восторгъ многочисленныхъ жителей.

Рядомъ съ маленькимъ театромъ, называвшимся Одеономъ находилось помѣщеніе для гладіаторовъ, которые однако давали представленія не здѣсь, а въ особо устроенномъ зданіи—амфитеатрѣ, помѣщавшемся на другомъ концѣ города. Чтобы посмотрѣть его надо выйдти на верхъ, и садами и виноградниками пройти до той части Помпеи, которая еще не отрыта, до самой городской стѣны, въ которую упирается амфитеатръ. Онъ устроенъ почти также какъ и театръ, съ тою только разницею что особый сцены нѣтъ, и скамейки расположены не полукругомъ, а кругомъ довольно обширнаго пустаго пространства, называемаго арена, которая занимаетъ средину амфитеатра, два большіе входа, расположенные другъ противъ друга на противоположныхъ сторонахъ, приводятъ на арену; чрезъ эти входы выходили и выѣзжали на арену гладіа-

торы. Возлѣ одного изъ этихъ входовъ находятся небольшія помѣщенія съ желѣзными рѣшетками, назначенныя вѣроятно для дикихъ животныхъ; невдалекѣ находилась маленькая комната, куда уносили убитыхъ гладіаторовъ. Арена окружена была небольшою каменною стѣною, сохранившею слѣды дырьевъ, въ которыя укрѣплялись рѣшетки и желѣзныя сѣтки, для предохраненія зрителей отъ скачковъ дикихъ разсвирѣпѣвшихъ животныхъ. На этой стѣнѣ виднѣются различныя надписи въ честь лицъ устроившихъ амфитеатръ, который могъ вмѣщать около двадцати тысячъ зрителей. На зрѣлища въ амфитеатрѣ стекались жители окрестныхъ городовъ и именно во время подобнаго зрѣлища и послѣдовало изверженіе Везувія, засыпавшее Помпею. Какого же рода были эти зрѣлища? Благодаря хорошо сохранившейся живописи въ самомъ амфитеатрѣ, а также барельефамъ на гробницѣ Скавра мы имѣемъ довольно подробныя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ. Такъ мы видимъ пантеру, привязанную на длинной веревкѣ къ шеѣ быка, который на свободѣ, и пущенную на молодаго человѣка, вооруженнаго двумя небольшими копьями; другой человѣкъ съ длиннымъ копьемъ побуждаетъ быка кинуться на противника. Въ другой картинѣ медвѣдь вступаетъ въ бой съ человѣкомъ, который нарочно его дразнитъ; одна группа изображаетъ цѣлую охоту: тутъ одинъ побѣдитель прокололъ такъ сильно быка въ грудь копьемъ, что оно выходитъ изъ спины животнаго; другой посадилъ медвѣдя на рогатину; собаки травятъ кабана и нѣсколько людей преслѣдуютъ льва и пантеру; а среди всѣхъ этихъ чудовищъ бѣгаютъ жалостно два кролика, для боль-

шей забавы зрителей. Это конечно были ничтожныя охоты въ сравненіи съ устроенною императоромъ Титомъ, окончившимъ Колизей въ Римѣ: онъ приказалъ въ одинъ день убить 5.000 звѣрей, въ присутствіи восьмидесяти тысячь зрителей.

Тутъ же дрались гладіаторы. Первоначально это были плѣненные на войнѣ, иностранцы, но впослѣдствіи, за недостаткомъ плѣнныхъ, въ гладіаторы назначались осужденные преступники и невольники, а также нанимались желающіе.

Въ играхъ гладіаторскихъ принимали участіе подъ конецъ не рѣдко сами римскіе граждане, всадники и даже императоры. Игры эти достигали громадныхъ размѣровъ: такъ при императорѣ Троянѣ дано было морское сраженіе, причемъ напущена была вода въ арену и десять тысячь гладіаторовъ сражались между собою на корабляхъ: это продолжалось 123 дня, и можно себѣ представить, сколько народу убито было во время такихъ игръ. Въ Помпеи такихъ обширныхъ игръ не было; на уцѣлѣвшихъ картинахъ мы видимъ какъ два всадника, вооруженные копьями съ небольшимъ круглымъ щитомъ сражаются другъ съ другомъ; въ другомъ же мѣстѣ изображена борьба секутора съ ретіаріусомъ. Первый, вооруженный мечомъ, имѣетъ на головѣ шлемъ, украшенный изображеніемъ рыбы; онъ долженъ уклоняться отъ преслѣдующаго его ретіаріуса, который не имѣетъ никакого вооруженія кромѣ небольшаго копья въ формѣ трезубца, въ лѣвой рукѣ; въ правой же—сѣть, которую онъ старается накинуть на голову убѣгающаго секутора и постоян-

но приговариваетъ: зачѣмъ ты отъ меня бѣжишь, я преслѣдую не тебя, а рыбку (на шлемѣ).

Борьба гладіаторовъ впрочемъ всегда оканчивалась смертью одного изъ нихъ: побѣжденный, упавъ на землю, и придерживая рану одною рукою, другую простиралъ къ зрителямъ, поднявъ къ верху большой палецъ; это былъ условный знакъ, что побѣжденный проситъ помилованія. Подобная просьба была обыкновенно безуспѣшна; зрители поворачивали въ противоположную сторону свои руки и побѣжденный умиралъ отъ удара побѣдителя. Особый служитель, одѣтый Меркуріемъ, раскаленымъ желѣзомъ прикасался въ павшимъ, чтобы удостовѣриться дѣйствительно ли они умерли и, замѣтивъ въ нихъ какіе нибудь признаки жизни, убивалъ окончательно. Затѣмъ, невольники, посредствомъ крюка, тащили ихъ по аренѣ обагренной кровью, чрезъ узкую дверь въ споліаторіумъ, въ комнату, гдѣ снимали оружіе и одежду съ убитыхъ гладіаторовъ. Послѣ этого ихъ хоронили.

Читателямъ быть можетъ извѣстно что римляне не зарывали умершихъ въ землю на кладбищѣ, но сожигали ихъ тамъ и ставили памятники. Такіе памятники открыты теперь въ Помпеѣ на томъ мѣстѣ, которое служило кладбищемъ для жителей этого города. Оно находится въ предмѣстьи Помпеѣ и посѣщается также любознательными путешественниками. Если идти отъ Форума по направленію къ сѣверу, то чрезъ нѣсколько времени можно достигнуть городской стѣны, окружавшей весь городъ, и увидѣть зданіе, служившее въ свое время заставою на которой собирали таможенную пошлину, т. е.

извѣстное количество денегъ, съ привозимыхъ въ городъ товаровъ. Въ довольно большомъ, но пустомъ помѣщеніи нашли вѣсы и множество гирь каменныхъ и мѣдныхъ, съ различными надписями; на однихъ вѣсахъ было отмѣчено, что они повѣрены въ Капитоліи, т. е. въ Римѣ при такомъ то Консулѣ. Около этой таможни находилось множество сараевъ, конюшенъ, гостинницъ и кофеенъ для пріѣзжающихъ. Городская ограда была сложена изъ большихъ каменныхъ глыбъ, такъ искусно притесанныхъ одна къ другой, что онѣ держались безъ всякаго цемента. Стѣна эта состояла собственно изъ двухъ стѣнъ: внутренней и внѣшней, которая была не много ниже первой; пространство между этими двумя стѣнами наполнялось землею. На верху ограды возвышались мѣстами башни въ три яруса съ бойницами, а передъ внѣшнею стѣною былъ вырытъ ровъ. Впрочемъ, во время землетрясенія, ограда это не имѣла значенія, такъ какъ она была разрушена ранѣе и служила для жителей мѣстомъ прогулки. Восемь городскихъ воротъ вели въ городъ чрезъ ограду. Они выстроены были на одинъ манеръ, изъ большихъ кусковъ хорошо обтесанныхъ каменьевъ и представляли собою сплошную каменную стѣну, съ тремя входами, изъ которыхъ средній былъ самый большой и запирался не такъ какъ наши ворота, а посредствомъ щита изъ толстыхъ досокъ, опускавшагося на желѣзныхъ цѣпяхъ съ верху внизъ, по срединѣ воротъ, по особымъ жолобамъ, вытесаннымъ въ каменьяхъ. Щитъ этотъ назывался cataracta. Обыкновенная военная хитрость осажденныхъ состояла въ томъ, что они впускали непріятеля въ ворота и затѣмъ, быстро опустивъ эту

катаракту, безжалостно истребляли слишкомъ довѣрчиваго непріятеля. По сторонамъ этого главнаго входа было два маленькихъ, вѣроятно для пѣшеходовъ.

У самыхъ воротъ начиналась отлично устроенная дорога, остатки которой и въ настоящее время изумляютъ путешественниковъ.

Римляне славились устройствомъ своихъ дорогъ, которыя они проводили по всѣмъ направленіямъ обширной ихъ Имперіи, отъ береговъ Тибра до Ефрата, прорѣзывая горы, засыпая ущелья, строя мосты черезъ рѣки, дѣлая гати чрезъ болота. Эта римская дорога, via romana, строилась почти какъ наше шоссе. По всему протяженію предположенной дороги снимали верхній, рыхлый слой земли и замѣняли его тщательно и плотно уколоченнымъ слоемъ, который назывался pavimentum, а на него укладывали плотно слой каменьевъ называемой, statumen. На этотъ послѣдній насыпали рядъ мелкаго камня, т. е. щебня, вмѣстѣ съ известью, по верху котораго разсыпался верхній толстый слой состоявшій изъ песку, земли, мѣлу, извести, кирпичу, хорошо перемѣшанныхъ и плотно утрамбованныхъ; этотъ верхній слой называется nucleus.

Такого рода дорога шла изъ Помпеи въ Геркуланумъ, лежавшій не вдалекѣ, не много къ сѣверу, и была обсажена по обѣимъ сторонамъ густыми деревьями, среди которыхъ возвышались очень красивые загородные дома, дачи, а также бесѣдки, кіоски, бельведеры, и всякаго рода памятники. Тутъ-то именно, по обѣимъ сторонамъ дороги въ Геркуланумъ, находилось кладбище, служившее мѣстомъ загороднаго гулянья. Римляне, какъ извѣстно,

по усмотрѣнію своему, могли умершихъ или зарывать въ землю или сожигать; но то и другое должно было совершаться за городомъ. Сожиганіе тѣлъ происходило, по мнѣнію однихъ ученыхъ, съ тою цѣлью, чтобы ускорить освобожденіе души отъ тѣла и соединеніе ее съ общимъ міромъ, а по мнѣнію другихъ—въ видахъ мѣръ гигіеническихъ, чтобы отстранить распространеніе газовъ отдѣляющихся при разложеніи тѣлъ. Какъ бы то ни было, какъ скоро римлянинъ умиралъ, обыкновенно его передавали въ руки разныхъ лицъ, какъ то pollimtores, vespillones, sondapilarii, ustores, cadaverum custodes, которые должны были приготовить тѣло къ сожженію, омыть его, напитать благовоннымъ масломъ, одѣть, и снести въ особое зданіе, гдѣ происходило сожженіе тѣла. Зданіе это,—ustrinum—находилось не вдалекѣ отъ воротъ въ Геркуланумъ, въ улицѣ гробницъ. Оно теперь отрыто, но кромѣ четырехъ стѣнъ съ нѣсколькими надписями въ немъ ничего не найдено. Тѣло умершаго ставили на костеръ, сложенный изъ легко воспламеняющагося лѣса, на который клали разныя благовонныя травы и всѣ предметы, какъ то: одежду, драгоцѣнныя вещи и т. п., подлежавшія сожженію вмѣстѣ съ умершимъ. Послѣ этого костеръ зажигали, начиналось жертвоприношеніе и, нерѣдко, бои гладіаторовъ, и всѣ присутствовавшіе, особенно женщины, громко плакали и рвали волосы. Послѣ того какъ тѣло сгоритъ и отъ него останутся только обожженныя кости и пепелъ, мать, жена и ближайшіе родственники умершаго, въ траурной черной одеждѣ, принимались собирать эти остатки, залявъ огонь виномъ и молокомъ, и клали ихъ въ особые сосуды,—урны,—сдѣ-

ланныя изъ глины, стекла, камня или металла, поливали ихъ немного масломъ или виномъ и положивъ туда одну мелкую монету, ставили урну въ особое помѣщеніе, устроенное внутри гробницы. Многія изъ этихъ гробницъ очень хорошо сохранились до нашего времени: форма ихъ очень различна. Такъ напр. встрѣчаются въ видѣ небольшой колонады, портика, жертвенника, большаго пьедестала, на которомъ, по всей вѣроятности, стояло изображеніе умершаго. Многія гробницы украшены богатыми барельефами: такъ напр. на гробницѣ Скавра (Scaurus) изображены гладіаторскія игры, при чемъ надъ каждой фигурой сдѣлана надпись, означающая имя гладіатора и число одержанныхъ имъ побѣдъ. На богатой и лучшей гробницѣ Кальвенція (Calventius) изображены почетные знаки присвоенные за должность, которую онъ занималъ, и другіе барельефы.

Среди этихъ то гробницъ возвышались дачи богатыхъ и знатныхъ римлянъ, какъ напр. дача или вилла Цицерона, знаменитаго оратора, Арріа Діомеда,—очень богатаго обитателя Помпеи, погибшаго во время изверженія Везувія и другихъ лицъ. Впрочемъ, всѣ замѣчательныя вещи и достопримѣчательности этихъ дачь вывезены и хранятся въ особомъ музеѣ, такъ что въ дачахъ этихъ въ настоящее время остались однѣ лишь обнаженныя стѣны, которыя въ свое время были безъ сомнѣнія очень роскошно убраны, какъ это можно судить по другимъ домамъ, недавно открытымъ, при чемъ все убранство ихъ сохранено въ томъ самомъ видѣ, какъ оно найдено. Такъ напримѣръ, въ домѣ, принадлежавшемъ Сирику, было много живописи на стѣнахъ. Стѣны были штукатурены и

послѣ уже раскрашены такимъ образомъ, что образовалось три или пять отдѣловъ на стѣнѣ. Снизу красили черною краскою, потомъ шелъ широкій бортъ другаго цвѣта и затѣмъ остальная стѣна красилась болѣе свѣтлымъ цвѣтомъ. Въ богатыхъ домахъ эти отдѣлы окаймлялись широкими рисунками, а самые отдѣлы сперва покрывались арабесками, изображеніями цвѣтовъ и плодовъ, пейзажами и наконецъ цѣлыми картинами, преимущественно историческаго или религіознаго содержанія. Такъ, у Сирика въ домѣ нарисовано на стѣнахъ воспитаніе Вакха, сказаніе объ Аріаднѣ, двѣнадцать подвиговъ Геркулеса, борьба его съ Немейскимъ львомъ, исторія Тезея и Андромеды, приключенія съ Юпитеромъ, Аполлономъ, Діаною, Марсомъ и Венерою. Содержанія картинъ заимствовались нерѣдко изъ сочиненій Виргилія и даже Гомера. Такъ, въ одномъ домѣ изображено прощаніе Агамемнона съ Кризидою и Ахилесса съ Бризеидою. Впрочемъ не мало есть произведеній чистой фантазіи помпейскихъ художниковъ, такъ напр. цѣлые ряды пляшущихъ красавицъ, въ самыхъ разнообразныхъ позахъ, и множество небольшихъ духовъ въ видѣ маленькихъ мальчиковъ, которые представлены за самыми разнообразными занятіями. Такъ одни пляшутъ, другіе удятъ рыбу, третьи плетутъ вѣнки и гирлянды, четвертые ѣдутъ на колесницахъ, охотятся за птицами, пилятъ доски, дѣлаютъ столы, корзины, и т. д. Въ домѣ одного Квестора изображена копія съ знаменитой картины Тиманта, жертвоприношеніе Ифигеніи: она стоитъ у алтаря, на которомъ ее намѣренъ заколоть ея отецъ; лицо же отца художникъ отвернулъ отъ зрителей, не находя возможности дать

цѣли его соовѣтствующее выраженіе. Всѣ эти рисунки очень живы, естественны, вѣрны природѣ и чужды всякихъ натяжекъ.

Не менѣе стѣнъ изумительны и полы въ домахъ Помпеи. Сперва ихъ дѣлали очень просто: на землю насыпали толстый слой раствора густой извести и посыпали его мелкимъ толченымъ кирпичемъ: растворъ скоро высыхалъ, твердѣлъ и походилъ на красный гранитъ. Впослѣдствіи въ этотъ растворъ, для красоты, стали вставлять разные куски мрамора, стекла, крѣпкіе цвѣтные каменья, располагали ихъ въ извѣстномъ порядкѣ, сперва, въ видѣ различныхъ фигуръ, а потомъ и рисунковъ, и постепенно увеличивая число этихъ вкладываемыхъ каменьевъ дошли до того, что красный растворъ совсѣмъ изчезъ изъ виду и глазамъ посѣтителя представлялись только ряды цвѣточныхъ каменьевъ, расположенныхъ въ извѣстномъ рисункѣ; короче, полы покрылись такъ называемою мозаикою, отличавшеюся своего рода искусствомъ. Домъ, гдѣ найденъ пляшущій Фавнъ, всего болѣе украшенъ такою мозаикою; онъ своего рода музей мозаики, которая находится на всѣхъ полахъ: такъ на одномъ изображены мозаикою утки, рыбы, раковины, голуби и наконецъ кошка, поѣдающая птичку; точность и живость этой мозаики—образецъ искуства; на другомъ изображены разные остатки отъ пиршества. Тутъ же находится и самая драгоцѣнная мозаика того времени: именно битва при Арабеллахъ или при Иссѣ. Вотъ ея содержаніе: На первомъ планѣ изображенъ цѣлый отрядъ всадниковъ уже побѣдителей; впереди ихъ летитъ на конѣ Александръ Македонскій. Онъ потерялъ свой

шлемъ въ битвѣ, волосы его разлетаются по вѣтру, и ударомъ копья онъ убиваетъ персидскаго военачальника. Персы опрокинутые бѣгутъ; окружающіе же Дарія, царя персидскаго, стараются его спасти, но Дарій простираетъ руки къ убитому военачальнику, и повидимому, желаетъ также самъ погибнуть. Мозаика эта производитъ сильное впечатлѣніе не только отчетливымъ выполненіемъ рисунка, но и необычайною своею живостію и неподдѣльностію чувствъ. И такое чудное произведеніе попиралось ногами римлянъ! Это заставило одного англичанина сказать, что древніе ставили свои ноги туда, куда мы едва кладемъ руки. Это замѣчаніе очень справедливо если мы припомнимъ, что изъ половъ помпейскихъ домовъ сдѣланы лучшіе мозаиковые столы неаполитанскаго дворца.

Въ этомъ домѣ найденъ былъ знаменитый пляшущій фавнъ, сдѣланный изъ бронзы; эта статуэтка одна могла служить уже доказательствомъ какъ процвѣтала скульптура въ то время въ Помпеи; это же подтверждается и множествомъ другихъ мелкихъ, но изящныхъ вещей, найденныхъ въ разныхъ мѣстахъ Помпеи, и наполняющихъ собою музеи.

МЕЧТЫ И ПРОИСКИ ВЪ САМБОРѢ.

(Продолженіе)

II.

Черезъ нѣсколько дней въ Самборѣ получено было формальное извѣстіе, что королю угодно видѣть царевича. Сборы были непродолжительны, и царевичъ, съ своимъ секретаремъ Яномъ Бучинскимъ и съ панами Вишневецкимъ, Мнишкомъ и Ферлеемъ, отправился въ Краковъ.

Старый Бучинскій, проводивъ сына, былъ совершенно счастливъ и въ тоже время горько плакалъ. То ему казалось, что Янъ отправился въ дорогу, которая прямо ведетъ къ положенію перваго министра въ московскомъ государствѣ; то казалось, напротивъ, что москали въ первой же схваткѣ его убьютъ. У старика былъ одинъ только сынъ, этотъ Янъ, красивый, статный молодой человѣкъ, а за тѣмъ въ цѣломъ свѣтѣ не было никакой родни. Старикъ души не чаялъ въ своемъ миломъ, дорогомъ Янѣ, выняньчилъ его съ малыхъ лѣтъ, далъ ему отличное по тогдашнему времени воспитаніе, мечталъ о томъ, чтобы еще при жизни своей передать ему свое мѣсто маршалка двора и мирно закрыть глаза на ру-

кахъ выгодно пристроеннаго сына. Появленіе московскаго царевича позволило старику мечтать для Яна о лучшей участи, но въ тоже время, при самомъ страстномъ желаніи ему всевозможныхъ успѣховъ, родительское чувство отталкивало мысль о продолжительной разлукѣ.—«Поѣду я съ нимъ воевать!»—вырывалось иногда невольное восклицаніе старика. Но тутъ же онъ боялся, что будетъ мѣшать сыну, а въ глубинѣ души шевелилось сомнѣніе касательно успѣшности претензій царевича, и необходимости приберечь для сына теплый уголокъ, куда онъ могъ-бы вернуться, въ случаѣ неудачи въ походѣ.—«Нѣтъ—возражалъ самому себѣ старикъ:—пусть онъ ѣдетъ въ Московію, а я тутъ останусь и сохраню связь между сыномъ и дорогою родиной, и первый министръ московскаго царя пріѣдетъ когда нибудь навѣстить своего старика въ Самборѣ...» И панъ Бучинскій рѣшался продолжать тянуть свою лямку.

За время праздниковъ въ Самборѣ накопилось много неоконченныхъ и нерѣшенныхъ дѣлъ, а за отъѣздомъ хозяина наступившее свободное время дало возможность все привести въ порядокъ. Прежде всего явились жиды поставщики съ своими счетами. Надо было торговаться съ ними, для того, чтобы охранить интересы воеводы, да и самому получить извѣстную выгоду. Жидъ, поставлявшій къ воеводскому столу жаворонковъ, требовалъ деньги за двѣ тысячи паръ, а согласился на триста паръ, при чемъ съ обѣихъ сторонъ умалчивалось, что это были не жаворонки, а овсянки, заготовленныя зимой. Поставщикъ восковыхъ свѣчей взвѣшивалъ огарки и принималъ ихъ въ счетъ уплаты. И откладывая въ кошелекъ

выторгованные барыши, старый Бучинскій всякій разъ говорилъ про себя: — «Вотъ это Яну пригодится въ походѣ».

За тѣмъ надо было посѣтить тюрьму, забытую въ теченіе трехъ недѣль и разобрать десятка два уголовныхъ дѣлъ, съ помощію состоявшаго при самборской экономіи королевскаго подсудка. Тутъ выгоды не ожидалось никакой, но предстояло проявить величайшее безпристрастіе и высшую справедливость. Когда всѣ денежныя дѣла были покончены, дней черезъ пять послѣ отъѣзда воеводы, въ комнатѣ суда при тюрьмѣ открылось засѣданіе. Панъ Бучинскій, по праву, занялъ мѣсто, назначенное для воеводы; на право отъ него помѣстился толстый подсудокъ, на лѣво секретарь суда. Ввели оборваннаго подсудимаго, и началось чтеніе обвинительнаго акта. Дѣло было въ томъ, что крестьянинъ Антонъ Савельевъ, сильно изсѣченный экономомъ одной изъ деревень, принадлежащихъ къ Самбору, не выдержалъ истязанія и ударилъ эконома, пана Родзѣіовскаго, толстой палкой, которая лежала тутъ-же на столѣ съ припечатаннымъ къ ней ярлыкомъ. Секретарь читалъ гнусливымъ голосомъ подробности о показаніяхъ свидѣтелей, а старый панъ Бучинскій унесся мыслью въ Краковъ, гдѣ теперь его сынъ играетъ такую важную роль, принимаетъ магнатовъ, которые пріѣзжаютъ чтобы познакомиться съ московскимъ царевичемъ, разговариваетъ за-панибрата съ самимъ епископомъ краковскимъ, кардиналомъ Бернардомъ Мацеіовскимъ, а можетъ быть съ самимъ канцлеромъ и гетманомъ Замойскимъ. Вслѣдъ за тѣмъ дорогой Янъ уже въ Москвѣ, въ Кремлѣ, и милос-

тиво разговариваетъ съ московскими боярами, допускаетъ къ своей рукѣ Мстиславскихъ, Шуйскихъ, Годуновыхъ... «За таковое преступленіе,—загнусилъ громче прежняго секретарь,—хлопъ Антонъ Савельевъ имѣетъ быть подвергнутъ смертной казни чрезъ повѣшеніе, но предварительно, на основаніи статьи такой то, его правая рука имѣетъ быть отсѣчена». — «За что же?— вскричалъ панъ Бучинскій:—За то, что не вытерпѣлъ истязанія? Нѣтъ, это незаконно! Русскій и полякъ имѣютъ одинаковыя права, и обѣ націи должны находиться въ постоянной и вѣчной дружбѣ. Пусть панъ Родзѣіовскій помирится съ Антономъ, и дѣло кончено».—Подсудокъ попробовалъ представить, что это незаконно, что прямая статья требуетъ смертной казни, такъ какъ это былъ бунтъ хлопа противъ эконома, который представляетъ маршалка, который заступаетъ воеводу, который изображаетъ собою самого короля. Но старый Бучинскій былъ непреклоненъ и требовалъ помилованія и примиренія. Подсудокъ уступилъ, секретарь перемѣнилъ резолюцію, и бѣдный Антонъ былъ спасенъ. Маршалокъ кивнулъ ему головой и сказалъ:—«Помни, мой человѣче, что поляки и русскіе суть родные, кровные братья». Панъ Бучинскій говорилъ съ хлопами тою смѣсью русскаго языка съ польскимъ, которая сильно походила на малорусское нарѣчіе.

Ввели втораго подсудимаго. Это былъ крестьянинъ Ермолай Семеновъ, изъ деревни Грабицы. Онъ былъ нѣсколько лѣтъ въ татарскомъ плѣну, какимъ-то образомъ ушолъ, пробрался домой, и такъ какъ его деревня была выжжена татарами до тла, то онъ пріютился въ

другой деревнѣ, у своей замужней дочери, и почти годъ скрывался и работалъ, не являясь къ своему эконому. Такимъ образомъ онъ утаилъ свой трудъ, принадлежащій королю, стало быть укралъ у короля всю цѣну годовой работы хлопа. Секретарь читалъ показанія дочери обвиняемаго и другихъ свидѣтелей, а старикъ Бучинскій раздумался между тѣмъ о сынѣ. Предстоялъ ему походъ; со стороны московскаго царя Бориса, конечно, будутъ приняты мѣры, онъ разумѣется выставитъ войско, и пылкій царевичъ съ пылкимъ своимъ секретаремъ бросятся впередъ, а московскія копья и рогатины стоятъ плотною щетиной, и вотъ красавецъ Янъ, поникнувъ головой, блѣдный, воткнутый на эту щетину, обливается своею кровью, трепещетъ въ смертной судорогѣ... «За таковое преступленіе,—загнусилъ погромче секретарь—хлопъ Ермолай Семеновъ, на основаніи такой-то статьи, имѣетъ быть подвергнутъ бичеванію на сельскомъ базарѣ и получить стопятьдесятъ ударовъ плетью, а такъ какъ его деревня Грабица не существуетъ, то приговоръ имѣетъ быть исполненъ въ королевскомъ мѣстечкѣ Самборѣ».—Какъ?—вскричалъ панъ Бучинскій:—разбойникъ обокралъ короля! Разбойникъ утаилъ и доходъ, слѣдующій на содержаніе кварцянаго войска, стало быть подвергнулъ отчизну опасности... И за это онъ избѣгаетъ виселицы? Да гдѣ же тутъ правосудіе? Москаль проклятый, кровопійца!...» Подсудокъ зналъ очень хорошо, что четвертая часть всѣхъ доходовъ съ королевскихъ имѣній, по закону, употреблялась на содержаніе сторожевыхъ отрядовъ, расположенныхъ на татарско-турецкой границѣ и называвшихся кварцянымъ вой-

скомъ; по этому онъ согласился, что уклоненіе Ермолая отъ работы подвергало Польшу опасности, и приговоръ былъ сообразно съ этимъ измѣненъ и вслѣдъ затѣмъ подписанъ.

Такъ судилъ панъ Бучинскій, непрестанно помышляя о своемъ миломъ сынѣ, колеблясь между мечтами о его возвышеніи и опасеніями за его жизнь въ опасномъ предстоявшемъ походѣ.

По вечерамъ онъ являлся за приказаніями къ пани воеводинѣ, за тѣмъ заходилъ иногда къ королевскому духовнику, а въ свободное время смотрѣлъ, какъ конюхи объѣзжали лучшаго и самаго быстраго коня, какого только можно было выбрать во всей Украинѣ, для милаго Яна. Дни проходили за днями; тысячу разъ старый Бучинскій переходилъ отъ надеждъ къ опасеніямъ и вотъ, наконецъ, въ половинѣ Апрѣля (1604 г.) является изъ Кракова гонецъ отъ воеводы. Старикъ совершенно ожилъ. Прежде всего онъ спросилъ у гонца, есть ли письмо отъ сына, и запрятавъ дорогое посланіе въ свой кунтушъ, отправился къ пани Мнишковой и почтительно подалъ ей письмо отъ воеводы. Потомъ онъ заперся въ своей комнатѣ, и дрожащими отъ нетерпѣнія руками, распечаталъ свой конвертъ.

«Дорогой мой ойче,—писалъ Янъ:—дѣла наши идутъ, по видимому, очень хорошо и такъ гладко, будто кто приготовилъ имъ дорогу».

Тутъ старикъ перевернулъ письмо и заглянулъ на подпись. Въ концѣ написано было: «Весь твой Янекъ».—Ну конечно,—подумалъ панъ Бучинскій:—не подпи-

саться же ему въ письмѣ ко мнѣ гофмаршаломъ московскаго царевича... А все могъ бы, хоть для шутки...

«...имъ дорогу. И я увѣренъ, что здѣсь приложили руку и ксендзъ Помасскій, и патеръ Савицкій, и кардиналъ-епископъ Мацѣіовскій, и папскій нунцій монсиньоръ Рангони. Нунцій пріѣхалъ къ намъ на другой же день послѣ нашего пріѣзда, познакомился съ царевичемъ и съ сожалѣніемъ объявилъ, что королю и польской націи неприлично будетъ помогать ему, если онъ не приметъ покровительства папы и не соединится съ святою римско-католическою церковью. Вышло, что царевичъ былъ къ этому приготовленъ нашимъ другомъ, королевскимъ духовникомъ, и нисколько не колебался въ изъявленіи своего согласія. А ты знаешь, какъ московскій народъ боготворитъ своихъ царей: за царемъ весь народъ обратится тотчасъ къ нашему латинскому закону. На слѣдующій день, въ воскресенье, Димитрій былъ у нунція, и я съ нимъ, въ качествѣ переводчика. Тамъ мы встрѣтили самый цвѣтъ нашихъ магнатовъ, и я имѣлъ случай познакомиться съ кардиналомъ Мацѣіовскимъ. Публично при всѣхъ царевичъ обѣщалъ ему ввести въ своемъ царствѣ единеніе съ римскою церковью. Послѣ того былъ великолѣпный обѣдъ (но вина были не такъ хороши, какъ у тебя въ Самборѣ) и всѣ магнаты засыпали насъ увѣреніями въ преданности и готовности помогать. Въ понедѣльникъ явилась къ намъ цѣлая толпа московскихъ людей и два казацкіе атамана, Корела и Нѣжакожъ. Московскіе люди, подъ предводительствомъ Ивана Порошина, выходца и сдѣшняго купца, хотѣли взглянуть на царевича. Иванъ Порошинъ видѣлъ его въ Угличѣ. Нѣс-

*

колько мгновеній онъ всматривался въ лицо Димитрія и потомъ повалился ему въ ноги, а за нимъ и всѣ остальные москали. Только казачьи атаманы съ рѣки Дона не кланялись, и объявили, что присланы отъ восьми тысячъ товарищей, стоящихъ во всеоружіи на польской границѣ, чтобы служить царевичу, если онъ настоящій. Царевичъ не обидѣлся, обласкалъ ихъ, обѣщалъ милости.—«Настоящій, или нѣтъ,—сказалъ онъ ласково атаманамъ,—это увидимъ: а вотъ дѣло въ чемъ: есть-ли вамъ тутъ чѣмъ жить на чужой сторонѣ? Возьмите-ка по десятку червонцевъ на всякій случай». Любопытная въ немъ черта, что онъ понятія не имѣетъ о деньгахъ и не бережетъ ихъ нисколько, а бросаетъ, какъ будто московская казна уже въ его распоряженіи. Еще любопытнѣе черта, что казаки не взяли денегъ, а одинъ изъ нихъ, дикарь Корела сказалъ:—«На добромъ словѣ спасибо, а покамѣстъ не надо»,—и вытащилъ изъ кармана горсть золота, никакъ не меньше ста червонцевъ. Кажется, что эти разбойники очень богаты.

«Въ четвергъ являлись королю. Самъ нунцій заѣжалъ за нами и возилъ во дворецъ. Царевичъ поцѣловалъ королевскую руку и очень ловкую держалъ рѣчь. Онъ объяснилъ, какъ былъ спасенъ отъ злодѣйскаго умысла Годунова, какъ теперь ищетъ отцовскаго наслѣдія, какъ много у него доброжелателей между московскими боярами и народомъ и какъ ему нужно лишь немного войска для вступленія въ московскіе предѣлы. Король отвѣчалъ: «Боже тебя сохрани въ добромъ здоровьѣ, московскій князь Димитрій!» За тѣмъ назначилъ на содержаніе царевича сорокъ тысячъ золотыхъ въ годъ и позволилъ ему поль-

зоваться совѣтами и помощью польскихъ подданныхъ. Король ничего не могъ больше сдѣлать безъ разрѣшенія сейма. Нунцій привезъ насъ и домой, и дома, въ залѣ воеводы, въ присутствіи тридцати магнатовъ, вручилъ царевичу письмо отъ самого папы: святѣйшій отецъ посылаетъ благословеніе, ободряетъ въ неуклонномъ преслѣдованіи цѣли возвращенія отцовскаго достоянія, и обѣщаетъ содѣйствіе молитвъ латинской церкви, когда царевичъ къ ней присоединится. Подумай, отецъ, какъ все идетъ ладно, какъ все заранѣе обдумано и приготовлено. Не прошло мѣсяца, какъ мы съ тобой услышали о царевичѣ и увидѣли его, а имѣется уже въ рукахъ привѣтствіе отъ святѣйшаго отца. Не ясно ли, что нунцій съ здѣшнимъ кардиналомъ епископомъ, съ Савицкимъ, съ нашимъ кзензомъ Помасскимъ и съ прочими духовнымя лицами все устроили, подстроили и теперь выполняютъ свой планъ, мы служимъ шашками, которыя они переставляютъ. Вѣдь самый быстрый гонецъ не могъ бы воротиться съ папскимъ отвѣтомъ на письмо нунція ранѣе шести недѣль, т. е. въ концѣ мая. Если ты еще безпокоишься о моей будущности, то спроси прямо королевскаго духовника, что дальше будетъ по ихъ плану... Нѣтъ, какъ хочешь, есть что то ужасно унизительное, возмутительное въ этомъ положеніи пѣшки, переставляемой по невѣдомому плану. Чтоже они оставляютъ нашему уму, нашей находчивости, нашимъ знаніямъ, нашему присутствію духа? Чувствую, что плохой я буду исполнитель, если меня будутъ употреблять въ видѣ пѣшки; душа моя возмущается противъ этой роли... Скажи это ксендзу Помасскому.

«Какъ бы тамъ ни было, король держитъ сторону Димитрія. Доходы съ самборскаго имѣнія на нынѣшній годъ остаются въ распоряженіи воеводы, для сбора отряда царевичу. Кажется, что за наше содѣйствіе царевичь обязывается уступить намъ Смоленскъ, Сѣверскую землю, ввести іезуитовъ, дозволить строить латинскіе храмы и помочь королю возвратить шведскую корону. Когда эти условія будутъ подписаны, намъ останется только выступить въ походъ. По этому я думаю, что недѣли черезъ двѣ, а можетъ быть и раньше, мы оставимъ Краковъ и вернемся въ Самборъ, гдѣ тебя обниметъ—весь твой Янекъ.»

— Хорошо, хорошо, мой мальчикъ — говорилъ старый Бучинскій, перечитывая письмо въ третій разъ—ты только не горячись, а попробуй-ка исполнять съ точностью наставленія руководителей нашей совѣсти, такъ увидишь, какъ съ этимъ спокойно, легко и выгодно живется. Не даромъ же они берутъ нашу свободу: они платятъ за нее наличными выгодами...

Отъ воеводы былъ приказъ: выплатить надворной кавалеріи жалованье за послѣднюю четверть прошлаго года и приготовить рядъ праздниковъ, конечно, «не жалѣя никакихъ издержекъ», прибавлялъ воевода. — И опять принялся за свои хлопоты неутомимый Бучинскій. Опять возня съ разными поставщиками, совѣщанія съ главнымъ поваромъ, съ главнымъ конюхомъ, съ старшимъ музыкантомъ, съ жидомъ, который умѣлъ дѣлать отличный фейерверкъ, но смертельно боялся зажигать его, съ главнымъ ловчимъ, который долженъ былъ приготовить охоту на оленя и на кабона, съ жидомъ, который брался

заново посеребрить крылья, украшавшія латы надворнаго кавалерійскаго отряда, и еще со множествомъ всякаго народа, готоваго забавлять панство по первому знаку. Въ этихъ хлопотахъ незамѣтно прошли три недѣли, и великолѣпный поѣздъ съ хозяиномъ, съ царевичемъ и съ толпою гостей въѣхалъ на дворъ самборскаго дворца. Это было уже въ началѣ мая (1604).

Праздники слѣдовали за праздниками: утромъ охота, въ которой блестящими и неустрашимыми амазонками участвовали и дамы; вечеромъ великолѣпный балъ. Хозяиномъ казался уже царевичъ, признанный въ этомъ званіи самимъ королемъ и многими сенаторами польской республики. Все группировалось вокругъ царевича, и вся блестящая молодежъ, толпившаяся въ Самборѣ, составляла какъ будто дворъ. Старикъ Бучинскій по цѣлымъ днямъ не находилъ ни минуты, чтобы сказать нѣсколько словъ съ сыномъ, который теперь занятъ былъ весьма важнымъ дѣломъ: онъ заносилъ въ реестръ всѣхъ тѣхъ, кто вызывался сопровождать царевича въ Москву. Охотниковъ было довольно много, но средства Мнишка были ограничены, и если онъ успѣшнѣе прежняго дѣлалъ займы, то часть ихъ, по необходимости, уходила на покрытіе старыхъ долговъ. Приходилось назначать воинамъ очень незначительное жалованье и дополнять его обѣщаніями роскошныхъ наградъ, по достиженіи царевичемъ родительскаго престола. Съ каждымъ воиномъ, предлагавшимъ свои услуги, Яну Бучинскому приходилось торговаться и условливаться отдѣльно, каждому надо было пояснять перспективу торжественнаго вступленія въ Москву и роскошной жизни при царскомъ дворѣ.

Царевичу самому и неприлично, да и некогда было заниматься этимъ: онъ весь поглощенъ былъ празднествами, а свободное отъ пировъ время проводилъ въ бесѣдѣ съ ксендзомъ Помасскимъ и съ Савицкимъ, пріѣхавшимъ изъ Кракова въ Самборъ.

Двадцать втораго мая, передъ обѣдомъ, Янъ Бучинскій успѣлъ шепнуть своему отцу, что во время бала, когда гости будутъ веселиться, ему надо бы переговорить съ ксендзомъ Помасскимъ и съ самимъ старикомъ. Бесѣда устроилась въ кабинетѣ маршалка. Дѣло началось съ того, что отецъ разцѣловалъ сына, поздравляя его съ успѣхами при царевичѣ, а ксендзъ добродушно присоединилъ и свои поздравленія.

— Вамъ извѣстно, конечно, ойче мой любимый, и панъ ксендзъ благодѣтель, — сказалъ Янъ,—что царевичь женится на паннѣ Маринѣ.

— О?—вскричалъ кзендзъ въ великомъ удивленіи.

— Панъ ксендзъ благодѣтель смѣется надъ своими пѣшками,—возразилъ Янъ и съ укоромъ посмотрѣлъ на ксендза:—кому же было и знать объ этомъ прежде всѣхъ, какъ не вамъ?

— Не понимаю вашихъ словъ и еще менѣе понимаю вашъ тонъ, — отвѣчалъ съ удивительною кротостью ксендзъ. — Правда, что я совѣтовалъ царевичу рѣшиться на этотъ шагъ. Я представилъ ему, что когда онъ женится на дочери воеводы, тогда никто не подумаетъ, чтобы воевода, такой гордый и умный, могъ не знать за кого отдаетъ дочь и не вполнѣ увѣренъ въ его царственномъ происхожденіи. Этотъ бракъ, конечно, заставитъ

замолчать всѣхъ недоброжелателей царевича. Но могъ ли я знать, что дѣло уже рѣшено?

— Рѣшено, что бракъ будетъ совершенъ тогда, когда царевичъ станетъ царемъ, — сказалъ Янъ. — А между тѣмъ мнѣ поручено составить запись такого содержанія: Мнишку сто тысячъ на уплату долговъ, а невѣстѣ въ полное владѣніе Новгородъ и Псковъ. Я самъ не робкаго десятка, но, признаюсь, такіе крупные подарки меня немного смущаютъ, да къ тому же я и не знакомъ съ формою этихъ записей.

— Не смущайтесь только ничѣмъ,—сказалъ ксендзъ Помасскій, добродушно улыбаясь;—что же касается до формы, то и ею нечего смущаться, такъ какъ запись безпримѣрная. Вотъ я на досугѣ набросалъ, примѣрно, какъ это все можетъ быть выражено.

При этомъ ксендзъ вытащилъ изъ кармана лоскутъ бумаги и началъ читать:—«По Божію изволенію и по молитвамъ предостойной матери нашей Маріи Ѳедоровны, мы, царевичъ Московскій Димитрій, сынъ царя Ивана Васильевича, обязуемся и клянемся, по достиженіи прародительскаго московскаго престола нашего, сочетаться законнымъ бракомъ съ Мариною, дочерью ясносіятельнаго воеводы Сендомирскаго, старосты Львовскаго. Въ вѣно будущей женѣ нашей, паннѣ Маринѣ Мнишекъ, мы уступаемъ Новгородъ и Псковъ, со всѣми уѣздами и волостями этихъ государствъ, и призываемъ на себя проклятіе небесное, если сами будемъ этими государствами владѣть. Въ этихъ земляхъ она, будущая царица московская, вольна будетъ давать своимъ служилымъ людямъ помѣстья и вотчины, ставить римско-като-

лическіе монастыри, костелы и школы и содержать произвольное количество римско-католическаго духовенства. Сіе да послужитъ началомъ приведенія всего государства моего въ единую вѣру римско-католической церкви. Будущему тестю нашему воеводѣ....»

— Впрочемъ, что же я вамъ читаю? Возьмите мое маранье, и если понравится, то перепишите, или исправьте и передѣлайте какъ вамъ будетъ угодно. Я, признаюсь вамъ, не въ свои дѣла не люблю вмѣшиваться, и только для памяти записалъ на счетъ римско-католической вѣры, чтобы вы какъ нибудь не забыли. А я, между тѣмъ, пойду посмотрю на танцы. Признаюсь, на старости лѣтъ люблю я смотрѣть, какъ веселится молодежь, и столько-же цѣню нашу мазурку, сколько русскаго «казака» или «горлицу». До свиданія, уважаемый маршалокъ.

— Ну, не правду ли я тебѣ тысячу разъ говорилъ, что выгодно и легко живется тому, кто съ точностью слѣдуетъ наставленіямъ руководителей нашей совѣсти,— сказалъ панъ Бучинскій,—вотъ твоя запись и готова, остается только переписать ее и идти танцовать.

— Да, — отвѣчалъ задумчиво Янъ; — пошолъ онъ любоваться какъ танцуютъ, какъ же! Онъ будетъ теперь подстраивать то, что мы черезъ недѣлю будемъ исполнять, какъ пѣшки.

Въ это время въ открытыя окна кабинета маршалка, вмѣстѣ съ благоуханіями цвѣтущаго сада, влетѣли звуки удаленной бальной музыки. Янъ нетерпѣливо вскочилъ съ мѣста. — Нѣтъ это невыносимо! — вскричалъ онъ: — Поскорѣе, поскорѣе бы только вырваться изъ этого ому-

та интригъ, обдуманныхъ экспромптовъ и ожиданныхъ нечаянностей! Поскорѣе за дѣло, въ работу, въ шумъ битвы, гдѣ по крайней мѣрѣ патеры не съумѣютъ направлять непріятельскихъ отрядовъ и пуль. Въ тискахъ какихъ-то себя чувствуешь здѣсь, и начинаешь ненавидѣть людей, которые просто сочиняютъ мою судьбу и участь смѣлаго и великодушнаго моего друга...

— Такъ ты полюбилъ своего царевича, мой Янекъ милый?—спросилъ его отецъ, обдумывая выговоръ сыну за его кичливость.

— Его нельзя не полюбить, ойче, когда узнаешь покороче. Онъ такъ добръ, онъ такъ довѣрчивъ, такъ великодушенъ! Онъ такъ безпечно вѣритъ своей счастливой звѣздѣ, такъ увлеченъ мыслью о добрѣ, какое онъ можетъ сдѣлать своей землѣ, о просвѣщеніи московскаго государства, что нельзя не отдаться ему всею душой...

— Полно, не ты ли увлеченъ царевичемъ, мой мальчикъ?—сказалъ панъ Бучинскій, проводя рукою по шелковымъ кудрямъ сына.

— Хорошо, положимъ, что я увлеченъ. Но посмотри ты на этого дикаря, на казачьяго атамана Корелу. Въ первые дни онъ недовѣрчиво смотрѣлъ на царевича, потомъ убѣдился въ его царственномъ происхожденіи, отправилъ къ казакамъ своего товарища Нѣжакожа, а самъ остался съ нами. И нѣтъ на свѣтѣ такого преданнаго пса, какъ преданъ Корела своему царевичу. По своей волѣ онъ сдѣлался неотступнымъ и безсмѣннымъ тѣлохранителемъ Димитрія, ночью спитъ на полу возлѣ его двери, днемъ не спускаетъ съ него глазъ. Помнишь, какъ онъ схватился за ножъ, когда ты не хотѣлъ впус-

тить его въ столовую? И теперь царевичъ танцуетъ, а Корела съ своею рыжею бородой и исполосованнымъ лицомъ, усомъ не моргнетъ и угрюмо переходитъ позади танцующихъ съ одного конца зала на другой. И дикарь этотъ тоже увлекается? Да?...

— Ну, хорошо, хорошо, мой мальчикъ. Однако мнѣ пора пойти въ залъ присмотрѣть кое-за-чѣмъ и въ самомъ дѣлѣ полюбоваться «горлицей».

Въ этотъ вечеръ маршалокъ, провожая Димитрія въ его покои, съ особенною почтительною нѣжностью поцѣловалъ его руку.

На слѣдующій день утромъ царевичъ вручилъ Мнишку запись, набросанную на досугѣ кзендзомъ Помаскимъ, а тотчасъ послѣ обѣда князь Корецкій, тоже думавшій жениться на Маринѣ, вызвалъ Димитрія на поединокъ. Корела слышалъ ссору, и когда Корецкій назвалъ Димитрія бродягой и обманщикомъ, атаманъ схватилъ его за руку и успѣлъ до половины вытащить свою саблю. Царевичъ бросился впередъ и остановилъ своего вѣрнаго слугу. Но успокоить его не могъ иначе, какъ отведя въ свою комнату.—Что ты надѣлалъ, несчастный? — говорилъ Димитрій:—вѣдь ты и себя-бы погубилъ, и меня бы на вѣкъ опозорилъ!...

— А онъ не лайся, безмозглый, — угрюмо отвѣчалъ казакъ.

— Лается, такъ и отвѣтитъ по рыцарски,—возразилъ царевичъ.—Завтра утромъ я буду съ нимъ биться.

Казакъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Димитрія и сердито качая головой, проворчалъ:—Никогда этого не будетъ.

— Что?—спросилъ царевичъ.

— Никогда, говорю, этого не будетъ,—отвѣчалъ совершенно спокойно Корела. — Ты нашъ батько, и если надо биться, то будемъ биться мы. Да и не надо вовсе биться. Его надо просто заколоть, какъ поросенка, чтобы нашего батьку не порочилъ, а зачѣмъ биться? Биться не надо.

— А батьку надо слушать, какъ ты думаешь?—спросилъ Димитрій.

— Надо, надо слушать, если дѣло приказываетъ,—отвѣчалъ казакъ.

— Ну такъ слушай. Завтра я буду биться съ княземъ Корецкимъ, а тебѣ приказываю накрѣпко въ это дѣло не мѣшаться. Понялъ?

— Никогда этого не будетъ,—спокойно возражалъ Корела.

— Какъ не будетъ?.. Батьку-то не слушать?...

— Не будетъ, потому что не можно. Я послалъ сказать казакамъ, что берегу царевича нашего пуще глаза. Что-же скажетъ товарищество, если я дамъ царевичу пропасть? Вѣдь сабля глупа...

— Ну, такъ намъ придется съ тобой распрощаться, если не хочешь добромъ слушаться батьки. Я велю тебя вывезти отсюда въ Житомиръ или въ Кіевъ, куда нибудь подальше...

Долго еще царевичъ уговаривалъ неугомоннаго атамана, долго доказывалъ, что рыцарская честь требуетъ боя. что отказаться отъ поединка считается величайшимъ безчестіемъ, и т. д. На утро царевичъ одѣлся, готовясь къ поединку, и на прощанье протянулъ руку атаману. Тотъ

взялъ ее обѣими руками, и опять сказалъ:—«Никогда этого не будетъ!»—Опять пришлось его уговаривать. Димитрій начиналъ сердиться, кричать, такъ что Корела тоже закричалъ:—Такъ свяжи меня, вели заковать меня, а то не утерплю, пойду, убью безмозглаго! Ну, Янъ! Слушай! Бери веревку, вяжи, да крѣпче вяжи, вотъ такъ... Локти-то свяжи, а то ей-Богу-же уйду! Да ноги свяжи, крѣче. И что я товариществу скажу? Этакая бѣда! Безмозглаго заколоть надо, а царевичъ, самъ царевичъ съ нимъ биться идетъ!...

Въ это время молодой Бучинскій плотно связывалъ ему руки и ноги, и когда часа черезъ два царевичъ вернулся съ оцарапанной щекой, онъ нашолъ атамана лежащимъ на полу связаннымъ и въ прежнемъ положеніи.

— Ну, батька, живъ?—спросилъ онъ плаксивымъ голосомъ входящаго царевича.

— Немного только оцарапанъ,—отвѣчалъ Димитрій, указывая на окровавленную щеку.

— А безмозглаго закололъ?—спросилъ опять казакъ.

— Понесли чуть живаго,—отвѣчалъ онъ и сталъ на колѣна, чтобы разрѣзать веревки, которыми скрученъ былъ атаманъ.

— Ну, это хорошо,—говорилъ Корела, сидя на полу и распутывая ноги освобожденными руками,—жаль только, что не до смерти...

Въ это время Янъ Бучинскій, угрюмо поглядывая въ окна, ходилъ по комнатѣ изъ угла въ уголъ и старался не слушать разговора Димитрія съ атаманомъ. Бѣдный молодой человѣкъ былъ въ самомъ непріятномъ положеніи. Сейчасъ только онъ былъ свидѣтелемъ отчаянной

схатки. Царевичъ и Корецкій встрѣтились, какъ было условлено, въ дубовой рощѣ, верхами. Они понеслись другъ на друга, съ обнаженными саблями, и ловко отразили первые удары, но отъ сильнаго толчка Корецкій упалъ съ лошади. Димитрій объявилъ себя удовлетвореннымъ, но разсвирѣпѣвшій князь бросился на него съ такою быстротою, что онъ едва успѣлъ отразить сабельный ударъ, оцарапавшій ему щеку, и въ тоже время насквозь прокололъ Корецкому руку выше плеча. Рана была не опасна, но потеря крови такъ велика, что онъ потерялъ сознаніе. Бучинскій радовался торжеству своего друга, но въ тоже время не могъ не досадовать, что пролита польская кровь. А въ добавокъ еще здѣсь бородатый дикарь употребляетъ такъ безцеремонно давно укоренившійся, но все таки не лестный эпитетъ. Душа его готова была отшатнуться отъ царевича, отъ всего московскаго дѣла, но куда было отшатнутся? Молодой Бучинскій лѣтъ до четырнадцати воспитанъ былъ матерью, усердною кальвинисткою. Она сообщила его характеру такую прямоту и такую твердость, что потомъ шесть лѣтъ ученья въ іезуитской коллегіи во Львовѣ не могли его испортить, не пріучили его совершенно отказываться отъ своей воли для исполненія приказаній патеровъ. Его пылкая душа не выносила сознанія, что каждый шагъ его заранѣе расчисленъ и опредѣленъ помимо его сознанія и даже противъ его совѣсти. Переписывая запись объ уступкѣ Маринѣ Новагорода и Пскова, онъ уже негодовалъ, что держава его друга, молодаго царевича, уменьшается на двѣ такія громадныя страны; но спорить было уже поздно, потому что все было заранѣе давно подстро-

ено и утверждено интригой всемогущихъ ксендзовъ. Это до такой степени выводило его изъ терпѣнія, что онъ готовъ былъ даже помириться съ грубостями дикаря-атамана и чувствовалъ, что онъ можетъ совершенно проникнуться русскими интересами, просто изъ поляка сдѣлаться русскимъ. Надо замѣтить, что слишкомъ за два съ половиною вѣка тому назадъ, когда славянскія племена были ближе къ общему своему началу, такое чувство въ молодомъ человѣкѣ, задыхавшемся въ ксендзовскихъ тискахъ, было гораздо возможнѣе, нежели впослѣдствіи, когда исторія Россіи и Польши страшно обогатилась взаимными тяжкими ударами... По этому, сочиняя письма къ царю Борису отъ имени царевича и воззванія отъ него же къ московскому народу, Бучинскій излагалъ въ самомъ дѣлѣ то, что думалъ, съ полною искренностью, и не показывалъ своихъ грамотъ ксензамъ. Грамоты отличались простотою и правдивымъ тономъ. Одна изъ нихъ дошла до насъ:

«Богъ милосердый, по своему произволенію, покрывалъ насъ отъ измѣнника Бориса Годунова, хотѣвшаго насъ предать злой смерти, не восхотѣлъ исполнить злокозненнаго его замысла, укрылъ меня, прирожденнаго вашего государя, своею невидимою рукою и много лѣтъ хранилъ меня въ судьбахъ своихъ; и я, царевичъ Димитрій, теперь приспѣлъ въ мужество и иду съ Божіею помощію на прародителей моихъ, на Московское государство и на всѣ государства Россійскаго царствія. Вспомните наше прирожденіе, православную христіанскую истинную вѣру и крестное цѣлованіе, на чемъ вы цѣловали крестъ отцу нашему блаженной памяти государю царю и великому

князю Ивану Васильевичу всея Россіи и намъ, дѣтямъ его—хотѣть во всемъ добра; отложитесь нынѣ отъ измѣнника Бориса Годунова къ намъ, и впередъ уже служите, прямите и добра хотите намъ, государю своему прирожденному, какъ отцу нашему блаженныя памяти государю царю великому князю Ивану Васильевичу всея Русіи; а я стану васъ жаловать по своему царскому милосердому обычаю, и буду васъ свыше въ чести держать, ибо мы хотимъ учинить все православное христіанство въ тишинѣ и покоѣ и въ благоденственномъ житіи».

По цѣлымъ днямъ иногда сидѣлъ Бучинскій, переписывая эти грамоты въ великомъ множествѣ экземпляровъ. Въ Самборѣ было извѣстно, что царь Борисъ принялъ всѣ мѣры, чтобы не допускать такихъ грамотъ въ свое государство и что многія перехватываются полицейскими агентами для отправленія къ царю. По этому приходилось заготовить ихъ очень много, разсчитывая, что только десятая ихъ часть попадетъ въ руки московскихъ людей. Для пересылки ихъ употреблялись всѣ возможныя средства: укладывали ихъ въ кипы товаровъ, вкладывали въ мѣшки съ хлѣбомъ; а хлѣба доставлялось тогда много въ московское государство, по случаю бывшаго неурожая. Борисовы люди жестоко преслѣдовали эти грамоты и ихъ распространителей, и тѣмъ упорнѣе люди вездѣ шопотомъ толковали, что царевичъ живъ и идетъ занять престолъ своихъ прародителей. Боясь преслѣдованій, множество народу бѣжало въ Польшу, и въ Самборѣ то и дѣло московскіе люди просили разрѣшенія ударить челомъ царевичу и звать его въ Москву.

Такъ однажды, уже въ концѣ августа, было большое

представленіе въ угольномъ павильонѣ Самборскаго дворца. Изъ рязанской земли Ивашка Кашинъ съ товарищемъ, изъ Москвы торговый гость Андрюшка Сокольниковъ съ троими бѣглецами, изъ Суздали Ивашка Прособиковъ дворянскаго рода, изъ Ярославля Кирюшка Охотинъ, бѣжавшій изъ московскаго застѣнка, всего человѣкъ пятнадцать ожидали выхода царевича. Позади этой маленькой толпы, у стѣны, съ видомъ недовѣрчиваго любопытства, скромно дожидался сынъ самборскаго православнаго священника, Яковъ Зубрицкій. Онъ недавно окончилъ курсъ въ львовскомъ братскомъ училищѣ, собирался поступить на должность учителя въ перемышлѣ, а между тѣмъ работалъ при отцѣ. Вѣсть о царевичѣ всея Руси давно достигла скромнаго жилища священникъ отца Герасима; но смиренный служитель алтаря одинъ разъ только попробовалъ проникнуть въ гордый самборскій замокъ: но попытка эта не удалась. Священникъ потомъ все ожидалъ, что православный царевичъ посѣтитъ его бѣдную церковь, хоть разъ отслушаетъ обѣдню и помолится вмѣстѣ съ своими единовѣрцами по православному обряду. Но царевичъ не вспоминалъ о русской церкви, не приходилъ молиться съ своими единовѣрцами, и отецъ Герасимъ впадалъ въ сомнѣніе, и въ глубинѣ души своей говорилъ, что это, конечно, человѣкъ не русской царской крови. Послѣ долгаго ожиданія онъ послалъ наконецъ сына Якова посмотрѣть, что это за царевичъ?

Димитрій вошолъ въ сопровожденіи своего секретаря и безсмѣннаго Корелы. Пріѣзжіе поклонились въ землю и не поднимались, пока царевичъ не ободрилъ ихъ ла-

сковымъ словомъ. Онъ каждаго разспрашивалъ откуда онъ пріѣхалъ, чѣмъ занимался на родинѣ, оставилъ-ли дома семью, собирается-ли домой, и когда.

— Гдѣ ужъ домой, отецъ ты нашъ милостивый!—отвѣчалъ на разспросы Кирюшка.—Развѣ есть дорога домой тому, кто твоей милости челомъ билъ? По косточкамъ разоймутъ того, кто царскому твоему господарству поклонился, либо на колъ посадятъ. Лиходѣи твои, борисовы люди, какъ псы рыщутъ и хватаютъ людей, и мученіямъ предаютъ всякаго, кто только слово скажетъ про твое здоровье: языки вырываютъ, уши рѣжутъ, исполосовавши спину кнутомъ. А ужъ если кто здѣсь побывалъ, такъ борисовы люди изведутъ лютою казнью не только его, да и всѣхъ его сродниковъ до седьмаго колѣна. Нѣтъ, отецъ нашъ! За тобою развѣ, такъ еще можно думать о родинѣ, а безъ тебя—камень на шею, да въ воду, другаго пути нѣтъ.

— Изождались мы тебя, отецъ нашъ пресвѣтлый,—прибавилъ, низко кланяясь, торговый гость,—скучаютъ по тебѣ людишки твои, и ты бы къ намъ въ Москву, на свою дѣдину и отчину, шолъ не мѣшкая. Вся земля тебѣ ударитъ челомъ съ радостью.

— Собираюсь, собираюсь, друзья мои,—отвѣчалъ Димитрій ласково и добродушно,—и теперь ужъ не далеко то время, какъ, Богъ дастъ, ступлю на родимую русскую землю.

— Земля-то пущай и здѣсь родимая русская земля,—возразилъ рязанецъ Ивашка;—шли мы путемъ-дорогой, такъ вплоть до здѣшняго мѣста не видали крестьянина безъ православнаго креста и безъ нашего русскаго язы-

ка, и говорятъ христіане что еще дальше, на цѣлую недѣлю пути, хватитъ русской вѣры и русскаго языка, а тамъ ужъ пойдетъ сплошь полякъ и нѣмецъ. Придетъ время, весь крестьянскій народъ поклонится тебѣ, царю бѣлому; только теперь-бы идти тебѣ на родительскій престолъ, на Москву, приспѣла самая пора.

— Дѣло возможное,—подумалъ Бучинскій,—пожалуй что поклонятся, потому что хлопы какъ-то напряженно насъ ненавидятъ, особенно послѣ глупыхъ попытокъ моихъ милыхъ учителей, отцовъ іезуитовъ, которые раздражили народъ, насильно навязывая присоединеніе къ латинскому догмату. Да, хлопы въ имѣніи польскаго короля зовутъ московскаго царевича своимъ! я слышалъ это не разъ. Объ этомъ стоило бы подумать польскимъ вельможамъ, какъ и мы, московскіе вельможи, будемъ думать о томъ же, только съ другой стороны. Не даромъ московскій великій князь зоветъ себя ца́ремъ всея Руси...

— А ты, другъ, откуда?—спросилъ Димитрій, подойдя къ Яко́ву Зубрицкому и ласково положивъ ему руку на плечо.

— Я здѣшній, ваше царское высочество—отвѣтилъ Яковъ,—сынъ здѣшняго православнаго священника.

— Да? — спросилъ царевичъ съ удивленіемъ;—такъ здѣсь есть православная церковь?—Это хорошо...

— Весь здѣшній край, со времени равноапостольнаго князя Владиміра, православный, и не смотря на гоненія латинянъ, не смотря на отступничество собственныхъ своихъ іерарховъ, подписавшихъ унію, на вѣки останет-

ся вѣрнымъ исповѣданію своихъ предковъ, истинной вѣрѣ.

— Да?... ну это хорошо,—отвѣчалъ Димитрій, видимо смѣшавшійся. — И большой тутъ приходъ?.. Я непремѣнно, при первомъ случаѣ, побываю у васъ, то есть въ нашей церкви.

Послѣ этихъ словъ, царевичъ ласково, но нѣсколько торопливѣе обыковеннаго, отпустилъ своихъ земляковъ и принялся съ Яковомъ Бучинскимъ и Корелой подробно обсуждать способы поскорѣе выступить въ московскую землю. Корела говорилъ, что царевича ожидаютъ по крайней мѣрѣ восемь тысячъ казаковъ. Бучинскій объяснялъ, что у него записано болѣе тысячи двухъ сотъ добрыхъ воиновъ, что этого числа совершенно достаточно, такъ какъ нуженъ скорѣе конвой, чѣмъ войско, для вступленія въ московское государство, которое поголовно признаетъ права царевича на престолъ. Онъ прибавлялъ, что надо бы торопиться, потому что всякое промедленіе даетъ Борису возможность собраться съ силами и придумать какую нибудь каверзу. Рѣшили, что сегодня же царевичъ настоятельно поговоритъ съ воеводой и станетъ его торопить.

Такъ и сдѣлалось. Послѣ блистательнаго бала, царевичъ ушелъ на половину воеводы и далеко за полночь бесѣдовалъ съ нимъ и съ ксендзомъ Помасскимъ. Съ большимъ количествомъ полудружественныхъ, полупочтительныхъ поклоновъ, воевода проводилъ царевича изъ своего кабинета черезъ пріемную, гдѣ чутко дремавшій Корела медленно поднялся съ своего мѣста.

— Прошу ваше царское высочество еще недѣлю или

десять дней сроку, — говорилъ Мнишекъ.—Не далѣе, какъ въ первыхъ числахъ сентября мы выѣдемъ изъ ненавистнаго вамъ Самбора въ Глиняны, къ войску, и будемъ продолжать походъ безостановочно. Такимъ образомъ ранѣе конца нынѣшняго года вы вступите въ свою столицу.

— Благодарю васъ, искренно благодарю,—отвѣчалъ Димитрій, — за вашу дружбу и скорый наконецъ походъ.

— Я просилъ бы ваше царское высочество не благодарить и вспомнить, что я здѣсь дѣйствую столько же изъ преданности вамъ, сколько изъ любви къ своей дочери, нарѣченной невѣстѣ вашей: вѣдь вслѣдъ за вами она вступитъ на престолъ...

Царевичъ еще разъ поблагодарилъ его и въ сопровожденіи Корелы вышелъ въ опустѣлый танцовальный залъ. Оттуда надо было пройти коридоромъ, потомъ большою столовою, и дальше черезъ двѣ, три комнаты войти въ сѣни, принадлежащія къ царевичеву павильону. Была ясная, теплая, свѣтлая лунная ночь. По хорошо знакомымъ комнатамъ и переходамъ царевичъ шелъ весело, разговаривая съ атаманомъ. Онъ радовался, что скоро, скоро наступитъ желанная развязка и онъ въ состояніи будетъ по царски вознаградить Мнишка за его гостепріимство и громадные расходы. Корела безцеремонно зѣвалъ, находя, что когда время придетъ рубиться, то онъ будетъ исполнять свое дѣло какъ слѣдуетъ. Они вступили уже въ послѣднюю передъ сѣнями комнату. Въ ней послышался едва замѣтный, но не обычный шорохъ. У Корелы въ одинъ мигъ пропала сонливость: съ тѣмъ удивительнымъ

чутьемъ, какое не рѣдко развивается у боевыхъ казаковъ, онъ прямо бросился въ темный, неосвѣщенный луною уголъ комнаты, и въ тоже время на него кинулся человѣкъ съ ножомъ въ рукѣ. Какъ ни ловокъ былъ казакъ, но его положеніе было слишкомъ не выгодно: онъ весь освѣщенъ былъ луною, тогда какъ его противникъ былъ въ тѣни. Жестокая царапина ножомъ по лицу досталась атаману, но еще болѣе жестокій ударъ его могучаго кулака повалилъ злодѣя на полъ. Все это случилось въ одно мгновеніе, такъ что когда царевичъ подбѣжалъ къ своему тѣлохранителю, тотъ уже насѣлъ на своего противника и осторожно давилъ ему обѣими руками горло.

— Говори, разбойникъ, что-ты за человѣкъ?—кричалъ Корела.—Чего тебѣ надо?

А тотъ еще не могъ опомниться отъ страшнаго удара по головѣ и только хрипѣлъ подъ жосткими пальцами казака.

На шумъ прибѣжалъ Янъ Бучинскій, мучительно выжидавшій отвѣтъ папѣ на посланіе, полученное Димитріемъ еще въ Краковѣ, почти пять мѣсяцевъ тому назадъ. Секретарь царевича надѣлалъ шуму, созвалъ сторожей. Принесли огня. Среди толпы слугъ стоялъ облитый кровью Кирюшка Охотинъ, по утру въ тотъ же день такъ усердно приглашавшій царевича въ Москву. онъ не былъ раненъ; на него натекла кровь изъ глубокой, длинной раны, сдѣланной его ножомъ на лицѣ Корелы. Подъ крѣпкой стражей онъ былъ уведенъ въ тюрьму, а казакъ пошелъ въ комнату царевича обмывать свою рану. Бучинскій охотно помогалъ ему въ этомъ.

— Экой разбойникъ, какъ полоснулъ!—говорилъ ата-

манъ, смотрясь въ серебряное зеркало, которое держалъ Бучинскій, и поливая себѣ лице водою.—Вотъ, по лбу стреканулъ, бровь совсѣмъ разсѣкъ, и по щекѣ проѣхалъ... Тьфу! и во рту кровь! Э, да это онъ щеку-то просадилъ насквозь, да промежъ зубовъ воткнулся. Чуть было глазъ не задѣлъ, разбойникъ! А? Право разбойникъ...

Въ это время Бучинскій любовался простодушнымъ лицомъ атамана. Корела былъ не казистъ, и это была уже третья полоса на его загорѣломъ лицѣ.—А гдѣ ты досталъ себѣ вотъ эту полосу? спросилъ Бучинскій, указывая на свѣтлый шрамъ съ другой стороны лица.

— Это-то? Это турка въ Трапезунтѣ полоснулъ; плавали мы туда погулять, ну, и подрались немного.

— А эта полоса откуда?

— Это перекопская. Какъ рѣшето меня искололи въ этотъ разъ татары, и оставили замертво. Много нашихъ добрыхъ казаковъ тогда легло... Пойти однако землицы достать тутъ изъ-подъ груши...

Но царевичъ не далъ ему идти за землей, и внимательно залѣпилъ ему раны приготовленнымъ между тѣмъ пластыремъ. Черезъ полчаса Корела храпѣлъ уже поперегъ царевичевой опочивальни, постлавъ на полу узенькій коверъ.

— Я надѣюсь, что съ такими людьми можно будетъ дѣло сдѣлать, — сказалъ Бучинскій, оставшійся на эту ночь въ комнатѣ царевича: — совершилъ подвигъ, былъ на волосъ отъ смерти, и уже спитъ, какъ младенецъ, который кашки поѣлъ.

На другой день сдѣлались извѣстнымъ, что въ тоже

время былъ схваченъ и товарищъ Кирюшки Охотина, сѣдлавшій двухъ лошадей, какъ видно готовясь къ бѣгству въ случаѣ удачи, или неудачи покушенія. Рано поутру соумышленники были подвергнуты жесточайшей пыткѣ. И здѣсь намъ надо оговориться. Пусть читатели наши не считаютъ за это Мнишка и маршалка его какими-то чудовищами. Въ тѣ суровыя времена, болѣе двухъ съ половиною вѣковъ тому назадъ, пытки самыя жестокія были очень простымъ, обыденнымъ дѣламъ и употреблялись такъ же часто, какъ въ наше время арестъ. Предполагалось, что обвиняемый человѣкъ, въ мученіяхъ пытки, скажетъ всю правду о свохъ намѣреніяхъ и непремѣнно назоветъ соумышленниковъ. Преступники высказали, что они подосланы Борисомъ, чтобы убить Гришку Отрепьева, именующаго себя царевичемъ; за это имъ обѣщано было прощеніе всѣхъ старыхъ преступленій и большое денежное жалованье. Такое важное преступленіе, какъ покушеніе на жизнь царевича, требовало примѣрнаго и быстраго суда и наказанія.

На этотъ случай танцовальный залъ перемѣнилъ свой видъ и обратился въ судебную палату. Въ одномъ концѣ его былъ поставленъ высокій балдахинъ, а подъ нимъ, на возвышеніи въ три ступени, большое бархатное кресло. Впереди приготовленъ былъ аналой съ крестомъ и евангеліемъ; направо столъ для подсудка и секретаря; на лѣво скамья для подсудимыхъ, прямо— скамья свидѣтелей. Въ нѣкоторомъ разстояніи было поставлено три или четыре ряда стульевъ для дамъ и почетнѣйшихъ гостей, а за ними оставлено большое про-

странство для публики. Торжественный судъ, на которомъ Мнишекъ представлялъ особу короля, какъ владѣльца Самбора, и въ тоже время пользовался своими воеводскими правами, былъ большою рѣдкостью. По этому танцовальный залъ былъ переполненъ зрителями: вся дворовая челядь, отрядъ надворныхъ воиновъ, множество жителей мѣстечка Самбора, шляхтичей, ихъ женъ, жидовъ, жидовокъ, наполняли танцовальный залъ. Осторожный, вѣжливый шопотъ толпы носился глухимъ гуломъ. Возлѣ отворенныхъ оконъ толпились тѣ, которые не могли протиснуться въ залъ, и напрасно старались заглянуть хоть на приготовленія къ суду. Пышно разряженныя дамы, а за ними десятка три блестящихъ кавалеровъ вошли въ особую дверь и заняли приготовленные стулья. Потомъ вошелъ самъ воевода въ бѣломъ бархатномъ кунтушѣ, обшитомъ соболемъ. Грудь его была покрыта нѣсколькими широкими золотыми цѣпями. На головѣ бѣлая шапка была украшена великолѣпнымъ павлиньимъ перомъ, приколотымъ огромною пряжкою изъ драгоцѣнныхъ камней. Для украшенія головныхъ уборовъ павлиньи перья употреблялись одними Мнишками, и то потому, что три павлиньи пера составляли ихъ гербъ. Гости встали съ своихъ мѣстъ. Мужчины сняли шапки. Воевода, никому не кланяясь, вошелъ въ сопровожденіи своего маршалка и двухъ его помощниковъ, и прямо направился къ балдахину. Весь шитый золотомъ маршалокъ помѣстился позади кресла. Засѣданіе суда началось. Стража ввела измученныхъ преступниковъ. Секретарь началъ читать наскоро составленный обвинительный актъ. Потомъ позвали сви-

дѣтелей. Сначала вошелъ Дмитрій, и воевода почувствовалъ особенное удовольствіе, когда московскій царевичъ, стоя, передъ нимъ, сидящимъ высоко, давалъ свои показанія. Потомъ вошелъ Корела, заклеенный свѣжимъ пластыремъ. Онъ говорилъ уже съ трудомъ, вслѣдствіе начавшагося въ щекѣ воспаленія; и только утвердительно кивалъ или отрицательно моталъ головою на разспросы подсудка и воеводы. Преступники сознались въ намѣреніи убить Гришку Отрепьева, именующаго себя московскимъ царевичемъ Димитріемъ. Они старались оправдать себя тѣмъ, что ихъ ввелъ въ заблужденіе Семенъ Годуновъ, увѣрявшій, будто въ Самборѣ живетъ не истинный царевичъ, а самозванецъ, и что еслибъ они знали, на кого поднимаютъ руку, то никогда не рѣшились-бы на подобное злодѣяніе. Судъ рѣшилъ и воевода громко провозгласилъ, что преступники должны быть подвергнуты смертной казни чрезъ повѣшеніе, на торговой площади королевскаго мѣстечка Самбора, а на приготовленіе къ смерти милостиво даруется имъ четыре часа. Судъ былъ конченъ. Осужденные на смерть невольно взглянули на небо, и глаза ихъ встрѣтили потолокъ, роскошно расписанный букетами, арабесками, гербами, амурами и музыкальнами инструментами. Потомъ они взглянули на публику, и глаза ихъ встрѣтили блестящихъ нарядами дамъ и вѣжливыхъ кавалеровъ, пожимавшихъ руки царевича и поздравлявшихъ его съ счастливымъ избавленіемъ отъ опасности. А потомъ суровая стража повела ихъ, истерзанныхъ и измученныхъ, въ тюрьму, для послѣдней бесѣды съ отцомъ Герасимомъ.

Четырехчасовой срокъ для приготовленія къ смерти

былъ разсчитанъ такимъ образомъ, чтобы гости, желающіе видѣть исполненіе приговора, успѣли спокойно пообѣдать. И въ самомъ дѣлѣ, въ назначенное для казни время, торговая площадь была очень оживлена и блистала самыми роскошными костюмами, толпившимися гораздо ближе къ висѣлицамъ, нежели сермяги и жидовскіе пейсики.

А. Е. Разинъ.

(Продолженіе въ слѣдующемъ №).

ГРАФЪ СПЕРАНСКІЙ.

Біографическій очеркъ.

(Продолженіе.)

IV.

Разъ, когда Сперанскій, въ одинъ изъ сентябрскихъ вечеровъ,—сидѣлъ за чаемъ, со своею любимою дочерью, вдругъ въѣхалъ фельдъегерь на его дворъ. Нельзя было сомнѣваться откуда онъ,—онъ былъ отъ Императора; но что принесъ съ собою вѣстникъ, уже не разъ обманывавшій надежды Сперанскаго, принесшій въ Нижній-Новгородъ грозную вѣсть ссылки Сперанскаго въ Пермь? Мелькомъ пролетѣли въ головѣ Сперанскаго всѣ его надежды, всѣ его мечты—удѣлъ изгнанниковъ, всѣ мысли, какія онъ высказывалъ въ письмахъ къ Императору и его сподвижникамъ. Чего болѣе, чего естественнѣе ожидать, какъ не отвѣта на эти письма? Но какаго рода этотъ отвѣтъ? Можетъ быть враги успѣли снова устроить изгнаннику новыя ковы? Трепетною рукою Сперанскій рас-

печатываетъ пакетъ: въ немъ письмо Аракчеева, при этомъ послѣднемъ—копія съ указа Императора Правительствующему сенату: Императоръ разсматривалъ дѣло объ обвиненіяхъ Сперанскаго и нашелъ ихъ тѣмъ, чѣмъ они были въ дѣйствительности—клеветою, и теперь воля Государя—быть Сперанскому Пензенскимъ Губернаторомъ.—Снята съ невиннаго человѣка низкая клевета въ измѣнѣ, его нельзя признать за человѣка съ черною неблагодарностію къ своему Покровителю, онъ человѣкъ, всецѣло преданный интересамъ отечества, онъ снова облекается довѣренностію Правительства, онъ снова призывается къ гражданской дѣятельности! Поворотъ дѣла былъ необыкновенный, какъ сама судьба Сперанскаго! человѣкъ бывшій самъ до сихъ поръ подъ надзоромъ мѣстной власти, слѣдившей за каждымъ его шагомъ; человѣкъ, сознававшій свое превосходство надъ многими, недостойно занимавшими высшія должности и, подобно всѣмъ геніальнымъ людямъ, снѣдаемый тоскою по обширной и творческой дѣятельности, этотъ человѣкъ—получаетъ теперь значительный шагъ къ свободѣ—управленіе цѣлою губерніею! Отраденъ былъ этотъ поворотъ самому Сперанскому; «душевно радъ и совершенно доволенъ» писалъ онъ къ своему другу, вскорѣ послѣ этого.

Отправивъ свою дочь въ Петербургъ къ г-жѣ Вейкартъ, Сперанскій разстался со своимъ Великопольемъ 1-го октября и посѣтилъ теперь свою родину Черкутино. У родныхъ и матери онъ провелъ цѣлый день и затѣмъ вздумалъ посѣтить Владиміръ, гдѣ жила его бывшая воспитательница Смирнова. Посѣтивъ губернатора, онъ посѣтилъ и Смирнову, пилъ у нея кофе, закусилъ и

потомъ отправился въ семинарію, въ которой нѣкогда воспитывался. Здѣсь встрѣтилъ его былой наставникъ, бывшій въ это время протоіереемъ каѳедральнаго собора — Пѣвницкій: воспитанникъ подошелъ къ нему подъ благословеніе и просилъ обойти съ нимъ классы. Начальство семинаріи, конечно, сочло за счастіе видѣть въ стѣнахъ семинаріи такого государственнаго сановника; самъ архіерей вездѣ сопровождалъ его, и отдавалъ ему почтеніе. Простившись съ начальствомъ семинаріи, посѣтивши еще разъ губернатора, простившись, наконецъ, и со своими родными, Сперанскій отправился къ мѣсту своего новаго назначенія, и прибылъ въ Пензу 20-го октября.

Первымъ дѣломъ новаго Пензенскаго губернатора было—привлечь на свою сторону лучшую часть пензенскаго общества. Сперанскій хорошо понималъ, что первое впечатлѣніе очень много значитъ, и потому, лишь только онъ прибылъ въ Пензу, въ какихъ нибудь двое сутокъ, сдѣлалъ визиты всѣмъ жителямъ пензенскимъ. Съ одной стороны, такая предупредительность, съ другой — любезность обращенія, совершенно обворожили тамошнее общество. Это благопріятное впечатлѣніе Сперанскій умѣлъ поддерживать послѣдующими дѣйствіями: крѣпостные крестьяне села Кутли взбунтовались противъ своего владѣльца,—Сперанскій принялъ для усмиренія ихъ энергическія мѣры, и тѣмъ доказалъ дворянамъ, что онъ считаетъ своею обязанностію поддерживать законныя требованія помѣщиковъ. Но, съ другой стороны, Сперанскому скоро представился случай доказать и крестьянамъ, что, онъ умѣетъ

строго наказывать произволъ помѣщиковъ. Такъ онъ подвергъ строгому суду и ссылкѣ въ Сибирь помѣщика, который засѣкъ крестьянина до смерти. Эти случаи убѣдили пензенцевъ, что новый губернаторъ, какъ не намѣренъ поддерживать незаконныя требованія крестьянъ, такъ равно и не намѣренъ потворствовать помѣщикамъ. Новый случай еще болѣе утвердилъ доброе мнѣніе о новомъ губернаторѣ. Экономическіе крестьяне села Пурдошекъ издавна владѣли плодородными землями въ сосѣдствѣ отъ своего селенія. Случилось, что и меривыя власти отсудили у нихъ эти земли и нарѣзали имъ и менѣе плодородныя земли и гораздо отдаленнѣйшія отъ ихъ селенія. Не надѣясь найдти себѣ справедливаго рѣшенія, крестьяне рѣшились силою отстаивать свое законное право: въ продолженіи пяти лѣтъ они выходили на свое старое поле и прогоняли новыхъ владѣльцевъ, и при этомъ, конечно, не обходилось дѣло безъ драки, даже убійствъ. Это же повторилось не за долго до назначенія Сперанскаго губернаторомъ; наряжено было слѣдствіе, и новому губернатору должно было привести въ исполненіе приговоръ сената такого рода: трехъ наказать кнутомъ, четырехъ—плетьми, и изъ 350 остальныхъ, наказать розгами отъ девяти десятаго. Какъ было согласить со справедливостію исполненіе такаго приговора?—Сперанскій прежде всего остановилъ исполненіе такого приговора; самъ обстоятельно разсмотрѣлъ все дѣло и, когда убѣдился, что крестьяне вызваны были къ подобнымъ поступкамъ несправедливомъ рѣшеніемъ тяжбы, ходатайствовалъ у министра юстиціи о пересмотрѣ дѣла. Результатомъ этого было, что удоб-

ная къ хлѣбопашеству земля была возвращена законнымъ владѣтелямъ, тѣлесное наказаніе опредѣлено было только тремъ изъ крестьянъ, виновнымъ въ смертоубійствѣ; а та недоимка, которая накопилась за крестьянами во время тяжбы,—а она простиралась до 40,000 асс.,—была возложена на несправедливыхъ судей. Всѣ эти обстоятельства съ одной стороны, съ другой — во всякое время открытый и легкій доступъ и бѣдному и богатому, немедленное исполненіе просьбъ, обходительность въ обращеніи и искренее доброжелательство, скоро сдѣлали Сперанскаго любимцемъ всей губерніи; всѣ и каждый считалъ его благодѣтелемъ. Не далѣе, какъ чрезъ два года дворянство Пензенской губерніи поднесло ему адресъ, которымъ поручало губернскому предводителю дворянства «изъявить предъ лицемъ его превосходительства, чувства живѣйшей благодарности за оказываемое всегда попеченіе о пользахъ дворянскихъ, и то участіе, которое его превосходительство всегда принимать изволилъ въ нуждахъ всѣхъ и каждаго».

Изъ частной, такъ сказать, жизни Сперанскаго въ Пензѣ, намъ извѣстно, что въ 1817 году онъ выписалъ изъ Петербурга свою дочь вмѣстѣ съ г-жею Вейкартъ. Въ томъ же году онъ пріобрѣлъ помѣстье Ханеневку, отстоящую отъ Пензы въ 25 верстахъ. Не покидая и во время изгнанія своихъ ученыхъ занятій, Сперанскій и здѣсь, не смотря на множество дѣлъ, находилъ время сдѣлать—и сдѣлать не мало—для своего образованія. Такъ, онъ въ Пензѣ изучилъ нѣмецкій языкъ, дотолѣ ему совершенно неизвѣстный, и короче ознакомился съ еврейскимъ, начало изученію котораго положено было

еще въ Перми. Особенно же знамечательна за этотъ періодъ жизни, переписка Сперанскаго съ Императоромъ и министрами. Уже прошло около шести лѣтъ съ того времени, когда Сперанскій былъ постояннымъ собесѣдникомъ Императора; изгнаніе прекратило непосредственное общеніе перваго государственнаго сановника съ Монархомъ, и только теперь, когда онъ снова былъ облеченъ довѣренностію Правительства, Сперанскій вошелъ въ частое и непосредственное сношеніе съ тѣмъ, съ кѣмъ прежде былъ постояннымъ собесѣдникомъ. Первые два письма Сперанскаго къ Императору были поздравительные съ новымъ 1817 и 1818 годами. Хотя Императоръ отвѣчалъ на нихъ не собственноручно, но они были первыми послѣ печальной разлуки въ 1812 году. Сперанскій былъ чрезвычайно обрадованъ ими, и писалъ по этому случаю своей дочери: «на ушко скажу тебѣ, что и отъ Государя получилъ я здѣсь, лично къ себѣ, письмо, исполненное самыхъ милостивыхъ выраженій». Третье письмо Сперанскаго было благодарственное: министръ финансовъ Гурьевъ исходатайствовалъ Сперанскому награду—5000 десятинъ земли въ Саратовской губерніи, по этому поводу Сперанскій снова счелъ долгомъ писать Императору. Тѣмъ радоснѣе были для Сперанскаго письма Императора, что послѣдній обращался къ Сперанскому, не какъ простому губернатору, а какъ къ своему прежнему любимцу и сотруднику. Милость и вниманіе Монарха измѣнили отношенія къ Сперанскому и «сильныхъ міра сего». Случилось то, чего никогда ни прежде не бывало, да едва ли когда нибудь и будетъ: министры стали спрашивать мнѣнія у губер-

натора по такимъ предметамъ, по которымъ никогда не былъ спрашиваемъ ни одинъ губернаторъ. Такъ Гурьевъ прислалъ Сперанскому свои проекты, касавшіеся нашихъ финансовъ, и просилъ у Сперанскаго совѣтовъ. Также и князь Голицынъ, когда онъ былъ назначенъ министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.

Кромѣ Гурьева и Голицына Сперанскій находился въ перепискѣ съ министромъ полиціи — Вязмитиновымъ, въ особенности же съ Кочубеемъ, имѣвшемъ тогда большое значеніе при дворѣ, и Аракчеевымъ—самымъ вліятельнымъ лицемъ въ царствованіе Александра.

Явное расположеніе, какое возвратилось къ Сперанскому со стороны Императора, особенное довѣріе, съ которымъ относились къ нему самые министры, сознаніе своихъ собственныхъ заслугъ, приведшихъ его къ такой трагической судьбѣ, подали поводъ Сперанскому яснѣе высказывать свои давнишнія и искреннія желанія. Лѣтомъ 1818 года, проѣзжая въ свои Саратовскія имѣнія, посѣтилъ Сперанскаго графъ Нессельродъ, управлявшій министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Предъ нимъ—то первымъ Сперанскій высказалъ свои завѣтныя желанія—желаніе быть возвращеннымъ въ Петербургъ и занять мѣсто сенатора, и просилъ объ этомъ передать при случаѣ Императору. Въ томъ же году, 1-го августа, Сперанскій послалъ прошеніе чрезъ Вязмитинова къ Императору, въ которомъ уже прямо просилъ сенаторскаго званія. Вязмитиновъ отвѣчалъ, что Государь «изволилъ принять письмо милостиво и оставить его у себя.» Сперанскій этимъ не удовлетворился, и писалъ къ Кочубею «Я просилъ суда и рѣшенія», говорилъ Сперанскій въ своемъ

письмѣ, а меня не оправданнаго, не обвиненнаго, послали оправдываться и управлять правыми». Кочубей отвѣчалъ Сперанскому очень подробно, но весь отвѣтъ его состоялъ только въ совѣтахъ. Видя, что просьбы о сенаторствѣ не имѣютъ успѣха, Сперанскій просилъ теперь уже только четырехъ-мѣсячнаго отпуска для устройства своихъ домашнихъ дѣлъ. «Ни начать, ни продолжать моей просьбы объ отпускѣ, писалъ Сперанскій Аракчееву, (это было въ мартѣ 1819 года) я никакъ не рѣшился бы, еслибъ не былъ принужденъ къ тому самою крайнею необходимостью. Кто имѣетъ на рукахъ дочь безъ матери и 200,000 руб. долгу, при маловажномъ и запутанномъ имѣніи, тотъ осужденъ все терпѣть, всѣмъ жертвовать, чтобъ исполнить первыя свои обязанности. Сроки долговъ моихъ приближаются, продажа имѣнія (т. е. Великополья, которое потомъ и было пріобрѣтено въ казну за 140,000 рубл.) не сходитъ съ рукъ.....Если нужды мои, справедливымъ и благосклоннымъ вниманіемъ вашего Сіятельства, представлены будутъ Государю Императору въ истинномъ ихъ видѣ, и отдѣлены отъ всѣхъ побочныхъ и неумѣстныхъ предположеній, то Его Величество не презритъ моей просьбы». Такова была послѣдняя просьба Сперанскаго — Пензенскаго губернатора!

31 Марта 1819 года, въ понедѣльникъ страстной недѣли, Сперанскій, отобѣдавъ, сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и читалъ Геродота въ Греческомъ подлинникѣ. Чрезъ нѣсколько комнатъ отъ кабинета, въ канцеляріи, чиновникъ Рѣпинскій спѣшилъ окончилъ какую-то табель, которую нужно было отослать въ министерство съ отхо-

дящею почтою—на слѣдующій день. Вдругъ послышался звонъ колокольчика. Сперанскій заглянулъ въ окно и увидѣлъ фельдъегеря. Рѣпинскій, удивленный тѣмъ, что къ дому губернатора кто-то подъѣхалъ со звонкомъ, былъ уже на лѣстницѣ. Два раза, съ верху лѣстницы, Рѣпинскій спрашивалъ фельдъегеря: отъ кого онъ? И наконецъ узналъ, когда уже онъ вошелъ на верхъ, что—«отъ Государя.» Рѣпинскій доложилъ Сперанскому, что пріѣхалъ нарочный отъ Государя;—Сперанскій былъ видимо взволнованъ, казался блѣднымъ, тѣмъ не менѣе, сдерживая свое волненіе, произнесъ «проси....» Сперанскій получилъ отъ фельдъегеря два письма отъ Государя, два письма отъ Аракчеева и указъ о назначеніи Сперанскаго—генералъ-губернаторомъ Сибири.

Въ своихъ письмахъ Императоръ писалъ, что назначеніе Сперанскаго въ Пензу губернаторомъ имѣло цѣлью «служеніемъ дать возможность доказать, сколь враги ваши несправедливо оклеветали васъ» что постояннымъ стремленіемъ его было «открыть служенію Сперанскаго обширнѣйшее поприще, и заслугами его дать явную причину приблизить къ себѣ, что теперь онъ поручаетъ дѣлать осмотръ сибирскихъ губерній и ихъ управленія, и сообразить на мѣстѣ полезнѣйшее устройство и управленіе сего отдаленнаго края.» Императоръ говорилъ въ письмѣ, что Сперанскій самъ долженъ привезти въ Петербургъ проекты объ устройствѣ Сибири, что на все порученіе потребуется года полтора, много два, и что наконецъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ по исполненіи этого порученія, онъ дастъ Сперанскому занятіе, болѣе сходное тому приближенію, въ коемъ онъ привыкъ

со Сперанскимъ находиться. Въ другомъ письмѣ Императоръ писалъ: «Потщитесь исполнить возлагаемое мною на васъ нынѣ порученіе съ тѣмъ дарованіемъ и исправностію, кои васъ отличаютъ, и тогда пріѣдете вы въ Петербургъ съ явною новою заслугою, оказанною отечеству, и которая поставитъ меня въ дѣйствительную возможность основать уже ваше пребываніе навсегда при мнѣ въ Петербургѣ.»

Аракчеевъ писалъ: «настаивать у Государя объ отпускѣ вашемъ въ то самое время, когда Его Величеству угодно было удостоить васъ новою довѣренностію и дать Вамъ препорученіе столь важное для пользы государства, мнѣ показалось неприличнымъ.»

Такъ, мечты и ожиданія обманули Сперанскаго: вмѣсто возвращенія въ Петербургъ, судьба назначала ему мѣсто дѣятельности еще далѣе отъ Петербурга. Сколько ни говорило это новое назначеніе въ его пользу, сколько ни свидѣтельствовало оно о возвращеніи прежняго полнаго довѣрія со стороны Государя, какъ ни ясно было, что онъ обставлялся новыми знаками монаршей милости, и какъ ни вѣрно было, что изъ Сибири онъ возвратится въ Петербургъ,—чувство, съ которымъ принялъ Сперанскій это новое назначеніе, было чувствомъ глубокой грусти. «Исполненное благости и великодушія писаніе Вашего Величества, писалъ Сперанскій Императору, оживило упадшій мой духъ.»—Но потомъ прибавилъ: «скажу откровенно: не безъ горести отправляюсь я въ Сибирь.» Аракчееву Сперанскій высказывался еще откровеннѣе: «И неблагодарно и грѣшно бы мнѣ было увѣрять ваше сіятельство, что я принялъ новое мое наз-

наченіе безъ горести.» На другой день по полученіи указа, Сперанскій писалъ своей дочери въ Петербургъ, куда она уѣхала въ сентябрѣ 1818 года,— «что сказать тебѣ, любезная моя Елисавета, о новомъ ударѣ бурнаго вѣтра, который вновь насъ разлучаетъ по крайней мѣрѣ на годъ? Вчера я получилъ вѣсть сію и, признаюсь, еще не образумился. Думаю, однакоже, что Господь дастъ мнѣ силы перенести и сіе огорченіе, по всей вѣроятности послѣднее.»

Между тѣмъ наступилъ день разлуки Сперанскаго съ Пензою. 7 мая было прощальнымъ днемъ Сперанскаго съ Пензою. Еще ранѣе 29 апрѣля дворянство и купечество, въ знакъ глубокой признательности, давало въ честь его блистательный балъ. Самый же день прощанія такъ описанъ былъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ: «Въ день отъѣзда, дворянство и купечество приготовили на берегахъ Суры, на томъ мѣстѣ, гдѣ ему должно было чрезъ сію рѣку переправляться, большой завтракъ. Всѣ, кто только могъ быть тутъ, желали еще разъ видѣть любимаго начальника. Стеченіе народа было чрезвычайное. Когда губернскій предводитель, отъ лица цѣлой губерніи, изъявилъ ему благодарность за кроткое и правосудное управленіе, и пожелалъ безпрерывныхъ благъ, никто не могъ удержаться отъ слезъ, и отъѣзжающій также заплакалъ, и однѣми слезами могъ отвѣчать на искреннее изъявленіе чувствъ истинной привязанности. Взоры присутствовавшихъ провожали его за Суру до того времени, когда карета скрылась изъ виду; безпрестанные крики народа сопровождали его благословеніями. Да и ктожъ могъ не благословить его? Кто могъ быть

имъ недоволенъ? Какой несчастный остался не утѣшеннымъ? Утро 7-го Мая на берегахъ Суры было истиннымъ торжествомъ добродѣтели.

(Продолженіе въ слѣдующемъ №).

Рысь.

РЫСЬ.

(Lynx virgatus).

Смерклось. Въ глухой тайгѣ подъ сводами нависшихъ, густыхъ вѣтвей стало еще темнѣе, еще мрачнѣй. Настала та пора, когда всякій хищный звѣрь выходитъ на добычу. Вотъ отставшій отъ своихъ товарищей и запоздавшій олень бѣжитъ подъ деревьями легкой рысью. Онъ спѣшитъ на поляну къ своему стаду. По временамъ онъ останавливается и встряхивая рогами чутко прислушивается—нѣтъ ли гдѣ врага. А между тѣмъ врагъ давно ужъ сидитъ на толстомъ сучкѣ невысокаго дерева и поджидаетъ какой нибудь жертвы. Врагъ этотъ рысь. Ея глаза, вошедшіе за зоркость зрѣнія въ пословицу еще во времена древности, горятъ въ темнотѣ, какъ раскаленые уголья. Притаясь въ мохнатыхъ вѣтвяхъ и выпустивъ уже заранѣе свои втяжные когти—она слѣдитъ за каждымъ движеніемъ оленя. Вотъ онъ подбѣгаетъ ближе. Рысь уже на готовѣ. Въ ту минуту когда онъ пробѣгаетъ мимо дерева, на которомъ она сидитъ, — она вдругъ однимъ прыжкомъ соскакиваетъ съ сучка на его спину и крѣпко вцѣпляется въ нее когтями. Бѣдный олень весь задрожалъ отъ боли, и закинувъ рога, помчался куда

глаза глядятъ. Онъ бьется, пытается рогами сбросить рысь съ себя, задѣваетъ нарочно за древесные сучья,—но рысь сидитъ плотно, и все глубже и глубже запускаетъ въ него когти. Не отдѣлаться отъ нее бѣднягѣ оленю. Она заѣстъ его въ загривокъ до смерти. Случается иногда впрочемъ, что и удается ему сбросить ее съ себя—но раны отъ ея когтей и зубовъ трудно заживаютъ. Точно также нападаетъ она и на дикихъ козъ. Еслижъ ей не удастся справиться со звѣремъ, то она не станетъ уже и преслѣдовать его—она взберется опять на дерево и начнетъ выжидать новую добычу. Для трусливыхъ и почти беззащитныхъ зайцевъ—рысь лютый врагъ. Ихъ гибнетъ отъ нея въ тайгахъ несмѣтное множество.

Рысь во многомъ имѣетъ сходство съ кошкой. Она и принадлежитъ къ кошачьему семейству. Голова у ней круглая, кошачьей формы, но отличается той особенностью, что на концахъ ушей торчатъ кверху кисточками длинные, жесткіе волосы. Съ обѣихъ же сторонъ морды висятъ длинные густые волоса, точно бакенбарды и борода раздѣленная на подбородкѣ. Когти у ней крѣпкіе, загнутые какъ у кошки и также какъ у нее втяжные. Длиной она бываетъ отъ 3 до 4 футовъ. Туловище у нея сильное, сжатое съ боковъ, хвостъ короткій. Мѣхъ на спинѣ красновато-сѣрый въ перемежку съ бѣловатымъ. На головѣ, шеѣ, спинѣ и бокахъ—рыже-бурыя круглыя пятна. Брюшко, внутренняя сторона ногъ, шеи и мѣста кругомъ глазъ бѣлаго цвѣта. Морда рыжеватая, уши внутри бѣлыя, снаружи покрыты бѣлыми пятнами. Всѣ движенія рыси, побѣжка, пріемы и коварный способъ караулить добычу, притаясь въ засадѣ и потомъ вдругъ

бросаяся на нее,—совершенно кошачьи. Чутье у ней лучше чѣмъ у другихъ кошекъ, также очень хорошъ слухъ. Рысь любитъ глухія, дикія мѣста и живетъ въ скалистыхъ горахъ или въ непроходимыхъ дремучихъ лѣсахъ. Вблизи же жилыхъ мѣстъ никогда не попадается. Гнѣздо свое дѣлаетъ подъ нависшими скалами или плитами, иногда въ глубокихъ пещерахъ, но рѣдко просто въ лѣсной чащѣ, подъ корнями и пнями большихъ деревьевъ. Иногда, впрочемъ, поселяется она въ покинутыхъ хозяевами лисьихъ и барсучьихъ норахъ. Голосъ рыси очень непріятенъ, рѣзокъ и похожъ на собачій вой. Иногда она громко мяукаетъ и мурлыкаетъ, и часто это мяуканье переходитъ въ дикій крикъ.

Рысь не прожорлива, но очень кровожадна. Она любитъ теплую, свѣжую кровь. Изъ большаго звѣря она съѣстъ за разъ фунта три, четыре; на другой день опять воротится къ оставленной добычѣ пообѣдать,—остатокъ же достается волкамъ и лисицамъ.

Маленькія рыси, пока слѣпы, очень похожи на обыкновенныхъ котятъ, только нѣсколько больше ихъ. Когда же проглянутъ—становятся очень игривы, но только такіе трусы — что чуть зашелеститъ, забиваются подъ плиты между камнями, такъ что ихъ трудно сыскать безъ собаки. Мать сначала кормитъ ихъ молокомъ, потомъ носитъ имъ мышей, кротовъ, мелкихъ птичекъ и т. п. Въ кровожадной рыси есть еще дурная черта—трусость: въ случаѣ опасности она старается спастись только сама,—дѣтей же своихъ не думаетъ защищать, а оставляетъ на произволъ судьбы.

Движенія рыси довольно медленны, но очень сильны.

Сибиряки отыскиваютъ рысей зимою по слѣду и бьютъ ихъ изъ винтовокъ. Когда охотникъ найдетъ свѣжій, рысій слѣдъ, онъ отвязываетъ собаку, привязанную къ сѣдлу, а самъ ѣдетъ сзади нея и прислушивается. Собака найдя по слѣду рысь начинаетъ лаять. Тогда охотникъ не разбирая на дорогѣ ни горъ, ни чащи лѣса, ни утесовъ, бросается въ ту сторону, гдѣ раздается лай. Собака преслѣдуя рысь старается не выпускать ее изъ вида. Рысь же скачетъ съ камня на камень или по корнямъ деревьевъ, чтобы скрыть свой слѣдъ и съ неимовѣрною быстротою дѣлаетъ огромные прыжки. Но пропрыгавъ такимъ образомъ сажень сто устаетъ и залѣзаетъ на дерево. Если охотникъ поспѣетъ во время, то убиваетъ ее изъ винтовки. Если же вблизи нѣтъ дерева, куда бы удобно было вспрыгнуть, то она ложится на спину и начинаетъ царапаться когтями. Иногда она наноситъ собакамъ такія жестокія раны, что онѣ пропадаютъ. Съ плохими собаками трудно добывать рысей. Можно прогоняться нѣсколько дней сряду за рысью и все таки не добыть ее. Добываютъ также рысей капканами, луками и пастями. Опытные охотники приманиваютъ рысей, подражая крику зайца; если рысь голодна, то непремѣнно явится на этотъ крикъ.

Въ прежнія времена рыси водились во всей Европѣ, нынче же онѣ водятся въ Европѣ только на крайнемъ сѣверѣ и на высокихъ горахъ,—въ большомъ же количествѣ нигдѣ уже не встрѣчаются. Даже въ Сибири, гдѣ такое множество разнаго рода звѣрей,—рысей сравнительно встрѣчается мало.

Рысій мѣхъ очень проченъ, мягокъ и пушистъ, и точ-

но также тепелъ, какъ лисій. Въ старину рысьи мѣха были въ большой цѣнѣ. Наши азіятскіе сосѣди Китайцы были до нихъ большіе охотники. Нынче же хотя цѣны на рысьи шкурки порядочныя, но далеко не прежнія. Въ старину за хорошую рысью шкурку платили въ Сибири до 200 рублей ассигнаціями,—теперь же за такую платятъ 20 рублей серебромъ.

МЕЛОЧИ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.

С. Ф. Т—ой.

Введеніе.

Много мы встрѣчаемъ людей, не охотно обращающихъ вниманіе на такъ называемыя *Мелочи*, какъ будто опасаясь обнаружить тѣмъ признаки мелкаго ума и полагая, что пренебреженіе къ бездѣлицамъ служитъ доказательствомъ отличительныхъ способностей.

Я не намѣрена ни оправдывать, ни даже извинять постоянную заботливость о мелочныхъ предметахъ жизни, ни того лихорадочнаго, непрерывнаго волненія, которое можетъ обратиться въ положительное страданіе, и надоѣсть всякому. Но я желала бы доказать, по возможности, кому либо изъ моихъ читательницъ, что между тѣми предметами, которые мы привыкли называть *мелочными* — есть нѣкоторые, не попадающіе въ этотъ разрядъ, и что если эти бездѣлицы могутъ имѣть важныя послѣдствія, то онѣ заслуживаютъ достаточнаго вниманія, чтобы не пренебрегать ими.

Какъ въ мелочахъ, такъ и въ самыхъ важныхъ предметахъ жизни, правило христіанское требуетъ исполненія всякой вещи во славу Божію.

Если этотъ двигатель дастъ намъ силу исполнять мелкія свои обязанности, переносить маленькія непріятности, побѣждать свои недостатки, мы уже конечно не подвергнемся опасенію тревожить себя напрасно бездѣлицами или пренебрегать ими съ порочною беззаботностію.

Въ собственномъ-ли, внѣшнемъ украшеніи, въ убранствѣ-ли комнатъ, именно эти послѣднія мелочныя заботы лишь придаютъ изящность и красоту; словомъ: подобными мелкими заслугами вся прелесть христіанской жизни можетъ быть прославлена или помрачена.

Съ помощію серьезныхъ и возвышенныхъ побужденій мы должны заботиться о томъ, чтобы вниманіе, обращаемое нами на бездѣлицы, не перешло въ преувеличенную и чрезмѣрную мелочность.

Приложимъ-же искреннее стараніе способствовать къ счастію окружающихъ насъ людей. Будемъ смотрѣть на мелочныя наши обязанности и на мелкія дневныя заботы, какъ на извѣстную долю долга, возлагаемаго на насъ Отцемъ Небеснымъ и притомъ не рѣдко доставляющую намъ случай къ добровольному самопожертвованію и тѣмъ самымъ открывающую намъ путь къ ежедневному сближенію съ нашимъ Создателемъ. Такимъ образомъ, связуя эти мелочи жизни съ мыслію о Томъ, Кто даровалъ намъ существованіе, движеніе и бытіе,—онѣ силою этой же самой мысли облагородятся и освятятся.

Мелочныя обязанности.

«И такъ ѣдите-ли, пьете-ли, или ино что дѣлаете, все дѣлайте во славу Божію».
(Посл. къ Коринѳ. 1-е, гл. X, ст. 31).

Аккуратное исполненіе нашихъ мелкихъ обязанностей требуетъ гораздо болѣе энергіи, чѣмъ мы полагаемъ съ перваго взгляда; онѣ кажутся столь ничтожными, что пренебречь ими однажды не представляетъ для насъ особой важности. Казалось бы не стоило употреблять свою энергію на подобныя *мелочи*; но мало по малу беззаботность беретъ верхъ, *мелочныя обязанности* все болѣе откинуты въ сторону и неудовольствіе наконецъ овладѣваетъ нами.

Привычка къ порядку и аккуратности не можетъ быть поставлена въ число *мелочныхъ обязанностей*, потому что она неоцѣненна во всѣхъ важныхъ случаяхъ жизни; однако же я вполнѣ убѣждена, что главная доля скуки, неразлучной съ мелочными обязанностями, исчезла-бы сама собою, если бы каждая вещь была своевременно исполнена, и каждый предметъ на свое мѣсто поставленъ.

Въ числѣ *мелочныхъ обязанностей* я назову во первыхъ ту, отъ которой многія другія зависятъ: привычку вставать рано. Обязанность признанная вообще непріятною и трудною.

Дѣйствительно, кто изъ насъ не испытывалъ, съ какимъ наслажденіемъ пользуешься утромъ всякимъ пред-

логомъ для нарушенія этого правила? Кто изъ насъ въ подобныхъ случаяхъ не испытывалъ недостатка твердости и рѣшимости? Кто изъ насъ съ величайшимъ удовольствіемъ не старался увѣрить себя, что и въ самомъ дѣлѣ еще рано вставать?

Бываютъ охотники до ранняго вставанья и они выигрываютъ тѣмъ долгое и спокойное утро, которымъ могутъ располагать безпрепятственно. Эти лица конечно найдутъ, что подобное наслажденіе вполнѣ искупаетъ для нихъ жертву ранняго вставанья; но, тѣмъ не менѣе, *жертва* существуетъ, и для многихъ она кажется весьма тяжкою.

Бываютъ однако же и такіе дни, гдѣ каждый безъ большаго усилія встаетъ рано, напримѣръ: чтобы предпринять путешествіе, навѣстить больнаго или предаться какому нибудь любимому занятію, для котораго не нашлось бы времени въ теченіи дня.

Твердо пожелать—значитъ исполнить. Наложимъ же на себя обязанность рано вставать, дѣйствуя всѣми убѣжденіями, наиболѣе способными покорить нашу волю. Привычка вставать рано чрезвычайно полезна для здоровья; она доставляетъ намъ много лишняго досуга и служитъ вѣрнымъ источникомъ довольства и хорошаго расположенія духа.

Обязанности, лежащія на тѣхъ женщинахъ, которыя не пренебрегаютъ собственнымъ домашнимъ хозяйствомъ, принадлежатъ къ числу *мелочныхъ занятій*; но онѣ столь разнообразны, смотря по положенію личностей, что мнѣ остается только вообще энергически настаивать на необходимости аккуратнаго ихъ исполненія,

и чѣмъ ранѣе, тѣмъ лучше. Слѣдовало бы назначить опредѣленный часъ для отправленія этихъ домашнихъ обязанностей. Съ нѣкоторою долею проницательности легко было бы предвидѣть бо̀льшую часть дневныхъ нуждъ, и отдать заранѣе тѣ приказанія, отъ которыхъ зависитъ приведеніе въ дѣйствіе всей механической системы хорошаго организованнаго хозяйства. Такимъ образомъ, менѣе было бы траты времени, нежели могутъ себѣ представить хозяйки дома, которыя, по своей опрометчивости, постоянно выжидаютъ какого-то непредвидѣннаго досуга.

Проведя нѣсколько дней среди дурно-устроеннаго хозяйства, легко можно убѣдиться въ необходимости подчинить себя величайшей регулярности въ исполненіи этихъ *мелочныхъ обязанностей.*

Какое мученіе видѣть хозяйку дома, которая съ лихорадочною дѣятельностью, раздражающею нервы, слѣдитъ за разными обязанностями своей прислуги, прерываетъ тѣмъ занятія другихъ, и сама дѣлаетъ все не въ пору.

Необходимо намъ выучиться исполнять свои *мелочныя обязанности* въ то самое время, которое для нихъ назначено, хотя-бы и пришлось для этого прервать самое увлекательное занятіе.

Опаздывать хотя нѣсколько къ столу, не быть совершенно готовою къ выѣзду, пріѣхать четверть часа позже условленнаго времени — все это бездѣлицы; но однако, ихъ частое повтореніе дѣлаетъ ихъ ужасно обременительными для прочихъ.

Мнѣ кажется, что слѣдовало бы включить въ число

мелочныхъ обязанностей и нѣкоторое прилежаніе къ разнообразнымъ рукодѣльямъ, которыя было бы трудно всѣ здѣсь исчислить. Весьма естественно, что иныя личности бываютъ искуснѣе другихъ, но каждая женщина должна бы стараться пріобрѣтать по возможности тѣ искуства, которыя украшаютъ домашній бытъ, а въ особенности все то, что можетъ доставить удовольствіе и пользу въ комнатѣ больнаго. Есть люди, которые никогда не выходятъ изъ дома, не внося въ него при возвращеніи какого нибудь новаго плана для лучшаго устройства хозяйства, украшенія ихъ жилья, или отдѣлки сада. Вотъ эти-то люди удовлетворительно исполняютъ всякую обязанность: жилище ихъ отличается комфортомъ и изяществомъ, которые въ немъ царствуютъ не только по милости безукоризненнаго порядка, но еще и съ помощью нѣкотораго устройства меблировки, свидѣтельствующаго объ изящномъ вкусѣ, замѣтномъ въ мельчайшихъ подробностяхъ. Я ставлю въ число *мелкихъ обязанностей* необходимость устроить свое жилище не только сколь-возможно удобно, но даже изящно.

Находятся въ свѣтѣ люди, которые смотрятъ на подобныя заботы съ презрѣніемъ: они, можетъ быть по недостатку въ нихъ эстетическаго вкуса, не замѣчаютъ отсутствія тѣхъ мелочныхъ подробностей, которыя придаютъ комнатѣ комфортъ. Ихъ собственное жилище всегда имѣетъ суровый видъ: оно смотритъ опустѣлымъ; ихъ одежда не походитъ на нарядъ другихъ; прогрессъ въ *мелочахъ* для нихъ не существуетъ; если въ началѣ они пренебрегаютъ изяществомъ и внѣшнимъ видомъ,—

можно заранѣе предугадать, что со временемъ они отрекутся даже отъ порядка и чистоты.

Да будетъ мнѣ разрѣшено помѣстить въ число *мелочныхъ обязанностей*, то, что можно назвать *легкими самопожертвованіями*. Весьма немного есть обязанностей въ свѣтѣ, не требующихъ нѣкотораго самопожертвованія, въ какой бы то ни было формѣ; но я разумѣю здѣсь самопожертвованіе по собственному предпочтенію къ этому чувству,—какъ вѣрнѣйшій способъ утвердить свой характеръ, побѣдить лѣнь и пріобрѣсти болѣе самостоятельности.

Многіе утверждаютъ, что самопожертвованіе не есть обязанность; другіе же полагаютъ, что тѣ обязанности, о которыхъ я сейчасъ упомянула, не требуютъ никакого самопожертвованія. Я сильно подозрѣваю послѣднихъ въ томъ, что они не испробовали этого обстоятельства; что же касается до первыхъ, то они вѣроятно приписываютъ слову *самоотверженіе* совершенно спеціальное значеніе.

Несомнѣнно, требуется нѣкоторая доля самоотверженія, чтобы воздержаться въ разговорѣ отъ рѣзкаго замѣчанія, даже при нашемъ полномъ сознаніи, что оно столь же мѣтко, сколько и по справедливости заслужено нашимъ собесѣдникомъ. Такого рода самопожертвованіе заставляетъ насъ упомянуть о томъ уваженіи и снисхожденіи, которыми мы обязаны другъ передъ другомъ, принимая въ соображеніе отличительныя черты каждаго, его характеръ, особенности и, даже, недостатки.

Старики, по общему мнѣнію, имѣютъ право на христіанское снисхожденіе, вытекающее изъ желанія пред-

охранить ихъ отъ всякаго тяжкаго ощущенія. Дѣтству тоже въ немъ вообще не отказываютъ; но между людьми одинакаго возраста и положенія, оно рѣдко встрѣчается. Увы! сколько тяжкихъ минутъ причиняются единственно по неумѣнію, съ сердечною добротою пощадить взаимныя слабости! О, не забудемъ никогда, что въ самыхъ мелочныхъ подробностяхъ жизни мы дожны слѣдовать примѣру нашего Божественнаго Учителя, Того, чье снисхожденіе и святое терпѣніе не оскудѣвало никогда передъ слабыми и невѣжественными его учениками!

Будемъ также всегда благодушны! Благодушіе равняется благоуханному воздуху ранняго утра, солнечному лучу, безъ котораго самая превосходная картина теряетъ всякую прелесть, и который способенъ придать миловидность даже и самому болоту.

Важныя обязанности и великія самоотверженія теряютъ много цѣны и много силы въ своихъ дѣйствіяхъ и въ пользѣ, ими приносимой, если они не исполняются въ этомъ любовномъ духѣ; что же касается до *мелочныхъ обязанностей* и *мелкихъ самопожертвованій*, то они утрачиваютъ всякую цѣнность, если не освящаются радостнымъ лучемъ кроткаго и веселаго расположенія духа.

Въ тѣсной связи съ благодушіемъ находится въ человѣкѣ пріятное расположеніе легко довольствоваться всѣмъ и радоваться бездѣлицамъ. Бываютъ люди, отъ природы всегда довольные и веселые, и мы всѣ чувствуемъ себя гораздо счастливѣе въ ихъ обществѣ, чѣмъ въ сношеніяхъ съ тѣми, кто по равнодушію, или, по внутреннему неудовольствію, никогда и ничѣмъ не удовлетворяется. Но мало не *казаться* самому недо-

вольнымъ и скучающимъ, мы должны еще внушить другимъ мысль, что мы веселы и въ духѣ.

Слѣдуетъ принимать съ благодарностью и любезностью малѣйшія услуги, намъ оказанныя; любоваться добродушно тѣмъ, на что желаютъ вызвать наше вниманіе. Однимъ словомъ, надобно дѣлать для другихъ то, чего бы мы сами отъ нихъ для себя ожидали, и принять за правило не походить на тѣ требовательные и угрюмые умы, которые всегда упорно пріискиваютъ дурную сторону вещей и никогда не способны остановиться на ихъ утѣшительныхъ и пріятныхъ свойствахъ.

Тѣмъ лицамъ, которыя указали бы мнѣ на опасеніе—приписывать слишкомъ много значенія этимъ *мелочнымъ обязанностямъ*,—я отвѣчала бы: что *малыя* обязанности всегда должны быть исполнены съ большимъ чувствомъ, съ *высокимъ* духомъ, безъ шума и не упуская *великихъ* дѣлъ въ пользу *малыхъ*.

Мелочныя услуги.

Очень часто по разсѣянности, или по нерадѣнію, люди весьма добрые не умѣютъ составить счастіе окружающихъ ихъ лицъ.

Сколько мы видимъ семействъ искренно - дружныхъ между собою, готовыхъ сдѣлать все на свѣтѣ другъ для друга, если бы дѣло шло о какомъ нибудь важномъ пожертвованіи; но тѣже люди совершенно упускаютъ изъ

вида мелочныя одолженія и услуги ежедневныя и ежечасныя. Мало по малу, всякій дѣлается эгоистомъ, занимаясь лишь самимъ собою, не замѣчая собственныхъ погрѣшностей и не сознавая, что отъ него были бы вправѣ ожидать совершенно инаго образа дѣйствій.

Жизнь вообще весьма рѣдко представляетъ случаи оказывать великія и значительныя благодѣянія ближнему; но едва ли проходитъ одинъ часъ въ каждомъ днѣ, гдѣ бы мы не могли тѣмъ, или другимъ способомъ сдѣлать для кого либо что нибудь полезное или пріятное. Между многочисленными средствами достиженія этой цѣли, я укажу на снисходительное вниманіе къ слабостямъ другихъ. Мало находится семействъ, гдѣ характеръ одной, или нѣсколькихъ личностей не требовалъ бы особеннаго изученія. Если лицо, подверженное большимъ странностямъ, есть именно глава дома, или одинъ изъ старшихъ членовъ семьи, такое вниманіе обыкновенно считается священною обязанностью; но между друзьями, между братьями, и сестрами какъ рѣдко оно встрѣчается!

Въ числѣ *мелочныхъ одолженій*, я поставлю въ обязанность, предоставлять каждому веселиться и блаженствовать по собственному его влеченію. Не настаивайте никогда на личномъ своемъ взглядѣ, касательно удовольствій: это лучшій способъ, при самыхъ добрыхъ намѣреніяхъ, надоѣсть и измучить тѣхъ, кому желаешь быть пріятенъ. Сверхъ того, эта потребность руководить и навязывать собственныя свои мысли, можетъ обратиться въ привычку постояннаго и нестерпимаго деспотизма. Помните всегда, что каждый возрастъ имѣетъ свой соб-

ственный взглядъ на удовольствія и свои собственные вкусы. Старики предпочитаютъ обыкновенно свои аккуратныя, спокойныя привычки всякимъ перемѣнамъ; тогда какъ молодость требуетъ измѣненія и постоянно новыхъ ощущеній.

Нѣтъ болѣе драгоцѣнной услуги, какъ та, которая благодушно облегчаетъ исполненіе желаній другихъ. Поставимъ себя на ихъ мѣсто, и сдѣлаемъ, что отъ насъ зависитъ къ устраненію для нихъ всѣхъ препятствій. Кто изъ насъ не испытывалъ разочарованія, когда при задуманномъ удовольствіи, или пріятномъ отъ кого либо приглашеніи, не нашлось въ семьѣ никого, кто бы изъявилъ участіе, или хотя нѣсколько интересовался бы выполненіемъ задуманнаго плана?

Еще того хуже, если не довольствуясь холоднымъ равнодушіемъ, начинаютъ предвидѣть всякія возможныя и невозможныя препятствія къ исполненію предположеннаго удовольствія, пріискивая на досугѣ вымышленныя затрудненія, и окончательно удивляясь вашему расположенію къ такого рода увеселенію. Молодость въ особенности нуждается въ дружественномъ сочувствіи ко всѣмъ мелкимъ случайностямъ ея жизни.

Въ семействахъ близко вамъ знакомыхъ не отличаете ли вы безъ труда того члена семьи, къ которому всѣ прочіе обращаются въ мелочныхъ затрудненіяхъ? Именно эта личность и облегчаетъ исполненіе всякаго предпріятія, участвуетъ во всѣхъ радостяхъ, и никогда не думая о себѣ самой, живетъ собственно только для счастія другихъ.

Ея вниманіе не ограничивается своимъ семействомъ;

она же всегда первая вздумаетъ одолжить своихъ знакомыхъ: она посылаетъ цвѣты и фрукты больнымъ; навѣщаетъ тѣхъ, кто самъ не можетъ выйти; снабжаетъ книгами, картинами, и освѣдомляется о вашихъ отсутствующихъ родныхъ или друзьяхъ.

Мнѣ вспоминается при этомъ одна дама, прославившаяся своею обязательностью. Она не была, что называется, замѣчательною женщиною, ни по отношенію къ уму, ни по отношенію къ познаніямъ; но мнѣ никогда не случалось встрѣчать особы, столь легко угадывающей общіе вкусы и столь охотно готовой удовлетворять ихъ, по мѣрѣ возможности. Она была не богата; но никто не былъ такъ щедръ на подарки. Все ея время было большею частію поглощено семействомъ, гдѣ высоко и дорого цѣнили ея способности и прекрасный характеръ. Но при этомъ, она всегда находила свободную минуту, чтобы навѣстить одинокихъ и несчастныхъ, и пользовалась всякимъ случаемъ оказать деликатное вниманіе тѣмъ, кто былъ не вправѣ чего нибудь отъ нея требовать, или ожидать. Такъ напримѣръ, она пожелала однажды быть представленною одной престарѣлой дамѣ, которая жила въ одиночествѣ и имѣла весьма мало друзей, единственно, съ тою цѣлью, чтобъ иногда навѣщать ее, и составлять ей шахматную партію. Много посвятила она ей таланкого времени, которое могла бы употребить на собственное удовольствіе, но она съ восторгомъ освѣщала это одинокое существованіе лучемъ радости и любви.

«Маленькіе подарки поддерживаютъ дружескія отношенія», говоритъ французская пословица. Вотъ еще легкій способъ одолжать: для отсутствующихъ онъ слу-

жить залогомъ нашей памяти о нихъ и всегда изобличаетъ любящее сердце, для котораго главную цѣль составляетъ удовольствіе ближняго. Такъ какъ цѣнность этихъ подарковъ никогда не бываетъ значительна, то и не вызываетъ особой благодарности, не обязывая никого взаимностью; а потому, и не слѣдовало бы исключать ихъ изъ нашихъ сношеній съ близкими намъ людьми.

О, если бы мы могли вполнѣ сознавать всю важность нашей обязанности - распространять вокругъ насъ счастье, утѣшеніе и радость: какъ бы легко намъ казалось находить удобные къ тому случаи! Не священная ли обязанность украсить и облегчить жизненный путь для дѣтства и первой молодости, чтобы познакомить ихъ съ радостью, покуда не наступила еще для нихъ пора разныхъ испытаній и жизненной борьбы! Не святѣе ли еще эта обязанность по отношенію къ тѣмъ, кто уже несетъ на плечахъ бремя жизни, и уже изнемогаетъ подъ ея тягостью? И не сознаетъ ли каждый изъ насъ всю святость этой обязанности по отношенію къ старикамъ, для которыхъ остается столь мало радостей въ жизни, и которые, вѣроятно, не мало перестрадали въ теченіи своего долгаго земнаго поприща!...

Будемъ же искать способа и случая услужить окружающимъ насъ. Не будемъ пренебрегать никакою, самою малою, долею внимательности, которую здѣсь и указать не возможно..., хотя бы она состояла только въ томъ, чтобы предложить навѣстившему насъ пріятелю то именно кресло, которое онъ предпочитаетъ.

Весьма часто *услужливость* проистекаетъ отъ любящаго сердца; но мнѣ кажется, что *привычка* къ ней

должна быть основана на христіанскихъ побужденіяхъ. Я бы желала преимущественно внушить эту драгоцѣнную привычку молодымъ людямъ. Не позволяйте себѣ никогда отказываться отъ добраго дѣла подъ предлогомъ скудости вашихъ средствъ. Осмотритесь вокругъ себя, поищите прежде всего въ собственномъ своемъ семействѣ, потомъ въ кругу сосѣдей и друзей,—не найдется ли человѣка, котораго бремя вы могли бы облегчить, печаль усладить, радости умножить, или желанія удовлетворить!

Откажитесь охотно отъ собственныхъ занятій для пользы другихъ; примите на себя всѣ мелочныя хозяйственныя заботы, которыя никому не нравятся, но въ тоже время требуютъ постояннаго исполненія.

Къ числу *мелкихъ одолженій* слѣдуетъ причислить воздержаніе отъ всякой похвальбы, когда совершилъ для себя что либо пріятное; ничего не можетъ быть тягостнѣе, какъ слышать постоянно, что такая-то жертва была намъ принесена, такая-то обязанность за насъ исполнена, и, по большей части, мы въ душѣ бываемъ весьма рѣдко благодарны за тѣ услуги и одолженія, которыми насъ постоянно попрекаютъ.

Мелкія услуги должны выполняться охотно, какъ удовольствіе, а не какъ обязанность; важнѣе всего, чтобы личность нами одолженная не могла замѣтить, что мы для нея пожертвовали собственнымъ желаніемъ, или удовольствіемъ.

Оказывать вниманіе личности заброшенной въ обществѣ по какимъ бы то ни было причинамъ,—есть тоже слѣдствіе благодушія, и входитъ въ составъ мелочныхъ

услугъ, которыми не слѣдуетъ пренебрегать не только по отношенію къ тѣмъ, кто болѣе или менѣе заброшенъ вслѣдствіе старости или бѣдности, но и къ тѣмъ, кто по несчастію и скученъ, и незанимателенъ.

Не много потребуется самопожертвованія для выполненія подобной обязанности охотно и безъ особаго принужденія.

Легкія усилія.

«Въ маломъ ми еси былъ вѣренъ!»
(Еванг. Матвѣя, гл. XXV, ст. 21).

Читая притчу о талантахъ, я часто бывала поражена тѣмъ, что слуга зарывшій деньги своего господина, не былъ въ числѣ тѣхъ, кому было наиболѣе довѣрено, но напротивъ, онъ былъ тотъ, который получилъ только одинъ талантъ.

Относительно ничтожная цѣнность этого таланта, едва ли не служитъ единственнымъ поводомъ къ тому, чтобы оставлять его безъ приращенія. Сколько разъ поступаемъ мы въ жизни какъ невѣрный слуга, желая уклониться отъ заботы о томъ маломъ, которое намъ ввѣрено, утѣшая себя въ тоже время мыслію, что мы сдѣлали бы многое, еслибъ наше поприще дѣятельности не было столь ограничено. Очень часто, безпечность нашего характера принимаетъ личину скромности, чтобы только не отступать отъ этого ложнаго правила.

Легкія усилія надъ самимъ собою, кажутся намъ скуч-

ными, и мы предпочитаемъ мечтать о томъ, что̀ бы мы предприняли, еслибъ были богаты, могущественны, одарены отличительными способностями, или необыкновенными талантами вмѣсто того, чтобы довольствоваться совѣстливымъ исполненіемъ всего, дѣйствительно состоящаго въ нашей власти.

Вспомнимъ, что самый послѣдній камень въ зданіи столь же полезенъ и необходимъ въ занимаемомъ имъ пространствѣ, какъ и главнѣйшія части цѣлаго храма. Нѣтъ человѣка въ свѣтѣ, который бы не могъ сдѣлать добра, и самыя скромныя наши усилія, если онѣ искренни, будутъ благословляемы Тѣмъ, Кто сказалъ, что даже глотокъ воды, предложенный во имя Его, не останется безъ награды! Посѣщая жилище бѣдныхъ, постараемся внести въ него какую либо полезную бездѣлку, отсутствіе которой, быть можетъ тяжко въ немъ ощущается, и которая можетъ служить къ облегченію нищеты. Снабжая бѣдныхъ старымъ платьемъ, позаботимся предварительно вычинить его; такимъ образомъ, мы удвоимъ въ ихъ глазахъ цѣну предмета, сдѣлавъ его приличнымъ и готовымъ къ употребленію.

Въ числѣ мелочныхъ усилій, я назову также заботу о пріобрѣтеніи сколько возможно болѣе познаній и учености.

Соузей (Southey) сдѣлалъ презанимательный разсчетъ всѣмъ предметамъ изученья, при употребленіи на это только 10 минутъ въ день. Въ теченіи 50-ти лѣтъ можно бы усвоить знаніе 7-ми разныхъ языковъ на столько, чтобы читать безъ затрудненія.

Тѣ изъ насъ, кому обязанности домашняго хозяй-

ства, или семейныя и общественныя отношенія оставляютъ мало времени для науки, обязаны взамѣнъ этого недостатка вносить болѣе правильности и усердія въ мелочныхъ усиліяхъ. Каждый изъ насъ можетъ всегда распологать 10-ю минутами въ день.

Я позволю себѣ присовокупить здѣсь маленькій совѣтъ на счетъ небольшихъ недуговъ, которымъ мы нерѣдко приписываемъ слишкомъ большое значеніе. Упражненіе бываетъ часто лучшимъ средствомъ противъ этихъ немощей, въ которыхъ скука играетъ едва-ли не главную роль. Прибѣгнемъ къ занятію, принудимъ себя заинтересоваться чѣмъ бы то нибыло,—и по прошествіи нѣсколькихъ часовъ физической или умственной дѣятельности, наши недуги сами собою разсѣятся.

Мелочныя заботы.

«Всѣ заботы свои возложите на Него; ибо, онъ печется о васъ.»
(Посл. Петра 1-е, Гл. V, ст. 7).

Мелочныя заботы почти всегда бываютъ удѣломъ женщинъ и возобновляются ежедневно; однакоже, онѣ часто кажутся такими ничтожными, что стыдно говорить о нихъ, или признавать ихъ *истинными* заботами. Я намѣрена показать разницу между *мелочными заботами* и *мелочными непріятностями*. Послѣднія, переносимыя терпѣливо, обыкновенно исчезаютъ безъ труда; но не такъ легко избавиться отъ первыхъ. Онѣ постоянно воз-

никаютъ въ средѣ нашей семьи, нашихъ слугъ, нашего хозяйства и весьма часто ихъ зародышъ скрывается въ самихъ насъ, въ болѣзненномъ нашемъ настроеніи, или слабомъ здоровьи. Вспомнимъ въ подобныхъ случаяхъ, что наши мельчайшія тревоги не презрѣны Тѣмъ, Кѣмъ «сочтены власы на главѣ нашей»! Эта мысль пребудетъ вѣчно лучшимъ нашимъ утѣшеніемъ и сильнѣйшею подпорою.

Что же касается тѣхъ мелочныхъ непріятностей, которыя мы сами себѣ создаемъ собственнымъ своимъ требовательнымъ и неспокойнымъ духомъ, слѣдуетъ стараться немедленно ихъ устранять. Если же невозможно удалить ихъ, то постараемся, по крайней мѣрѣ, сносить ихъ терпѣливо, не приписывая имъ преувеличеннаго значенія. Сколько такихъ личностей, которыя изъ мухи дѣлаютъ слона, тревожатъ сами себя, отравляя и другимъ жизнь постояннымъ неудовольствіемъ. Онѣ уничтожаютъ всякую радость, и преувеличиваютъ малѣйшее зло до невѣроятныхъ размѣровъ. Не смѣшно-ли слышать ихъ весьма серьезное восклицаніе, что *къ несчастію* онѣ немогутъ сегодня прогуливаться по случаю пыли! Или въ другой разъ, онѣ съ ужасомъ избѣгаютъ нѣсколькихъ дождевыхъ капель, или укрываются отъ солнечныхъ лучей; или, едва дышатъ при мысли о предстоящемъ зноѣ, между тѣмъ, какъ въ другое время, онѣ дрожатъ и коченѣютъ въ топленой комнатѣ, при одномъ разговорѣ о наружномъ холодѣ.

Вообще, не слѣдуетъ придавать слишкомъ большое значеніе пустымъ, неизбѣжнымъ непріятностямъ. Чѣмъ

болѣе мы сами тяготимся всѣмъ, тѣмъ тягостнѣе становимся для другихъ.

Веселое расположеніе духа, не унывающее отъ малѣйшей бездѣлицы, перестаетъ наконецъ ее вовсе замѣчать; тогда, какъ тѣ, которые съ наслажденіемъ останавливаются на тысячѣ мелкихъ невзгодъ, умѣютъ превратить ихъ наконецъ въ дѣйствительныя заботы, поглощающія ихъ существованіе, и лишающія главной доли счастья.

Мелкія удовольствія.

«.... дающаго намъ все обильно для наслажденія.» (Посл. къ Тимоф. 1-е. Гл. VI ст. 17).

Вамъ конечно извѣстно все то, что можетъ быть сказано въ пользу простыхъ и обыкновенныхъ удовольствій; быть можетъ, даже вы сами принадлежите къ малому числу избранныхъ, которые еще понимаютъ ихъ.

Сознайтесь однакоже, что весьма рѣдко случается встрѣтить кого либо, уже вышедшаго изъ дѣтскаго возраста, который умѣлъ бы дѣйствительно радоваться *мелочному удовольствію.* Искать забавы, или умѣть ею пользоваться тамъ, гдѣ она сама является,—двѣ вещи совершенно разныя: *искать* удовольствія составляетъ едва-ли не самый эгоистическій способъ напрасной траты времени; тогда какъ *пользоваться* имъ при случаѣ, есть почти обязанность, по отношенію къ самимъ себѣ и къ другимъ.

Въ нашей жизни бываетъ столько мелкихъ случайностей, способныхъ превратиться для насъ въ удовольствіе, если только мы пожелаемъ уразумѣть ихъ значеніе! Прогулка по полю, маленькое улучшеніе въ домашнемъ быту, сюрпризъ, приготовленный для какого нибудь отсутствующаго члена нашего семейства, покупка давно-желаннаго предмета.... словомъ, каждая пріятная случайность, которая приноситъ развлеченіе въ нашей жизни,—могла-бы сдѣлаться источникомъ удовольствія. Счастливы тѣ, кто сохраняетъ до старости свое юношеское сердце!

Тѣ, которые постоянно жаждутъ новыхъ наслажденій, конечно, находятъ мало прелести въ простыхъ и безъискуственныхъ удовольствіяхъ; послѣднія теряютъ всю свою цѣну для уклоняющихся отъ драгоцѣннаго правила: «*сперва долгъ, а потомъ уже удовольствіе.*»

Какой неистощимый источникъ радостей представляетъ природа тому, кто умѣетъ понимать и любить ее? Для него не нужны тѣ роскошные виды и величественныя зрѣлища, которые способны воспламенить и самыя холодныя сердца. Нѣсколько густолиственныхъ деревъ, кустарникъ въ цвѣту — достаточны чтобы доставить ему минуту истинной радости. Мы часто сами отворачиваемся отъ многихъ удовольствій, возникающихъ ежедневно,—вздыхая о другихъ, намъ недоступныхъ. Какъ много людей сгараютъ отъ желанія устремиться вдаль, и завидуютъ блаженной участи тѣхъ, которымъ ихъ досугъ и средства дозволяютъ покинуть свое отечество и ознакомиться съ чужими краями!... Но въ тоже время, пользуются-ли они, какъ-бы слѣдовало, тѣми не-

большими поѣздками, которыя въ наше время доступны каждому? Городскіе жители могутъ-ли вполнѣ оцѣнить прогулку въ деревнѣ, или день, проведенный въ саду? Потому-ли пренебрегають многіе этими удовольствіями, что онѣ слишкомъ просты и обыкновенны? Для образованнаго и наблюдательнаго ума, нѣтъ такихъ случайностей въ жизни, ни даже внѣшнихъ предметовъ, которые не были-бы способны возбудить полезнаго размышленія, или какого нибудь добраго чувства, приносящаго плоды въ будущемъ. Если вы съ мелочнымъ умомъ будете искать мелочныхъ удовольствій,—васъ займутъ мелкія сплетни вашихъ сосѣдей, пустота нарядовъ, тысячи бездѣлицъ, отравляющихъ мысль и сердце; но не такъ-бы я желала видѣть васъ пользующимися *мелочными удовольствіями*. Отвернитесь отъ всего низкаго и презрѣннаго, недостойнаго васъ, но не презирайте простыхъ скромныхъ цвѣтковъ, украшающихъ вашъ жизненный путь и которыми Господь дозволяетъ вамъ радоваться съ чистымъ и довольнымъ сердцемъ! Мы всѣ имѣемъ кого любить, кого счастливить, и во всѣхъ странахъ, подъ всякимъ небомъ, бываютъ ясные дни, гдѣ вся природа улыбается, гдѣ солнце освѣщаетъ насъ самыми радостными лучами.

Маленькія погрѣшности.

«И если соблазняетъ тебя рука твоя, отсѣки ее!» (Ев. Марка, Гл. IX, ст. 43).

Что̀ именно назовемъ мы *малыми погрѣшностями.* Каждый христіанинъ не обязанъ-ли взирать на каждую ошибку, какъ на оскорбленіе, нанесенное святынѣ Божества и это оскорбленіе можетъ-ли когда нибудь назваться *малымъ?*

Однако-же, всякій изъ насъ имѣетъ свои слабости и недостатки, на которые онъ смотритъ съ особеннымъ снисхожденіемъ, по причинѣ ихъ кажущейся ничтожности. Отличіе, дѣлаемое обыкновенно между *ошибкою* и *грѣхомъ,* часто ослѣпляетъ насъ на счетъ истиннаго значенія нашихъ дѣйствій, и мѣшаетъ намъ видѣть зародышъ грѣха тамъ, гдѣ онъ уже быстро развивается.

Въ числѣ *малыхъ грѣховъ,* слѣдуетъ назвать лѣнь, неучтивость, небрежность, невнимательность и грубое обращеніе,—недостатки, которые мы строго порицаемъ въ своихъ дѣтяхъ, и должны бы первоначально искоренять въ себѣ самихъ. Не будемъ же считать недостойнымъ себя усиліе избавиться отъ этихъ дурныхъ привычекъ.

Есть еще *маленькій грѣхъ* или порокъ, какъ хотите, въ которомъ мы всѣ болѣе или менѣе повинны, и противъ котораго многія искреннія усилія разбивались въ прахъ. Я разумѣю привычку *откладывать* исполненіе нашихъ мелочныхъ обязанностей, вмѣсто того, чтобъ исполнять ихъ немедленно. Люди, обремененные множествомъ дѣлъ, рѣже впадаютъ въ эту привлекательную ошибку, нежели

тѣ, которые располагаютъ большимъ досугомъ. Лѣнь и нерадѣніе постоянно возбуждаютъ стараніе—отложить всякое дѣло подъ тѣмъ предлогомъ, что всегда найдется еще время для такого-то благотворнаго поступка, или для такой-то дружеской услуги; но времени этого какъ-то *никогда* не находится.

Праздность тоже порокъ, который мы осуждаемъ въ молодыхъ людяхъ, но которому мы сами часто предаемся безусловно. Можно всегда найти способъ заниматься совершенно безплодно, такъ напримѣръ: читать пустыя книги, разговаривать о ничтожныхъ предметахъ, или вышивать безпрестанно какую нибудь безполезную тряпку: все это средства, могущія будто-бы замѣнить дѣятельность, но онѣ никогда не принесутъ удовлетворительныхъ результатовъ. Это, пустая трата времени, не приносящая никакого плода. Мало по малу, мы привыкаемъ къ такой жизни безъ цѣли, или же ощущаемъ потребность оживлять ее новыми удовольствіями, для ускоренія тѣхъ часовъ, которыхъ теченіе замедляется скукою. Имѣйте всегда побудительную причину для каждаго, предпринимаемаго вами дѣла, и допрашивайте себя почаще: достойно-ли вы употребляете порученное вамъ Богомъ время? *Нерадѣніе*—тоже въ числѣ *малыхъ погрѣшностей*, которое слѣдуетъ тоже какъ можно болѣе избѣгать. Оно ежедневно болѣе и болѣе овладѣваетъ предающимся ему, и наконецъ, пускаетъ глубокіе корни во всѣ его привычки.

Если обращать слишкомъ сильное вниманіе на все, относящееся до нашего комфорта, и избѣгать всего, могущаго насъ обезпокоить, мы вскорѣ привыкнемъ ду-

мать только о себѣ, и считать одно лишь собственное благосостояніе цѣлью нашей жизни.

Физическая и нравственная безпечность не всегда бываютъ соединены вмѣстѣ; но слѣдуетъ вооружаться одинаково упорно противъ обѣихъ.

Совѣтую, въ особенности женщинамъ, подвергающимся сильнѣйшимъ искушеніямъ относительно нравственной безпечности, — строго, наблюдать за своимъ образованіемъ и умственнымъ развитіемъ. Пусть не закрываютъ онѣ занимательной книги потому только, что потребно нѣкоторое усиліе ума, чтобы понять ее: эта умственная лѣнь можетъ возростать ежедневно, и мысль сдѣлается вполнѣ неспособною къ труду и развитію.

Не худо-бы, хотя въ теченіи одной недѣли, отдать себѣ отчетъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и разсмотрѣть безпристрастно: каково было употребленіе этого времени, и согласуются ли достигнутые результаты съ тѣми способностями, которыми провидѣніе надѣлило насъ.

Мы, хозяйки дома не должны покоряться нежеланію сдѣлать выговоръ, когда онъ заслуженъ. Тотъ, кто постоянно ворчитъ,—есть домашній бичъ; но не менѣе ошибочно тоже, не умѣть соблюсти порядокъ и опрятность въ своемъ хозяйствѣ, не сдѣлать заслуженнаго замѣчанія въ надлежащую минуту, единственно потому только, что удобнѣе, легче и пріятнѣе смолчать.

Затѣмъ, подъ видомъ *опрометчивости*, возникаетъ множество *малыхъ грѣшковъ:* тѣ легкія упущенія, мелкіе должки и та невнимательность, которыя мы не пони-

маемъ въ ихъ истинномъ значеніи потому, что никогда объ нихъ не думаемъ.

Вспомнимъ, что вѣтренность, доходящая до невниманія къ ближнему,—есть эгоизмъ, и что произнося слова: *Я объ этомъ и не подумала*, — мы должны бы считать ихъ для себя скорѣе упрекомъ, но никакъ не оправданіемъ.

Мы обязаны заботиться о возможности оказать кому нибудь изъ домашнихъ услугу, мы обязаны избѣгать необдуманнаго слова, могущаго оскорбить или огорчить ближняго; мы обязаны наблюдать за собою, чтобы не поддаться свойственной намъ вѣтренности и опрометчивости.

Позволено-ли мнѣ будетъ помѣстить угрюмое настроеніе въ число *мелкихъ погрѣшностей*? Не думаю, хотя мы встрѣчаемъ на каждомъ шагу какое нибудь проявленіе этого непріятнаго недостатка, которому мы подчиняемся безъ малѣйшаго стыда.

Безспорно, что въ хорошемъ обществѣ рѣдко приходится встрѣчать припадки гнѣва и слышать оскорбительныя рѣчи; но есть и кромѣ того очень много способовъ обнаружить передъ посторонними лицами свое дурное расположеніе духа.

Кому изъ насъ не случалось встрѣчать этотъ холодный, невозмутимый взглядъ, который отворачивается отъ васъ въ то самое время, когда вы желаете его встрѣтить? Эти рѣдкіе и сухіе отвѣты, это преднамѣренное равнодушіе ко всему, что говорится и что дѣлается вокругъ? Или, этотъ рѣзкій и отрывистый, угрюмый взглядъ, воздержаніе отъ улыбки, мученическій видъ и

ироническое выраженіе физіономіи? Эта насмѣшливая скромность или этотъ грубый способъ не обращаться къ тому лицу, съ которымъ говоришь? Кто не встрѣчалъ съ грустью всѣ эти дурныя чувства въ другихъ, и въ тоже время, при случаѣ, не предавался имъ самъ, подъ предлогомъ особыхъ причинъ для своей досады?...

Въ близкомъ сродствѣ съ дурнымъ расположеніемъ духа состоитъ также непріятная готовность считать себя обиженнымъ малѣйшею бездѣлицею. Мы чаще всего предаемся этой преувеличенной обидчивости у себя дома, среди своего семейства, по отношенію къ тѣмъ, кого любимъ всего болѣе.

Не слѣдовало бы этому быть! Не порочная ли это неблагодарность предъ Всевышнимъ,—отравлять собственными недостатками всѣ радости семейныя, оказывать недовѣріе къ священнымъ узамъ, осѣненнымъ благословеніемъ Божіимъ, которыхъ слѣдовало-бы цѣнить съ такою искреннею благодарностью!

Въ числѣ *малыхъ погрѣшностей*, я назову здѣсь, еще привычку обращать все въ насмѣшку: она часто ведетъ къ весьма недоброжелательному наблюденію за недостатками ближняго и невольно подавляетъ въ насъ способность восхищаться всѣмъ истинно-прекраснымъ, и лишаетъ возможности видѣть хорошую сторону вещей, предполагать *добро*, а *не зло*.

Во многихъ семействахъ мы также встрѣчаемъ весьма предосудительное расположеніе къ спору. Этотъ недостатокъ выражается обыкновенно въ бездѣлицахъ; но тѣмъ не менѣе, дѣлается чрезвычайно скучно, когда каждое ваше слово прерывается потокомъ противорѣчій.

Разсказываете ли вы какое нибудь приключеніе, — всякое обстоятельство тотчасъ взвѣшивается, обсуждается и возбуждаетъ сомнѣніе. Если вы заявляете какое нибудь мнѣніе,—ему удивляются, его оспариваютъ, и если вы отстаиваете тотъ, или другой фактъ,—васъ закидываютъ вопросами, замѣчаніями, сомнѣніями, пока наконецъ вы отъ изнеможенія и съ отчаянія не рѣшаетесь совершенно замолкнуть. Впрочемъ, если привычка противорѣчія нестерпима, то одинаково непріятно и постоянное колебаніе въ мнѣніяхъ, которое отнимаетъ у насъ столько полезнаго времени.

Часто проходятъ цѣлые дни во взаимныхъ распросахъ о намѣреніяхъ, о выборѣ мѣста для прогулки или о лучшемъ способѣ доставить удовольствіе той особѣ, которой желаютъ угодить. Въ концѣ концовъ, рѣшаются не предпринимать совершенно ничего, или быть можетъ противное тому, что было бы пріятно всѣмъ. Прежде всего, надобно самому знать, чего желаешь, и высказываться на этотъ счетъ откровенно, когда насъ спрашиваютъ. Совершать покупки съ личностью нерѣшительною, — просто пытка, и терпѣніе продавца подвергается часто жестокому испытанію.

У молодыхъ людей нерѣдко встрѣчается недостатокъ совершенно противоположный вышеприведенному. Едва вышедши изъ дѣтства, они полагаютъ все свое самолюбіе въ томъ, чтобъ ими никто не руководилъ, и считаютъ тебя *самостоятельными*, когда они просто *упрямы* въ самыхъ незначительныхъ случаяхъ. Вмѣсто того, чтобы съ большимъ упорствомъ навязывать свою волю

другимъ, они бы поступили гораздо благоразумнѣе, повѣривъ совѣту людей старшихъ и болѣе опытныхъ.

Послѣднiй грѣшокъ, на который мы здѣсь укажемъ, это—недостаточное вниманiе къ совѣстливому выполненiю нашихъ благихъ намѣренiй. Будемъ же смотрѣть на нихъ какъ на обѣты, данные нами самимъ себѣ, которые мы не вправѣ нарушить, и будемъ искать у Бога силы ихъ выполнить.

Редакторъ-Издательница **С. Кашпирева.**

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 16 Iюня 1871 г.

„ЗАРЯ“

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Изъ деревни. *А. А. Фета.*
II. Греко - Болгарскій церковный вопросъ. *П. Тесовскаго.*
III. Послѣдній Польскій король Станиславъ Августъ Понятовскій. Гл. II. *М. Де-Пуле.*
IV. Конрадъ Валленродъ. (Историческая повѣсть А. Мицкевича). III. *Н. С—ва.*
V. Славнуки. Картины изъ крестьянской жизни. *Влад. Александрова.*
VI. Первая любовь. Рыцарская пѣсня. (Подраженіе А. де-Мюссе) *Б. Алмазова.*
VII. Очерки прошлаго. Городъ Смуровъ. (Уѣздныя сцены). *А. Чужбинскаго.*
VIII. Очерки политической и домашней жизни грековъ въ средніе вѣка. *Г. Кипріянова.*
IX. Славная женщина. (Романъ автора «Джона Галифакса»). Главы X—XII.

X. **Журналы общества содѣйствія русской промышленности и торговлѣ.**

XI. **Изъ современной хроники.** Наши политическіе заговоры прежнихъ и нынѣшнихъ временъ. — Аристократическій характеръ прежнихъ заговоровъ.—Напускной характеръ заговоровъ позднѣйшихъ. — Нечаевское дѣло.—Факты, обнаруженные предварительнымъ и судебнымъ слѣдствіями. — Подсудимые.—Загадочная личность Нечаева.—Революціонная фантасмагорія. — Выводы, къ которымъ приводитъ гласное обсужденіе Нечаевскаго дѣла. — Пренія московскаго и харьковскаго земства. — Харьковскіе «торіи» и ихъ историческая эрудиція.—Податной вопросъ въ прибалтійской окраинѣ. — Нѣсколько словъ объ одномъ щекотливомъ вопросѣ.

XII. **Политическое обозрѣніе.** Франція послѣ комунальной усобицы.

XIII. **Приложенія.** Историческіе матеріалы. Записки И. И. Мартынова.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ:

Въ С.-Петербургѣ.

Безъ доставки.	**15** руб.		
Съ доставкою на домъ .	**15**	«	**50** к.
Съ пересылкою	**16**	«	**50** к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Для иногородныхъ: исключительно въ редакціи журнала „ЗАРЯ" (Саперный переулокъ, домъ № 19 Мельникова). Въ **С.-Петербургѣ** въ редакціи журнала „**ЗАРЯ**", въ магазинахъ А. Ѳ. Базунова, Я. И. Исакова и у всѣхъ книгопродавцевъ. Въ **Москвѣ**: у книгопродавца Соловьева (Страстной бульваръ, д. Алексѣевыхъ). **Въ почтовыхъ конторахъ подписка не принимается.**

За своевременную и исправную доставку книгъ редакція отвѣчаетъ лишь подписавшимся въ самой редакціи.

Разсрочка допускается для гг. служащихъ за поручительствомъ ихъ казначеевъ, а для прочихъ подписчиковъ—по соглашенію съ редакціей.

Редакторъ-издатель **В. Кашпиревъ.**

Тутъ же принимается подписка на журналъ для дѣтей и юношества или для семейнаго чтенія «СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА».

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕЙ ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ

МАРІИ АЛЕКСАНДРОВНѢ

ИМѢЕТЪ СЧАСТІЕ ПОСВЯТИТЬ

всепокорнѣйшая и преданнѣйшая

Софія Каширева.